
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (2167)

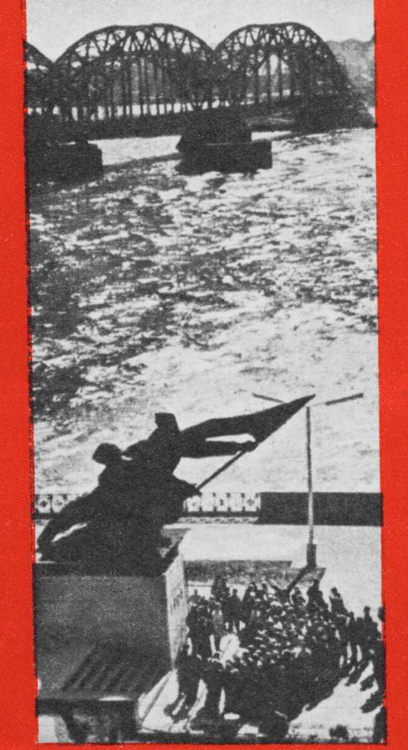
11 ЯНВАРЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

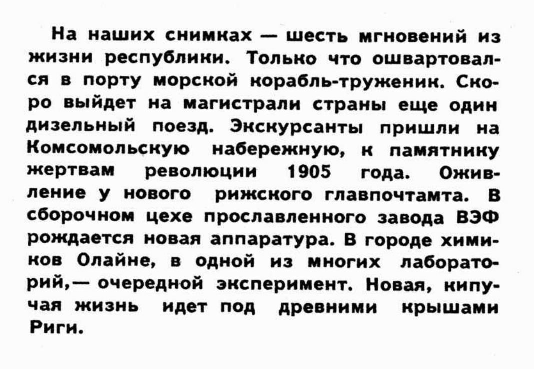
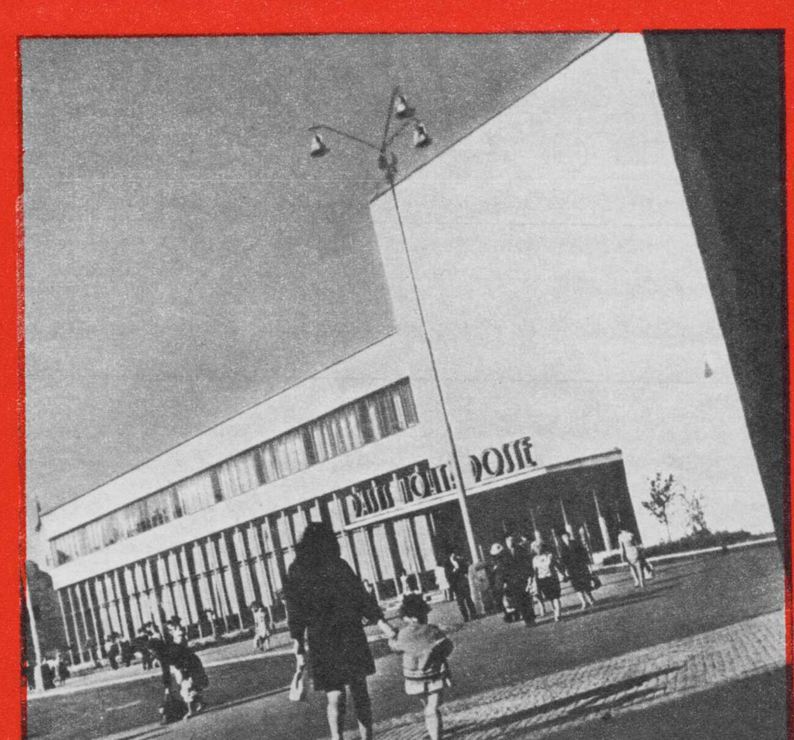

На наших снимках — шесть мгновений из жизни республики. Только что ошвартовался в порту морской корабль-труженик. Скоро выйдет на магистрали страны еще один дизельный поезд. Экскурсанты пришли на Комсомольскую набережную, к памятнику жертвам революции 1905 года. Оживление у нового рижского главпочтамта. В сборочном цехе прославленного завода ВЭФ рождается новая аппаратура. В городе химиков Олайне, в одной из многих лабораторий,— очередной эксперимент. Новая, кипучая жизнь идет под древними крышами Риги.

Фото А. БОЧИНИНА, Б. ЗАДВИЛЯ, Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

50 ЛЕТ СО ДНЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАТВИИ

Б. СМИРНОВ

История продолжается

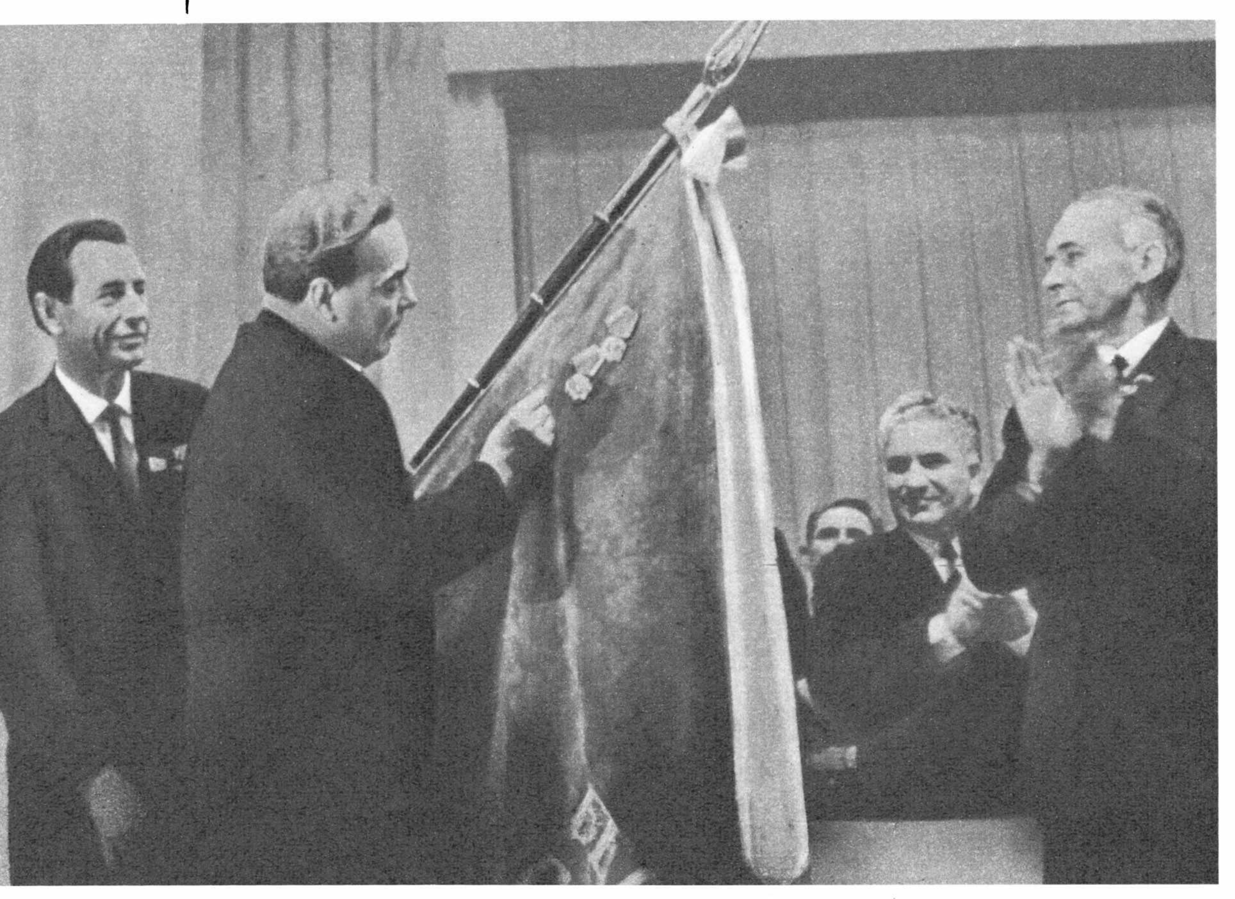
Машина, обогнув вокзальную площадь, катила вдоль железнодорожной насыпи к Даугаве.

— Улица тринадцатого января,— поясняет Кисис.— Здесь в девятьсот пятом году в ответ на «Кровавое воскресенье» в Петербурге рабочие Риги вышли на демонстрацию. Безоружных людей встретили солдаты...

Мой спутник Роберт Иванович Кисис — старый большевик, бывший латышский стрелок, свидетель и участник больших событий, выпавших за полвека на долю Латвии.

Роберт Иванович вспоминает далекие годы. Он, сын крестьянина-испольщика, был в то время пастухом, учился в школе. Она стояла на горе, и 1905 год запомнился ему зарницами пожаров в школьных окнах: горели баронские поместья. Школьники, подражая взрослым, играли в митинги и собрания. Тогда и на всю жизнь выучил он революционные песни.

— Еще помню день, когда к нам в дом пришли каратели. Искали моего старшего брата Петра, пред-

Торжественное заседание ЦК КП Белоруссии и Верховного Совета Белорусской ССР. Вручение республике ордена Октябрьской Революции.
Фото П. Новаторова и В. Лупейко (ТАСС).

ПРАЗДНИК НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Страна отметила 50-летие образования Белорусской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Белоруссии.

28 декабря 1968 года в Минске состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии и Верховного Совета БССР с участием представителей партийных, советских и общественных организаций, трудящихся города Минска и воинов Советской Армии.

Под бурные аплодисменты места в президиуме заняли товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, П. Е. Шелест, В. В. Гришин, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, В. В. Щербицкий, руководители партийных и советских организаций Белоруссии, Минска и области, знатные люди республики, главы прибывших на торжества делегаций союзных республик и городов-героев, военачальники.

Торжественное заседание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров.

Участники торжественного заседания с большим подъемом избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

С докладом «50 лет Белорусской Советской Социалистической Республики и Компартии Белоруссии» выступил П. М. Машеров.

На заседании с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Л. И. Брежнев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Белорусской Советской Социалистической Республики орденом Октябрьской Революции. Под бурные, долго не смолкающие овации зала он прикрепил орден Октябрьской Революции к знамени Белорусской ССР. Товарищ Л. И. Брежнев зачитал также Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Минска орденом Ленина и прикрепил орден Ленина к знамени Минска.

С большим воодушевлением, продолжительной овацией встретили присутствующие приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, которое огласил Л. И. Брежнев.

С приветствиями к братскому белорусскому народу обратились главы делегаций, прибывших на праздник.

Участники торжественного заседания с огромным подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

На следующий день на Центральной площади Минска состоялись военный парад и демонстрация трудящихся.

седателя волостного комитета действия. Брат с товарищами скрывался в лесу, а я украдкой носил им продукты. Народные волнения продолжались долго. Помню налет драгунов генерала Орлова на церковь, где революционеры устроили митинг. За мною гнался казак с нагайкой, я со страху перемахнул через каменную ограду, а он никак не мог перелезть. Много было бурных событий. Видел, как народ встречал карателей с дробовиками, вилами и косами...

Партийный стаж, как выразился Кисис, начался для него в сельскохозяйственном училище в Приекуле, где студенты создали свою подпольную большевистскую организацию. Их забастовки прогремели тогда на всю Латвию. Студенты читали нелегальную литературу, печатали листовки, подбрасывали прокламации в телеги к крестьянам.

...Мы продолжали свое путешествие по улицам Риги. Машина остановилась на Стрелковой площади. Здесь заложен памятник латышским стрелкам.

Латышские стрелки! О них Роберт Иванович может рассказывать бесконечно долго. Это его жизнь, его радости и горести.

В 1915 году Роберт Кисис стал солдатом. Заправилы латышской буржуазии, стремясь выслужиться перед самодержавием, предложили царскому правительству России сформировать латышские воинские части. Они не учли, что основу этих батальонов составят батраки и рабочие, воспитанные на революционных традициях 1905 года. Сразу же после сформирования национальных полков латышские стрелки создали свои большевистские ячейки. И в мае 1917 года они решением своего съезда полностью перешли на сторону большевиков. Среди них был и Роберт Кисис.

— Давайте проедем по улице Суворова! — попросил Роберт Иванович шофера и продолжал: — В августе семнадцатого года эта улица стала фронтом. В Риге начинались выборы в городскую думу, и контрреволюционные силы, опасаясь успеха большевиков, решили устроить провокацию. Наш второй латышский стрелковый полк подняли по тревоге: в город вошел батальон смерти Корнилова. Мы заняли оборону по этой улице. Вон на том балконе стоял мой пулемет... Отсюда мы гнали «смертников» до самых казарм Московского предместья Риги. Провокация не удалась!

...24 октября 1917 года на станции Цесис латышские стрелки провожали в Петроград трех своих делегатов: К. Петерсона, П. Старкиса и Р. Кисиса. «Привет Петрограду! Петроград не обманет!» — кричали стрелки вслед уходящему поезду. Никто не знал, что в Питере вооруженное восстание уже началось.

— Мы были в зале заседания II Всероссийского съезда Советов, когда заговорила «Аврора». Скоро узнали, что Временное правительство арестовано. А на следующем заседании вместе со всеми делегатами мы голосовали за предложенные Лениным декреты о мире, земле, голосовали за первое Советское правительство. Двадцать восьмого вернулись в Цесис — в Латвии это был первый город, поднявший красное знамя победившей революции.

— Жаль, что отсюда долго ехать до Цесиса! — заметил я.

— А до Пскова еще дальше! — засмеялся Кисис. — Там в феврале восемнадцатого года мы участвовали в сражении, которое стало боевым крещением Красной Армии. А потом надо было ехать под Рыбинск, затем в Москву. Наш девятый полк охранял Кремль, и я был назначен заместителем коменданта Кремля товарища Малькова. Помните историю — мятеж в Москве в июле восемнадцатого? Латышские стрелки окружили Большой театр. Я участвовал в аресте левоэсеровской фракции. Мятеж продолжался, и мы организовали оборону Кремля. Ленин лично осматривал наши боевые позиции, беседовал с солдатами.

Теперь — на бульвар Райниса!

Машина остановилась у Рижского оперного театра. В этом здании 13 января 1919 года была провозглашена Советская власть в Латвии.

Потом мы поехали в Дом офицеров — старинное здание бывшего купеческого собрания.

Роберт Иванович медленно поднимался по ступеням широкой лестницы, вошел в огромный зрительный зал, сел в кресло и осмотрелся.

— Как будто все то же, что было пятьдесят лет назад. Здесь проходил шестой съезд партии большевиков Латвии. На этом съезде она была переименована в коммунистическую. Я сидел тогда вот здесь, ряду в двадцатом. Сколько же воды с тех пор утекло!

Когда мы вышли на улицу, я спросил Роберта Ивановича:

— А теперь куда поедем?

— Теперь, если точно следовать хронике событий тех лет, мы должны уехать из Риги. В мае 1919 года сюда вошли немецкие части фон дер Гольца при поддержке англичан, американцев. А в августе того же года в боях под Минском я был ранен, попал в плен, и меня отправили в Варшаву. Когда

• ПЯТЫЙ СТАРТ К ВЕНЕРЕ

• Встреча в мае

• ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В 1967 году после посадки «Венеры-4» на планету Утреннюю звезду в Президиуме Академии наук СССР состоялась пресс-конференция. В тот день академика М. В. Келдыша спросили, когда будет следующий визит на Венеру.

«...полет на Венеру,— ответил Келдыш,— можно совершать примерно один раз в двадцать месяцев. Значит, следующий срок — 1969 год...»

И в первые же дни Нового года к поверхности «Планеты тайн» ушел советский космический корабль «Венера-5».

«Мы хотим строить нашу программу космических исследований так,— сказал далее Келдыш,— чтобы каждый новый шаг давал бы принципиальное продвижение вперед».

«Основной целью запуска станции является продолжение исследований планеты Венера, начатых автоматической станцией «Венера-4». На станции «Венера-5» расширен состав научной и измерительной аппаратуры, что позволит повысить точность измерений и получить дополнительные научные данные об атмосфере планеты,— говорится в сообщении ТАСС.

В процессе полета станции по трассе Земля — Венера будут проводиться широкие научные исследования в космическом пространстве...

Автоматическая станция «Венера-5» выведена на расчетную траекторию. Полет станции к планете Венера будет продолжаться более 4 месяцев. Станция достигнет планеты Венера в середине мая 1969 г., пролетев по траектории расстояние порядка 250 миллионов километров, и осуществит плавный спуск в ее атмосфере. Исследование атмосферы Венеры предусматривается производить в течение всего времени снижения станции».

Мы гордимся новым достижением советской космической техники и уверены, что, доставив на «загадочную планету» вымпелы Советского Союза с барельефом Владимира Ильича Ленина и изображением Государственного герба СССР, «Венера-5» принесет нам важную и совершенно новую информацию о жизни нашей космической соседки.

вылечился, удрал. Латвия была уже оккупирована, и я пробрался в Россию, где продолжали биться за Советскую власть мои земляки — латышские стрелки. Я нашел своих товарищей на врангелевском фронте. Меня назначили комиссаром бригады, затем начальником политотдела дивизии.

...Закончилась гражданская война. Кисис, как и многие латыши, не смог вернуться в Латвию: там хозяйничало буржуазное правительство Ульманиса. Для латышей-революционеров второй родиной стала Советская Россия.

Закончив воинскую службу заместителем начальника политуправления Харьковского военного округа, Кисис по решению партии переходит на гражданскую работу в губком Екатеринослава (Днепропетровска), потом выезжает на партийную работу в Сибирь.

— До сих пор меня приглашают в гости старые друзья: «Приезжай посмотреть Красноярскую ГЭС!» Я был в тех местах сразу после разгрома Колчака, ничего, кроме мастерских, там тогда не было. И еще зовут в Новосибирск: там я тоже работал, в свое время даже голосовал за то, чтобы дать городу это имя вместо Новониколаевска. Еще работал в Ростове-на-Дону, потом снова в Днепропетровске — помогал бороться с кулацким саботажем, а затем — Воронеж, Москва... Был заместителем наркома внешней и внутренней торговли, работал в Наркомснабе.

...Наша машина пересекала город, распутывая лабиринт старых узких улочек и новых широких проспектов. Двадцать лет мой спутник не мог шагать по этим местам, двадцать лет он видел свой отчий дом только во сне. И вот год 1940-й, год, когда трудящиеся Латвии, опираясь на интернациональную поддержку Советского Союза, сбросили эксплуататоров и восстановили власть Советов...

И вновь воспоминания: мы остановились на берегу озера Киш, и Роберт Иванович рассказывает о новых славных делах латышской стрелковой дивизии:

— Она была возрождена в сорок первом, в первые же месяцы войны. Я принимал участие в ее формировании. В 1944 году эта дивизия подошла к Риге. Немцы упорно обороняли город, подготовили взрыв предприятий, целых жилых кварталов. Но советские танки пришли вот отсюда, со стороны этого озера, и неожиданно для оккупантов появились на главной улице Риги. Столица Латвии была спасена. Однако фашисты успели взорвать мосты, оставили город без воды, без света. Разрушений было много, и первое время жилось нам очень трудно. Если хотите, можем проехать сейчас по многим районам, и я покажу вам, как восстанавливалась Рига. Ведь я был министром коммунального хозяйства...

Мы еще долго ездили по новым кварталам строящейся Риги и никак не могли решить, где же закончить нашу поездку. Потом Роберту Ивановичу пришлось вернуться на свое, как говорится, рабочее место — в ЦК КП Латвии, в кабинет председателя партийной комиссии. А я отправился в Музей Революции. И снова предо мной проходила история Латвии, история верных рыцарей революции — латышских стрелков. На музейных фотографиях я легко находил знакомое лицо Роберта Кисиса. И тут я понял, что у нашего путешествия просто не может быть конца, потому что история свободного латышского народа, история Советской Латвии продолжается...

Р. И. Кисис выступает на слете пионеров Риги.

Лужники.

В гостях у елки

Фото А. Бочинина.

Елка в ЦСКА.

Вдоль всего здания Бейрутского международного аэропорта на английском, арабском и французском языках написаны слова: «Добро пожаловать в Ливан!». Ежедневно через его широко распахнутые двери проходит несколько тысяч пассажиров. Лайнеры более шестидесяти авиакомпаний мира садятся и взлетают здесь. Каждые десять — пятнадцать минут самолет...

В последнюю субботнюю ночь старого года ни один гражданский лайнер не взлетел и не приземлился на Бейрутском аэродроме.

В этот вечер между девятью и десятью часами на его поле опустилось шесть вертолетов. С них быстро соскочили на землю солдаты. Это были израильские десантники. Их никто не ждал, и, конечно, гостеприимная надпись на аэровокзале относилась не к ним. Чтобы подбодрить самих себя, они дали несколько автоматных очередей по стеклянному фронтону аэровокзала и за стеной дымовой завесы взорванных гранат рассыпались по полю. Десантники занялись самым настоящим разбоем. Разделившись на три группы, диверсанты взорвали и сожгли 13 самолетов арабских авиакомпаний, стоявших перед ангарами и аэровокзалом.

Более часа со стороны международного аэропорта доносились глухие взрывы и стрельба. А небо над городом еще долго было освещено заревом пожара, бушевавшего почти всю ночь на бетонном поле аэродрома. И даже утром, когда мне на-

ВЫЛАЗКА ИЗРАИЛЬСКИХ БАНДИТОВ

●

В каждый дом Дед Мороз принес елку: самые маленькие стоят в комнатах, побольше — в школьных залах, а огромные ели — в Кремле, Лужниках, в клубах и на площадях. Зажигаются вечером яркие огни, крутятся блестящие шары, а в них отражаются радостные детские лица. Золотой дождь, пестрый серпантин осыпают ребячьи хороводы. В хороводах — зайцы и лисицы, Чиполлино и волки, снежинки и Красные Шапочки.

500 артистов участвуют в представлении «Волшебное такси» во Дворце спорта в Лужниках. «Зимнюю сказку» показывают ребятам в Центральном парке культуры и отдыха. А в ЦСКА — спектакль «Праздник солнечной зимы».

Веселые аттракционы, катание на санках, поездах, пони и русских тройках, спортивные игры, мультфильмы, балет на льду — разве можно перечислить все, что доставляет радость маленьким зрителям — гостям Деда Мороза и Снегурочки!

Спешат по улицам ребята, торопятся... И важно несут со своих веселых праздников маленькие картонные чемоданы со сластями.

Т. НИКОЛАЕВА

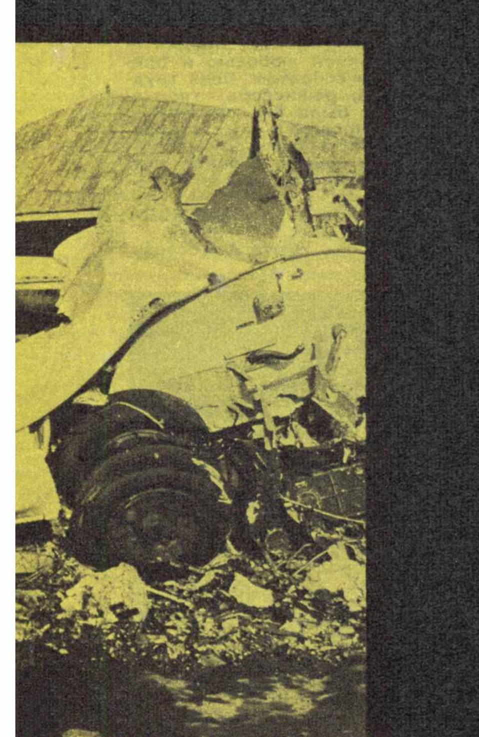
конец удалось пробиться к оцепленному войсками аэродрому, перед его ангарами все еще дымились скелеты исковерканных «боингов», «каравелл» и «комет». Общий ущерб, причиненный арабским авиакомпаниям в результате этого разбоя израильского десанта, оценивается почти в 60 миллионов долларов. Но никакой оценке не поддается тот вред, который нанесен этим провокационным актом израильской военщины делу установления мира на Ближнем Востоке именно в тот момент, когда стали появляться надежды на мирное урегулирование опасного ближневосточного кризиса.

Совет Безопасности единогласно осудил действия Израиля, совершившего акт международного разбоя.

Мировая общественность, глубоко возмущенная непрекращающимися провокациями израильских экспансионистов против арабских стран, требует не только осуждения, но и принятия действенных мер против зарвавшихся агрессоров, немедленного и полного выполнения ноябрьской резолюции Совета Безопасности о выводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. Только на этой основе может и должен быть погашен опасный очаг войны и установлен мир на Ближнем Востоке.

Леонид МЕДВЕДКО
Фото автора.

Бейрут, январь.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КОСМОС И ЗЕМЛЯ

Викентий МАТВЕЕВ

Из глубин космоса Фрэнку Борману, Джеймсу Ловеллу и Уильяму Андерсу наша планета показалась великолепным оазисом по сравнению с серой, безжизненной поверхностью Луны.

Французский журналист Роже Пик на страницах парижской «Фигаро» за месяц до полета «Аполлона-8» так суммировал свои чувства от увиденного в районе между 17-й и 19-й параллелями во Вьетнаме: «Эти мертвые зоны, эта вывороченная земля, эти огромные воронки, сливающиеся одна с другой, часто создавали у меня впечатление, что я первый космонавт, гуляющий по Луне, пораженный и потрясенный».

На торжествах не принято говорить о том, что омрачит настроение участников. В последние дни 1968 года Америка ликовала по поводу успешного броска «Аполлона-8» к Луне и обратно на Землю. Люди сидели у телевизоров, полные гордости за своих отважных соотечественников. Но вот с экрана исчезали донесенные за тысячи километров кадры, и зрители опускались на землю, в свою американскую атмосферу, которая при ближайшем рассмотрении выглядит иначе, чем это представляется из космоса.

Четвертое рождество американцы встречают в условиях, когда тысячи и тысячи семей лишены сыновей, отцов, посланных во Вьетнам, который ничем не угрожал и не угрожает Соединенным Штатам Америки.

Нет подлинного мира на американской земле. В октябре 1968 года президент Джонсон подписал законопроект, запрещающий продажу огнестрельного оружия. Всем? Нет, подросткам, еще не достигшим 18 лет. Раньше и они могли «играть» с оружием, как дети играют в куклы. Что изменил закон? Практически ничего. По заявлению того же Джонсона, в стране в личном владении уже находится 160 миллионов пистолетов и револьверов, то есть во многих семьях имеется даже не одна единица огнестрельного оружия.

В Тихом океане приводнился «Аполлон-8», и в те же дни домой вернулись члены команды американского корабля «Пуэбло», освобожденные властями КНДР после того, как США официально признали факт вторжения этого корабля в территориальные воды КНДР в целях шпионажа. Возвращение, далекое от триумфа.

На рубеже уходившего и наступающего годов, как и прежде, сталкивались разные события, явления, факты, из которых, как из пестрых лоскутьев — одеяло, образуется современный мир.

Полет «Аполлона-8» привлек к себе большое внимание. Люди отдавали должное труду американских ученых, инженеров, техников, рабочих, мужеству космонавтов. Творческие усилия, обращенные на дело научного, мирного прогресса, с лихвой окупились, принесли заслуженную награду.

В дни, когда «Аполлон-8» совершал свой полет, мне довелось быть в Индии, на юге страны. В административном центре Гоа, в городе Панджим, состоялась конференция в поддержку народов Анголы, Мозамбика, «Португальской» Гвинеи, ЮАР и Родезии, борющихся против португальских колонизаторов и расистских режимов. Гоа — благословенный край, но более 400 лет там сидели португальские колонизаторы, пока не были выброшены оттуда семь лет назад. Пальмы, золотистые пески морского побережья. Тишина. Казалось, волнения и тревоги «большого мира» сюда не доходят. Но надо было послушать, как пламенно говорили ораторы с трибуны о борьбе вьетнамского народа, о битвах на просторах Африки, вызывая дружный отклик у сидящих в зале или у массы людей, собравшихся на митинг на площади Панджима, чтобы осознать: мало сейчас на нашей планете таких уголков, где бы люди не откликались на вопросы, волнующие все человечество, вопросы войны и мира, освободительной борьбы, классовых схваток.

Полет «Аполлона-8» был, конечно, большой новостью. Но здесь в выступлениях, в разговорах об этом не упоминалось, зато часто повторялось слово «Вьетнам». И это было понятно, объяснимо. Тихое, безоблачное небо над Гоа тоже могло бы взорваться едкой гарью и обрушить смерть на мирных жителей, не получи агрессоры крепко по рукам на вьетнамской земле. Героическая борьба народа Вьетнама — вот что захватывало воображение участников встречи, и видный общественный деятель Индии Кришна Менон не преувеличивал, когда заявил с трибуны, что ничего подобного провалу во Вьетнаме Соединенные Штаты еще не испытывали.

Политики Вашингтона совсем недавно пытались уверить американцев, что во Вьетнаме для США на карту поставлен «национальный престиж». Эту чушь теперь уже не решаются повторять за океаном. Престиж... Он зарабатывается не пушечной пальбой по мирным поселкам, не бросанием бомб на рисовые поля. В этом смысле полет «Аполлона-8» должен подсказать американцам кое-что поучительное насчет того, что следует понимать под престижем. Впрочем, за океаном кое-кто не прочь и освоение космоса подчинить запросам Пентагона. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что в Пентагоне обдумывают использование системы космических спутников, чтобы дать возможность генералам, сидящим в креслах у телевизоров в Вашингтоне, наблюдать за ходом боя в каком-нибудь отдаленном районе.

Голубая мечта агрессоров: воевать с комфортом и без потерь!

1968 год начался для американских интервентов во Вьетнаме боями в самом Сайгоне. Объектом атак патриотов стало даже американское посольство. Где уж тут было до наблюдения за войной по телевизору!

Зарабатывать пироги и пышки становится для агрессоров все более рискованно. Результат — синяки и шишки. Таков важный итог минувшего года и знаменательное предостережение для грядущего.

ЛЕНИНСКАЯ ВАХТА

ВПЕРВЫЕ В МИРЕ

Накануне Нового года в Советском Союзе совершил полет сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144. Первый сверхзвуковой пассажирский лайнер пилотировали летчики-испытатели Э. В. Елян и Герой Советского Союза М. В. Козлов, ведущий инженер-испытатель В. Н. Бендеров и борт-инженер Ю. Т. Селиверстов. Вы видите их на нашем снимке.

Фото К. Распевина.

70-ЛЕТИЕ МХАТА СОЮЗА ССР ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

В большой праздник всего искусства превратился юбилей МХАТа. Хотя зрительный зал был переполнен, в нем вряд ли были люди, которых можно назвать гостями. Поистине каждый так или иначе был связан с юбиляром, каждый чувствовал себя хоть немножко тоже именинником.

Но вначале расскажем о главных именинниках.

Когда открылся занавес, на сцене находилась вся труппа прославленного театра, а по лестнице спускались самые главные именинники — ветераны, старейшие мастера Художественного театра: А. К. Тарасова, А. П. Зуева, В. Я. Станицын, М. И. Прудкин, О. Н. Андровская, К. Н. Еланская, С. К. Блинников, М. Н. Кедров, М. М. Яншин, А. И. Степанова, А. Н. Грибов, Б. Н. Ливанов и другие... Те, кто проработал в театре более 40 лет, кто вместе с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко создавал его, своим творчеством приумножал его славу, а теперь передавал эстафету гражданского служения искусству следующим поколениям. Имена и лица молодых артистов также широко известны зрителям и у нас в стране и за рубежом, где много раз триумфально гастролировал коллектив. Они исполняют главные роли в спектаклях МХАТа, часто снимаются в кино.

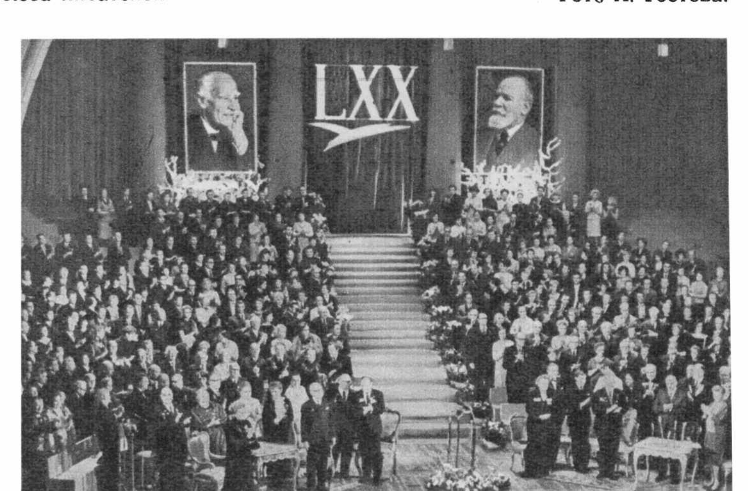
Приветствуя замечательную труппу — золотой фонд советского искусства,— министр культуры СССР Е. А. Фурцева говорит, что молодое искусство мхатовцев было и остается знаменем жизнеутверждающего реалистического советского театра.

Большую роль МХАТа в развитии советского искусства, в воспитании советского народа отмечают, приветствуя коллектив со славным 70-летием, секретарь МГК КПСС А. П. Шапошникова, секретарь ЦК ВЛКСМ Т. А. Куценко, народные артисты Е. Н. Гоголева и С. В. Гиацинтова, секретарь правления Союза писателей СССР К. В. Воронков, Герой Социалистического Труда слесарь В. В. Ермилов...

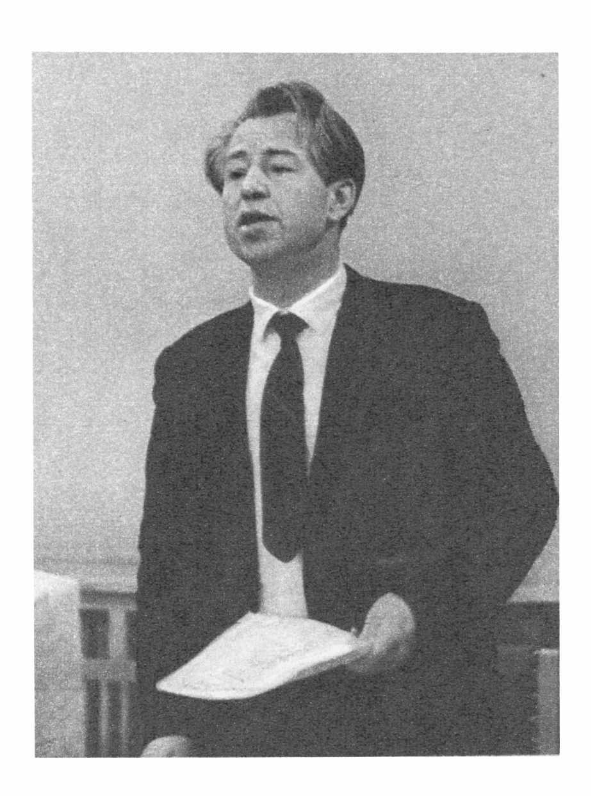
В этот вечер в гостях у мхатовцев побывала, кажется, вся театральная Москва, даже трудно было представить, кто в это время играет спектакли, без преувеличения можно сказать, что все ведущие мастера и драматических и музыкальных театров выступали на сцене МХАТа. И пребывание их на этих подмостках продиктовано было не только горячей любовью и преклонением перед старшим собратом. Ведь трудно найти сейчас артиста, режиссера, творческая судьба которого не была бы связана с МХАТом. Многие сами выросли в этих стенах, здесь познавали законы мастерства, другие учились у тех, кто нес громкое и славное имя «мхатовец», или у их учеников. И вот это — главное...

И. СЕМЕНОВА

Фото А. Гостева.

СЕДЬМОЕ НЕБО ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

...Пришла пора
Платить в беде
И в круговой
И в личной доле
За клятвы, данные в труде,
За песни, спетые в застолье.
За все — за подлость подлецов,
За мудрость мудрецов столетья.
За все — за подвиги отцов,
За их суровое наследье.
За милой речки берега,
За радости,
За огорченья,
За первый взлет под облака,
За первое свое крушенье...

Эти строки могли бы послужить эпиграфом ко всей книге «Седьмое небо», романической поэме, как назвал ее автор. Мы знаем предыдущие поэмы Василия Федорова — «Золотая жила», «Проданная Венера» и другие. Они также охватывают отдельные периоды истории и жизни нашего народа. В поэме «Седьмое небо» автор по-пушкински философичен и по-лермонтовски взволнован. На каждом шагу смысловые слитки, звучащие афоризмами: «Пройти свой путь мне было нелегко, рассказывать о нем еще нелегче», «Для одиноких нету праздников, им в праздники еще трудней», «Кто давней дружбою поступится, тот и любовь не пощадит», «Один заблудший и несчастный несчастьем сотни заразит», «Не ведал я, что два лица бывает у любого факта: для честного и подлеца», «Есть биографии несчастья, у счастья биографий нет», «У счастья не бывает опыта, лишь у несчастья опыт есть», «На чаше мировых весов уже нельзя быть легковесным»...

Поэма во многом автобиографична. Она охватывает что-то около тридцати лет жизни нашего народа. Зачастую такие пространственные куски порождают схематичность, пунктирность повествования. Федоров избежал этого. Основные герои — Василий Горин, Марьяна, Борис, Дина — предстают перед читателем как живые, пусть ошибающиеся, грешные люди, но чистые совестью.

...История начинается с аэроклуба, где учатся Горин и Борис. Марьяна становится женой Бориса. То ли потому, что незапятнанной душой не может различить порока, то ли потому, что порок хитро расставляет сети для избранной жертвы?

У Горина арестован брат. Многие отшатнулись от Горина, боялись встречаться с ним, главное же, «изгой» сам боялся их смущать:

При встрече, чтобы не пугать,
На боязливых человечков
Не смел я веки поднимать.
А грудь гудела, как набат.
Куда пойти?
К кому податься?
Пришел к друзьям.
— Да что вы, братцы!
— Брат негодяя нам не брат! —
Мне и Борис руки не подал.
Багровей, чем вареный рак,
Скривился.
— Брат врага народа
Потенциально... тоже враг...

Несостоявшаяся большая любовь — стимул для мелких любвишек. В жизнь Василия Горина входит Дина. Однако как она вошла, так и вышла. Дина почувствовала раздвоенность и не выдержала подделки под любовь. А Горин по наклонной плоскости покатился дальше. Правда, говорится об этом косвенно, в блистательной главе «Земля и Вега». Василий Горин по земной, ненаказуемой привычке «запросто» обращается с вегианкой. Но вегианка разгневалась! На их планете судят тех, кто забывает о прекрасном, кто ласкает женщину не из большой любви, а из малого соблазна.

И начинается суд, где обвинителями выступают женщины, которые были полулюбимы в земной жизни. И от их укоров Василий понимает, что им потеряно что-то очень главное. И, наверное, по причине нравственной ущербности не смог он потом быть с единственно любимой Марьяной, когда уже не было в живых Бориса, кровью искупившего свое криводушие. Горин и в любви стал бескрылым.

Когда «Седьмое небо» печаталось главами, некоторые говорили, что «Земля и Вега» чуть ли не лишняя глава. С этим никак нельзя согласиться. «Земля и Вега» является душой, разгадкой всего произведения.

Василий Федоров с трепетом и благоговением пишет о женщине. Это неотъемлемая черта русской поэзии. Герой поэмы сидит за штурвалом летящего самолета, а рядом — Марьяна. Послушайте его мысли:

Лети, не бойся!
Мной хранимую,
Тебя, тебя, мою красу,
Тебя, тебя, мою любимую,
В Седьмое небо унесу,
Тебя, травиночку медвяную,
Туда, где воздух свеж и тих,
Я унесу, мою желанную,
От всех соперников земных.
По звездным вынесу тропиночкам
К неугасающему дню,
И песни для тебя, травиночка,
Я неземные сочиню.

Эти слова прежде всего обращены к молодым читательницам. Каких бы женских черт ни касался Федоров, он никогда не опускается до обывательщины, пошлятины: «Глаза девчат, дотоль обычные, раскроются и зацветут...», «Она сияла тихой грешностью и новой женской красотой», «...Любовь! Горят ее костры, мудреют люди в добром свете...» Умение сказать о женщине тонко, со вкусом есть первый признак интеллектуальной одаренности!

Вега понадобилась автору еще и для того, и, может быть, это самое главное, чтобы ясней разглядеть черты своей Земли. «Большое видится на расстоянии».

Мы знаем, что Сергей Есенин, будучи в Америке, ничего не написал значительного об этой стране. Однако издали он увидел в России то, чего не видел вблизи, и создал стихи о ней — такие, что сердце замирает у русских людей! Наиболее острым ощущением России проникнут итальянский цикл Блока, написанный также вдали от Родины.

Василий Федоров стремится увидеть родину в ее первозданности, ароматичности. Воздух пахнет цветами и травами, сумерки не просто сумерки, а лукавые, и музыка тревожна в городском саду. А все потому, что вот-вот Борис будет исповедоваться в своей любви, и в природе замечается резкое изменение красок...

Как влюбленно и нежно вспоминает герой о своей речушке:

Я рос у вод ее разливчатых,
Ныряя с каменной гряды,
Я на волнах качался зыбчатых,
Я на песках ее рассыпчатых
Оставил резвые следы...

Нет, не декларативно говорит Горин о любви к своей старой матери! Вот сейчас он пустит веточку в эту речушку, и мать, выйдя мыть подойники, поймает ее и сердцем почует, что это весточка от сына...

А вот мысли о родной планете издалека, с Веги:

Земля!
Тревожно за нее порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой,
И не прибрал,
И не припрятал спички.

Это и есть мастерство! Болеть за всю землю — одна из основных особенностей национального таланта. А как просто все выражено! Но мы знаем, что стоит эта простота! Годы труда и горы упреков любителей поэтических ребусов: «А, примитив!» Они бы и о Пушкине так сказали, да не модно это нынче. А сколько таких, которые, солидаризируясь с модными высказываниями, вообще и не прочтут тебя, лишь будут распространять о тебе небылицы в лицах! О таких сказал остроумно Платон: «Кого я больше боюсь? Тех, кто меня не знает и говорит обо мне дурно». К сожалению, дурные нравы трудно исправимы. Но книга «Седьмое небо» адресована другим читателям, со здоровыми нравами, справедливым разумом и пытливым сердцем.

Поэма Василия Федорова «Седьмое небо» не только большая удача талантливого поэта; можно утвердительно сказать о ней как о приметном и примечательном вкладе в наш поэтический эпос. Блистательная по литературному исполнению, она стала явлением серьезнейшего раздумья поэта-гражданина о днях нынешних. В ней поэт как бы подвел итог многосложным, далеко не простым размышлениям, побудителями которых стали важные социально-нравственные проблемы. В противоречивом, многогранном нашем мире Василий Федоров увидел положительные нравственные ценности и, воодушевленный ими, создал широкое и яркое поэтическое полотно.

Алексей МАРКОВ

ПОСЛЫ ИЗ ДЕРЕВНИ

Н. МУРАВИНА

21 января 1931 года Анна Ильинична Елизарова-Ульянова напечатала короткую заметку «Ленин и Самарская деревня» — о том, как в марте 1922 года, во время голода в Поволжье, Владимир Ильич оказал помощь крестьянам деревни Алакаевки. В молодости Владимир Ильич жил в Алакаевке. Там он познакомился с безземельными алакаевскими мужиками, глубоко узнал деревенскую экономику и выступил с разгромом фальшивых народнических иллюзий.

Алакаевские крестьяне, благодаря личному знакомству с Лениным особенно дружно и единодушно принявшие Советскую власть, впервые напомнили ему о себе в 1919 году, когда по собственному почину отправили в голодающую Москву несколько вагонов с хлебом и продовольствием.

Впоследствии, во время голода в Поволжье, они послали к Ленину ходоков просить помощи. От одного из этих ходоков, Степана Николаевича Асанина (ныне инженера на пенсии), я узнала подробности этой поездки — историю ленинской телефонограммы во ВЦИК.

* * *

Осенью 1921 года, когда в Поволжье начался голод, Степан Асанин, окончив волостную школу, уехал в Самару и устроился старшим делопроизводителем в отделе народного образования. Там и отыскал его односельчанин Фролов, которого алакаевские мужики послали в Москву за хлебом. Фролов был неграмотный, и Степан помог ему написать заявление.

В начале 1922 года приехал к Степану отец. Скинул в сенях тулуп, вошел в маленькую, холодную холостяцкую комнатушку, внося с собой запах овчины, напомнивший о деревне. Непривычно почтительно сказал:

— У меня к тебе, Степан Николаевич, поручение от общества!

Степан удивился, что в Алакаевке его по-прежнему считают «членом общества», хотя он и уехал в город. Но промолчал.

— Вернулся Фролов с пустыми руками,— рассказывал отец.— Пропустили его с нашим прошением в Кремль и сам Ленин хлопотал, чтоб нам помощь оказали, дал телефонограмму во ВЦИК, но хлеба, как ни искали, не нашли. Велели в другой раз приезжать... Теперь общество хочет опять ходоков в Москву посылать. Выбрали Филиппова Константина. А так как он по малограмотности концов может не найти, решили тебя вместе с ним отправить. Пришел случай, сынок, тебе грамоту твою показать,— наставлял отец.— Может, я тебя для этого часа и учил. Порадей для общества!

Степан озабоченно думал о том, что поездка в Москву — дело долгое и трудное. В Самаре безработица. Уедешь — потеряешь место. Но и отказаться было невозможно. Не достанут продовольствия и семян, что будет с отцом, с четырьмя братьями, со всей Алакаевкой?

Вскоре разыскал Степана и Константин Дмитриевич, алакаевский сосед, высохший и потемневший за голодную зиму. На ногах у него были катанки без галош, за плечом — мешок. Без толку протолкавшись весь день на вокзале, они вечером пошли на пути, где формировались составы, там и упросили впустить их в переполненную теплушку.

Когда на четвертое утро они вышли из теплушки, в Москве была оттепель, и на булыжнике, кое-где покрытом ноздреватым снегом, чернели лужи. На вокзальной площади звенели трамвайные звонки. Народ сидел на буферах, висел на подножках переполненных до отказа вагонов. В ожидании седоков стояли извозчики. Константин Дмитриевич поколебался, но не решился тратить общественные деньги на такую роскошь. Пошли пешком.

От голода у Степана кружилась голова.

— Едва ли мы добьемся чего-нибудь,— мрачно предсказал он.

— Чать мы знаем, к кому ехали,— спокойно ответил Константин Дмитриевич.— Ульяновы завсегда помогут. Если Фролов верно сказал, что Ленин велел нам хлеб дать, пустыми назад не уедем...

Степан знал, что у алакаевских к Ленину особая любовь. Не раз слышал он от отца рассказ о том, как поселилась в деревянном доме на краю Алакаевки, по правую сторону оврага, по соседству с безземельными мужиками вдова Мария Александровна Ульянова, мать казненного студента; как пристав и урядник, надзиравшие за ее старшими детьми — Анной и Владимиром,— старались выведать у крестьян что-нибудь такое, что могло бы повредить их новым соседям. Но крестьяне скоро сами разобрались, что это за люди: в голод делятся с бедняками хлебом, раздают лекарства.

Вспомнил он и рассказы Константина Дмитриевича о том, как, служа в Петрограде «унтером», он в первые же дни после свержения царя разыскал в адресном столе адрес Ульяновых; как сразу узнала и обрадовалась его приходу не видавшая его десять лет Анна Ильинична. Как будто о своих земляках, расспрашивала об односельчанах.

Глазастый паренек помоложе Степана вышел на звонок.

— Вы у нас в Петрограде, на Широкой улице, были? — узнал он Константина Дмитриевича и громко объявил:— Анна Ильинична! Приехали гости из Алакаевки!

В глубине коридора открылась дверь, и из нее, близоруко щурясь, вышла худощавая пожилая женщина с широкоскулым лицом, с узким разрезом глаз, с зачесанными назад густыми, с сильной проседью темными волосами. Она энергично пожала гостям руки и повела Степана и дядю Костю в кабинет.

— Вот и опять увиделись!— сказала она Константину Дмитриевичу, садясь в мягкое, обитое черной кожей кресло.— Наверно, мы с вами уже лет тридцать знакомы?

— Мне тогда десятый шел,— оживился он.— Тоже трудный, голодный год был, как сейчас. Народ хворать стал. Человек шесть у нас в деревне холера в могилу унесла. Вы по избам ходили, лекарства раздавали. Пришли и к нам. Отчитали отца за то, что в школу меня не посылает. А потом сами стали меня грамоте учить...

— Это было на третий год моего замужества,— вспомнила Анна Ильинична.— Я каждый день ходила к больным и нисколько не боялась холеры, которая всех приводила в ужас. В молодости чувствуешь себя сильнее этого. Кстати, где вы остановились? — встрепенулась она вдруг.

— Нигде, с вокзала к вам.

— Так я и знала! Что же вы молчите? Сейчас я позвоню, чтобы вас устроили в общежитие 3-го Дома Советов. Вы должны вымыться, переодеться и хорошенько отдохнуть с дороги! А завтра с утра приходите поговорить о делах.

Анна Ильинична взяла телефонную трубку, назвала кому-то фамилии Степана и Константина Дмитриевича, попросила, чтоб места были предоставлены непременно, как будто речь шла о друзьях, о званых гостях, которым необходимо было оказать наилучший прием. Утром ходоки вернулись на Неглинную.

— Хлеб нынче весь сгорел,— рассказывал Константин Дмитриевич.— Собрали считанные пуды. Уже в июле обмолот кончили. Теперь ни семян, ни продовольствия. Скоту тоже корма нет ни фунта. Лошади одной соломой живы. Отощали за зиму. Как и чем сеять будем, трудно представить. И самим кормиться нечем.

— Все у вас живы? — спросила Анна Ильинична.

— У нас, слава богу, до ужасов еще не дошло. Помните Петра Федоровича? Прошлой весной, когда голод начинался, он добрым советом помог...

— Что ж он вам посоветовал?

— Перед севом уговорил мужиков весь хлеб в общий амбар ссыпать. Все равно, говорит, сытый и голодный в одной берлоге никогда не уживутся. Голодный у сытого снопами хлеб с поля перетаскает. А если тот обмолотит и запрет его, амбар подожгет. Мужики послушались. Ссыпали все семена, сколько было у кого, в один амбар. Сеяли вместе, всей деревней, как одна семья. Кругом недород был, а у нас и пшеница и подсолнух хорошо уродились. Если бы не засуха, и нынче полные закрома были бы.

Е. Жердзицкий. Из триптиха «ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ — ПЯТИЛЕТКЕ».

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «50 ЛЕТ ВЛКСМ».

Н. Соломин. СМЕЛЕЙ ВПЕРЕД И ТВЕРЖЕ ШАГ.

— Да, в Алакаевке народ хороший, дружный,— с удовольствием подтвердила Анна Ильинична.— Обязательно расскажу брату, как вы в прошлом году вели коллективное хозяйство.

— Этот год очень тяжел и для нашей семьи,— вздохнула она.— Владимир Ильич вынужден был взять отпуск по болезни и временно переехать в Горки. Но он все равно работает, нарушая предписания врачей...

Анна Ильинична позвонила в Кремль, чтобы ходоков пропустили в приемную ВЦИКа. Там же, где ВЦИК, в здании бывшей Палаты Судебных Установлений, помещался и ЦК Помгол — комиссии помощи голодающим. Возглавлял ее председатель ВЦИКа Михаил Иванович Калинин.

— Моя фамилия Моргунов,— отрекомендовался ходокам заведующий приемной, улыбчивый и подвижный белорус.— Михаил Иванович сейчас в командировке, на Украине. Может быть, я сумею помочь вам до его приезда?

Узнав, что они из Алакаевки, Моргунов перелистал подшивку и, раскрыв ее на середине, дал им прочитать отпечатанную на машинке бумагу. Это была переданная 9 января 1922 года телефонограмма во ВЦИК:

«Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Самарской губернии Алакаевки представителю ее крестьянину Сергею Фролову, а также и по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка.

Прошу постараться устроить это и сообщить мне, что удалось сделать».

Под телефонограммой стояла подпись Ленина.

— В январе невозможно было достать продовольствие,— объяснил Моргунов.— Теперь на склады кое-что поступает из благополучных губерний...

Каждый день Степан и Константин Дмитриевич с утра приходили в ЦК Помгол. Моргунов, отложив другие дела, обзванивал какие-то склады и организации, рассказывал про телефонограмму Ильича, про то, как алакаевские крестьяне в 1919 году отправили в Москву два вагона с продовольствием.

— Могу вас порадовать! — сказал он в субботу.— Мне удалось собрать для Алакаевки сто пудов овса, гороха и муки.

Константин Дмитриевич достал мешочек с деньгами.

— Спрячьте!— сказал Моргунов.— Мы не торгуем, а оказываем помощь голодающим.

— Сто пудов даром? — изумился Филиппов.

Моргунов принес какую-то ведомость, велел написать расписку. Посовещавшись с товарищем, Степан написал:

«Мы, нижеподписавшиеся уполномоченные Самарской губернии и уезда, Асанин и Филиппов, получили от ЦК Помгол сто пудов продовольствия для деревни Алакаевки, за каковые от имени голодающих крестьян передаем Центральному рабоче-крестьянскому правительству нашу сердечную благодарность.

Мы, уполномоченные, возвратясь домой в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь тов. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства».

— И вам спасибо, товарищ Моргунов! — сказал Филиппов.— Всю неделю из-за нас покоя не знали.

— Благодарите Владимира Ильича! — улыбнулся заведующий приемной.—Вы куда собираетесь в воскресенье? Приходите ко мне! Я завтра дежурю в здании ВЦИКа.

Возвращаясь, Степан заметил, что дядя Костя, которого в деревне за неутомимую подвижность и быструю походку прозвали «Катуном», отстает от него. Утром товарищ пожаловался на озноб, и Степан пошел в Кремль один, оставив его лежать в постели.

Моргунов обрадовался его приходу.

— Действительно, устал за неделю,— жаловался он.— Сноровки не хватает. Я ведь прежде в Минске работал у станка. Потом в тюрьме сидел за революционную пропаганду. Три месяца как организовали приемную, а принято уже около двадцати тысяч входящих и отправлено шестнадцать тысяч исходящих. Сейчас в России голодают двадцать пять губерний. Двадцать три миллиона голодающих посылают к нам своих ходоков...

Моргунов расспрашивал об Алакаевке, рассказывал о Белоруссии. Вечером, провожая Степана, он вышел с ним на Арсенальную площадь.

— У Владимира Ильича свет! — заметил он, показывая на угловое окно в верхнем этаже длинного здания с причудливым зеленоватым куполом.— Знаете, чем меня больше всего восхищает Ленин? Тем, что для него не существует казенных бумаг. На каждую просьбу он требует ответа по существу. Взять хоть вашу телефонограмму... И так всегда.

Потом Степан долго бродил вокруг старинных церквей и дворцов, поражавших роскошью и богатством.

— Широко жили,— рассуждал он.— Вечный праздник здесь был! Кто бы прежде пришел сюда хлеба просить или правду искать? А теперь тут не пиры, а работа идет денно и нощно.

...Ночью Константин Дмитриевич метался в жару и бредил.

Через трое суток Степан оставил его, еле живого, у родственников в Кинеле и поехал на подводе в Алакаевку. Отец заставил его подробно рассказывать о телефонограмме Ленина, о том, как Анна Ильинична встретила ходоков, как они ходили каждый день в Кремль и как в приемной «всероссийского старосты» помог им товарищ Моргунов. Один за другим сходились в избу мужики, просили заново повторять рассказанное. Степан раздал собранные на хлеб деньги.

— Иначе и быть не могло,— приговаривал отец.— Своя власть!

А. В. Свешникова поздравляет Т. Н. Хренников.

Фото А. Бочинина.

ПЕСНЯ — ДУША НАРОДА

А. В. СВЕШНИКОВ, народный артист СССР

Закончился пленительный праздник — музыкальный фестиваль «Русская зима». В один из его вечеров выступил Государственный академический русский хор Союза ССР. Этот концерт был не только праздничным, но и юбилейным — исполнилось 25 лет со дня первого публичного выступления хора.

Наше первое выступление было посвящено бойцам и офицерам героической Красной Армии. Да, шел нелегкий для нашей страны 1943 год, гремела война. Но именно в это время мне было поручено создать Хор русской песни и подготовить программу из старинных народных песен. Ибо велика была потребность народа, вставшего на защиту своей Родины, услышать излитую в песне любовь к России, гордость за нее, вновь пережить воплощенную в песне светлую печаль, жажду любви, счастья.

Показав программу в Москве, хор выехал на фронт.

За четверть века мы дали около 3 тысяч концертов, посетило их более 4 миллионов человек. Кроме русских народных песен, в репертуаре хора произведения полифонистов эпохи Возрождения — Жоскина Депре, Палестрины, Орландо Лассо, сочинения Баха, Генделя, Моцарта, русских классиков и советских композиторов.

Мне хотелось бы, воспользовавшись юбилеем, сказать несколько слов вообще о песне, о хоровом пении.

Как известно, песня родилась в глубокой древности, на заре человеческой культуры. Еще не было никаких музыкальных инструментов, а человек пел колыбельные, воинственные, любовные песни. Вот, например, наша, народная, песня. В ней русский человек отобразил все, с чем сталкивала его окружающая действительность. Он рассказал в песнях о своем труде, быте, о любви, ревности, тоске, мечтах, поведал о крестьянских бунтах, о войнах, поднятых Стенькой Разиным и Пугачевым, о походах Суворова и Кутузова. Смелых беззаветных борцов за народное дело воспели песни революционного подполья, они организовывали людей, вдохновляли их на борьбу, звали на подвиг. Совершенно особое место занимает советская песня. Еще никогда ни в одной стране мира не сочиняли столько песен. Можно поражаться и радоваться их многообразию, их мелодическому богатству.

Песни, как птицы, летят из конца в конец, чтобы принести людям радость, бодрость. И так же, как сама песня, уходят в седую древность традиции хорового пения. Это — удивительное искусство. Оно достойно того, чтобы почитать его одним из самых великих. Оно пробуждает в человеке лучшее, что в нем есть, заставляет звучать самые тонкие и нежные струны сердца, острее воспринимать жизнь, сильнее и глубже чувствовать. Пение в хоре, как задушевная дружеская беседа, роднит и сближает людей. И я убежден, что хоровое пение следует считать одним из сильных средств воспитания дружбы. Это искусство является также и как бы общедоступной музыкальной школой, в которой тренируется, подготавливается слух к пониманию большой серьезной оперно-симфонической музыки.

В заключение мне хочется привести строчки из рецензии финской газеты: «Раньше говорили: красота спасает мир. Сейчас мы говорим: песня спасает мир. Русская песня — великая сила».

Расул РЗА

Говорит карта

ОЩУЩЕНИЕ

Карта мира
Висит на стене.
Страны отличаются друг от друга
По цвету.
Вперемежку идут
Темные и светлые пятна.
Голубое. Коричневое. Оранжевое.
Зеленое.
Смотришь — и в глазах рябит:
Как будто следы от лап.
Следы копыт
Каких-то вымерших диковинных
животных —
Острова, континенты.
Кривые, вьющиеся линии.
А сколько по карте
Рассыпано точек!
В хаосе линий и точек
Ищу свое село.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИНУВШИЕ ДНИ

Далекий мир
встает передо мной.
Мой дед
на плачущей всю дорогу арбе.
Бабушка,
хранящая коран в сундуке.
Там же, в сундуке, у нее лежит
свадебное платье,
на котором тщательно
слежались все складки.
Вспоминаю, как я спал,
как сон был легок,
словно перышко голубя;
мой сон рвался
от стука дождя,
от крика птицы...
Я хочу открыть вам
одну тайну,—
не знаю: это так у всех
или же у одного меня? —
но когда я вспоминаю минувшие дни,—
я вижу, что они
отличны друг от друга по цвету.
Суббота — желтая.
Воскресенье — белое.
Пятница — красная...
Мне видится соседская девочка.
У нее длинные ресницы
и на шее бусинка от сглаза.
Вспоминаю голубые глаза бабушки,
ее долгие сказки
и сердитое лицо дедушки.
Вспоминаю дорогу,
где полынь по краям и кустарник.
Мне видится моя камышовая дудочка.
Тугая гроздь кисловатого винограда,
что срываю я
с вьющейся высоко над головой лозы,
пригнув лозу крючком на палке.
Съедобные травы, собранные в горах.
Барбарис, что я отыскал в горах.
Праздничные яйца,
что различаются друг от друга,
как цветы средь луга, по цвету,—
крепость их я проверяю на зуб!
Бой барабанов и Новруз-байрам.
Я вспоминаю горы —
весной на них подснежники;
когда ложатся тени, снег на горах
синий.
Вспоминаю свадьбы,
что гремят три дня и три ночи.
Городовых. Они были усаты!
Жара. Ветра. Заморозки.
И опять бабушкины сказки:
моря, дальние края,
черные рабы и рабыни...
В пустыне, на дорогах воспоминаний,
заблудились мои мысли...
Вспоминаю речку Бершад,
слышу, как воды ее шуршат.
Вижу ее черные водовороты
под тенью склонившейся над ними ивы.
И еще вижу: хромой,
скособочившийся хлев,
на стенной штукатурке его,
онемев, я впервые увидел
черную змею.
Всякий раз,
когда заходил разговор о змеях,
мой дед бросал:
«Будь проклята, вьющаяся тварь!
Где-нибудь, наверно,
уже успела навредить!..
Страшна ее месть!»
Деда моего уже нет,
а змеи еще есть.
Вот так бывает в этом мире!
Но не только змеи,
что, извиваясь, ползут,
а в норку входят прямо,
что имеют холодную кровь
и во рту яд,
змеи не только удавы,
гадюки, кобры или питоны,—
есть люди, которые
на состязаниях скорпионов
возьмут первый приз, есть люди,
которых если назвать «змея»,
то все змеи обидятся.
Сколько в них зла!
Есть люди — ни в глазах тепла,
ни доброго слова на устах.
Увидишь такого, всмотришься в него...
и воскликнешь:
«Будь проклята, вьющаяся тварь!»

РАСПРАВА

Земля как земля,
стена как стена.
От стены в два человеческих роста
тень длиною в один вершок.
Солнце Африки в зените.
Короток срок жизни.
Срок жизни приговоренных
в руках стройного офицера,
который в новенькой униформе,
который молчалив и холоден,
как надгробная плита,
у которого выбрито тщательно
холеное лицо.
Сигарета торчит изо рта.
Смотрит офицер на плоские часы
с тремя стрелками.
Отсчитывает секунды.
Он нервничает, что-то ворча,
трясется его рука,
как секундная стрелка.
Но вдруг закричал: позовите
священника и врача!
(Здесь у бельгийцев все по закону:
по закону — смертный приговор,
по закону — священник
для последней исповеди
заключенного,
по закону — врач,
чтобы удостоверить: «Мертв!» —
и расписаться в протоколе.)
Офицер торопится,
мундштук сигареты в губах зажат,
губы дрожат,
не слушается язык.
Он должен успеть
на свиданье с друзьями...
Когда же придет священник?
Когда же врач?

Рисунок Л. Хайлова.

«К стенке пора!»
Достает из планшета
список приговоренных к расстрелу.
Бумаги, шурша, пальцами шарит.
В боковом кармане — нет карандаша.
— Дайте авторучку!
Привычным жестом
расстегивает кобуру,
вынимает револьвер — новенький,
последней марки.
Смертники выходят,
строятся в шеренгу.
Вокруг штыки.
Кто-то споткнулся
на коротеньком пути
от жизни к смерти.
Никуда не уйти!
Падает — ломает тишину.
Офицер медленно поворачивает голову.
Два глаза укололись об него.
Сжалось сердце, будто укусила его,
боль причинив, мошка.
И все!
Падает отстрелянный патрон...
Офицер снова — как могильная плита.
Холоден. Жестокая щелка рта...
— Ты! Ты! Ты!
Слева шесть человек.
И еще...— Ты!
Ткнул перстом в раненого арестанта,
что упал с кандалами, не сделав ни шага.
Поднимается негр Лаабу,
стал к стенке.
Спокойный вполне, расставил ноги,
держит голову прямо,
пальцы его шарят
по неровной каменной стене,
как во сне,
он собирает последние силы,
чтобы не упасть.
Офицер зачитывает список.
Спрашивает:
— Кто хочет что-либо сказать?
Черными глыбами стоят смертники.
Лаабу глубоко в себя,
как будто труба, втягивает воздух...
Я не слышу, что он говорит.
Я не знаю, что он сказал.
Может быть, он говорит о жизни, о смерти,
коротенькую легенду в два слова.
А может, сказал: «У каждого есть
своя земля, свой край.
Но как жить тому,
у кого нет своей страны?
Бедный ли, богатый ли,
черный ли, белый ли,—
каждый живет на клочке!
Но землю покупают, захватывают,
присваивают, воруют.
Здесь наша земля!»
Но твердый голос в ответ:
«А теперь стала нашей!»
Если скажешь: «Нет!»,—
вступят в разговор пули.
Если не согласен,
они заставят умолкнуть!
Наслушаешься гремящих кандалов.
Если опять не поймешь,
будешь недоволен,
если скажешь: «Эта земля моя!»,—
тогда тебе крикнут:
«Смотри вверх, туда, в мир иной,
оттуда нет возврата!
Видишь виселицу?
Кто еще хочет говорить?
Кто еще надеется получить эту землю?»
Может быть, Лаабу
этих слов не сказал.
Может быть, все, что он сказал,
было в сто раз проще, может быть, он
не договорил свое слово.
Может, крикнул лишь: «Родина!» —
и ответил ему залп из винтовок?
Кому придет в голову
искать безымянные могилы
в бесконечных песчаных пустынях,
что сухи и унылы...
Время рассудит, это еще не все...
Еще и не то будет.

ВОЗМУЩЕНИЕ

Я брожу взглядом по карте,
что висит на стене.
Цветные пятна.
Пробуждаются к жизни
перед глазами колонии.
Уши мои полны справа и слева
воплей, стонов и песен гнева.
Нет, то не песни — это салюты гнева,
взрывы мести, бомбы ненависти,
набат — разбудит!..
Это еще не все!
Еще и не то будет!

ТЫСЯЧА ВОПРОСОВ

Карта!
Обретая дар речи,
кричат страны, континенты.
Распрямляя плечи,
переговариваются друг с другом
колонии.
Я слышу тысячи людских голосов сразу.
Где дороги? Где годы?
Где поколения?
Много слышали мы легенд.
Где же золотое утро грядущих дней?
Где безмятежность снов?
Где весна?

БЕГСТВО

Как бы восстав ото сна,
я возвращаюсь в прошлое.
Отживает детство, и я
вспоминаю сон за сном.
Сны, эх, сны!
Пестрые сны детства!
Утешение после всех бед,
разрешение всех дневных забот.
Слезливые, смешные сны,
чем вы только не были полны?
Странные сны — сны удивительные?..
Размышляю:
почему я распростился
с этими своими снами, почему?
Почему я не пошел
за ними в ничто,
без провожатого?
Что впереди?
Как была моя душа безмятежна,
ни горя, ни тревоги в груди, ни стона.
Не знал бы я о бедах мира,
о его коварстве,
не видел бы торжества своего врага
и траур своего друга.
Не перелистывал бы я книги жизни,
в которой то черная,
то белая страница.
Не видел бы я у одного на лбу
пот от наслаждения,
а у другого — от труда...
Но в груди своей я слышу
голос протеста:
— Да!
Жизнь человека — поиск!
Всегда в борьбе!
Есть день,
что тепел по-весеннему,
а есть — холоден по-зимнему.
Человек рожден не только для радости,
но и для горечи.
Жить тебе — это значит
жить и другим.
Мир может быть раем, люди!

В ГЛУБЬ ДЕТСТВА

Вспоминаю и кошмарные сны:
и кипящего котла ад,
в котором варится мир,
рай, в который ведет дорога
толщиной с волосок.
Оглядываясь назад, вспоминаю
страхи, пережитые в детстве.
Дракон, птица Феникс.
Семь замков и семь ключей к ним.
В моих ушах отзвук бабушкиных сказок.
Сын, перечащий матери.
Черный невольник,
влюбившийся в белую девушку.
Человек, меняющий свой облик
по мановению волшебной палочки.
Старик индус,
знающий, как разговаривать
со змеями.
И чаще всего о черном рабе,
о Багдаде, о Шаддаге
рассказывала мне бабушка,
рассказывала тихо-тихо.
Свисают пряди,
зевает, засыпая...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СЕГОДНЯ

Но почему сейчас
вдруг ожило передо мною
далекое прошлое, почему?
Так давно это было.
Не пойму.
Уже все другое.
Сейчас в селе — колхоз.
Многие камни уже рассыпались в прах,
стали трухою.
Скелеты арб, скрипевших когда-то,
ржавый бабушкин гребень для шерсти
валяются где-то в ямах.
Что осталось от тех дней?!
Сейчас дороги — что может быть ровней? —
как стрела!
Они покрыты асфальтом,—
блестят, как зеркала.
Заброшена бусина от сглаза, от неудач —
кому она нужна?
Соседская девчонка с длинными ресницами
сейчас глазной врач.
Сейчас, сидя на земле,
говорят с небом.
В шахматы играют машины.
Лампы — как солнце —
пылают в каждом доме.
Крыши хлевов из шифера,
пол — из дерева.
У каждой коровы —
свой водопойный краник, личный.
Доят при помощи тока.
Так почему я вспомнил прошлое?
Детство — оно далеко!
Сказки бабушки?
Почему я вспомнил
старика индуса?

КАРТА КРИЧИТ

Я смотрю на карту,
и обливается сердце кровью.
Мысли путаются в голове,
в голове — буря.
Я слышу крик: «Африка! Моя Африка!
Как велик материк!
В реках вместо воды течет кровь,
на мозолистую ладонь человека
похожа Африка.
Человеку нужна ладонь для созидания,
для того, чтобы жить!»
Сколько страдания!
Грудь Африки залита кровью.
На окровавленную ладонь
родина черных похожа:
синие кровоподтеки —
озера Африки.
Пустыни — как кожа, мозоль —
каждая гора Африки.
Африка! Земля толстогубых,
курчавоголовых людей,
земля рабов,
исходящих пóтом.
Черный цвет — цвет траура,
красный — праздника.
Здесь друг от друга различаются —
по цвету.
Иных отличий нету.
Но не по цвету кожи,
а по цвету дней
отличаются черные от белых.

Да!
Белые пришли как господа на эту землю,
черные — открыв однажды утром глаза,
узнали, что они рабы.
Он — раб Африки!
Ноет мое сердце!
Горше нету судьбы!
Горе мне душу студит!
Но это еще не все!
Еще не то будет!

МОЯ АФРИКА

Перед моими глазами карта.
Белые пятна.
Черные пятна.
Кричит Африка.
Кричат колонии: «Мы — мост.
Через нас прошли века во весь рост,
дни, нагруженные тяжелой кладью.
Мы стонали, но вы нас не слышали.
Мы вопили, но нам не вняли.
О дни печали!
Мы плакали, нас не замечали.
Вот кандалы! — кричали мы.
Нас не освободили.
Мы падали — нас не подымали.
Самый жалостливый сказал:
— Умри,
станешь свободен!
Мы выплакали глаза, —
слез не осталось.
В сердце нет любви.
Все змеи. Змея есть змея, —
проклятье — и белой и желтой!
О Африка моя!
Как свежи раны Африки!
Сколько ни рассказывай —
все будет мало!
А долго ль здесь враг пробудет?..
Но это еще не все!
Еще не то будет!

АФРИКА ПОМНИТ

Дороги Африки открыты,
как открыт кричащий рот,
как открытые раны.
Он добр на словах, тот,
пришедший на помощь, тот,
что разрушал дома.
Он сказал африканцу:
— Ты еще ребенок!
Говорили белые боги,
примитивен твой ум,
мы будем показывать, а ты
строй мосты, трамбуй дороги,
закладывай города.
Ты рожден для рабского труда.
Хочешь жить —
это единственный выход.
Тебя принудит нужда!
Нужда тебя принудит!
Но это еще не все!
Еще не то будет!

ВЫШЕ ГОЛОВУ, БРАТ

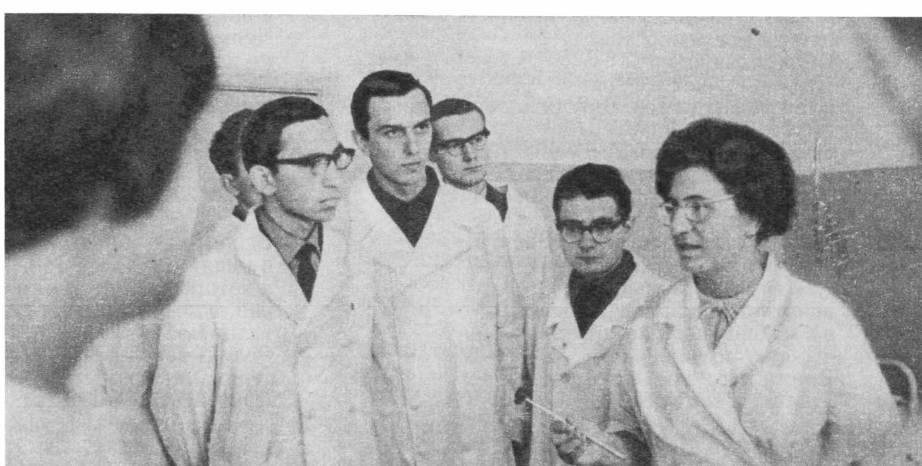
Гнев угнетенных
еще много бурь поднимет.
Желаю счастья тебе, брат,
желаю успехов!
Я слышу тебя, песня свободы.
Есть — солнце, есть — жизнь,
надо идти!
Впереди пути:
трудные, славные, тревожные.
Выше голову, брат!
Крепче держи винтовку!
Свободы солдат,
мир смотрит на тебя.
Ты стоишь
перед лицом истории.
Она сейчас — судит!
Это еще не все...
Еще и не то будет!

Перевел с азербайджанского Евг. ВИНОКУРОВ.

АЛГЕБР
ГАР

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото А. Бочинина.

Студенты биологического факультета в больнице.

ОЙ–
МОНИЮ

Что делать, если человека властно влечет изучение точных наук и в то же время он мечтает работать в медицине? Какую профессию ему избрать, чтобы не зарыть свой талант, не совершить этого смертного греха, не страдать потом всю жизнь от неудовлетворенности работой? Куда пойти учиться?

Разве есть такое учебное заведение?

Да, есть. Это медико-биологический факультет 2-го Медицинского института, готовящий сейчас свой первый выпуск. А необходимость организации такого учебного заведения была продиктована жизнью, всем ходом развития науки второй половины XX века.

Пять лет назад «Огонек» сообщил об идее создания медико-биологического факультета.

— До сих пор наука шла по пути специализации,— говорил тогда корреспонденту «Огонька» молодой профессор М. Ф. Меркулов, один из инициаторов нового факультета.— А наиболее сложные вопросы — на стыках наук... У нас есть идея: создать в институте специальный факультет. Известно: биологи и медики мыслят в основном качественными категориями, физики и химики — количественными. Хотелось бы, чтобы выпускники этого факультета могли «поверять алгеброй гармонию».

...Как шел этот неожиданный эксперимент? Удался ли он?

С такими вопросами мы вошли в старинное здание на Большой Пироговке, в дом, на дверях которого висит табличка: Медико-биологический факультет 2-го Медицинского института.

В коридоре толпятся студенты, тревожные, с горящими щеками. Понятно: распределение! А за дверью кабинета декана идет напряженная борьба за каждого распределяющегося. По нескольку организаций отстаивают свое право получить молодого специалиста нового профиля. Заявки от научных институтов и медицинских вузов страны, из академических институтов и клиник, где студенты писали дипломы. Выпускник любого медицинского факультета мог бы позавидовать такому распределению. Но на лице Павла Васильевича Сергеева, декана факультета, не видно удовлетворения.

— Весь выпуск оставить бы во 2-м Медицинском! — мечтательно говорит Павел Васильевич.— Ведь это первые медики совсем нового типа. Жалко их отпускать!..

...«Медики совсем нового типа»...

Всегда трудно бывает тем, кто начинает с нуля. Так было и в этом случае. Целесообразность создания специалистов-медиков, которые работали бы на молекулярном уровне, была ясна всем. Даже ученики старших классов знают теперь, что в изучении живой клетки, в исследовании молекулы хранятся ключи к разгадке многих заболеваний. Огромное впечатление на умы произвело и вторжение точных наук в биологию, исследование кода наследственности, опыты с популярной теперь ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислотой.

Жизнь заставила биологов и медиков выйти на свидание к физикам и математикам. Но, чтобы они смогли общаться, смогли понять друг друга, нужен общий язык.

Создать этот язык предстояло новому факультету.

Программы не было. Опыта не было. Примеров, на которых можно учиться, тоже не было.

Как строить преподавание? Как создать желаемого, если можно так сказать, синтетического специалиста, соединившего в себе знание точных наук и медицины?

Читать студентам высшую математику, физику, как в технических, а клинические предметы, как в медицинских вузах,— и все? Но не будет ли такой опыт преподавания напоминать метод той девочки, которая в конце диктанта, написан-

▲ **Старший преподаватель кафедры экспериментальной и теоретической физики М. М. Горшков за наладкой гелий-неонового лазера в лаборатории специальных оптических методов исследования.**

ного без единого знака препинания, проставила точки, запятые, восклицательные знаки, двоеточия и приписала: «Марш по местам!»

Если на первых курсах читать студентам точные науки, а потом к ним не обращаться, то студент начнет просто забывать их. Вот если бы сначала читать математику и физику, а потом, на старших курсах, учить применять их в медицине... Но как это сделать? Легко сказать — привить медикам физическое мышление, а физикам вкус к медицинским вопросам! Это проблема не утилитарная, а философская, проблема мироощущения, миропонимания.

Что же делать? Ясным оставалось одно: надо создать принципиально новые курсы. И профессора сами сели за парту.

Сейчас на медико-биологическом факультете созданы кафедры, ведутся исследования, читаются лекции, которых нет ни в одном медицинском вузе страны.

...Кафедра высшей математики. Ею руководит профессор Петр Иванович Кузнецов.

Синтез математики и медицины... Только теперь ученые начинают понимать, какие богатые возможности открываются тут перед исследователями.

Когда-то, на рубеже века, врач и математик вывели знаменитую формулу, которой фармакологи пользуются по сей день. Это формула Харди—Вайнберга, формула, из которой становится ясным, как действуют на людей с одними и теми же наследственными признаками определенные дозы лекарств.

Это было первой ласточкой, началом. А сейчас студенты факультета изучают теорию вероятности и математическую теорию игр, столь нужные медикам. Ведь даже одинаковые болезни у разных людей протекают по-разному. Именно тут огромную пользу может принести применение теории вероятности.

Наш организм — сложнейшая саморегулируемая система, которую изучают разными методами. В том числе методом математического анализа. «Контроль и поиск неисправностей в сложных системах» — так называется интересная монография профессора Кузнецова, руководителя кафедры.

Скоро закончится монтаж вычислительного центра, первого вычислительного центра в медицинском вузе, с которым и сотрудники кафедры высшей математики, и профессора-клиницисты, и ректор 2-го Медицинского, известный своими работами в области пересадки человеческих органов Ю. М. Лопухин связывают очень большие надежды...

А пока на кафедре идут занятия. Занятия не только со студентами, занятия с преподавателями.

Доктор медицинских наук Людмила Григорьевна Ерохина превратилась в самую прилежную студентку профессора Кузнецова.

Преподавание клинических дисциплин по-новому — один из самых больных вопросов на факультете. Возьмем курс неврологии, который методом проб и ошибок, с огромными трудностями создает сейчас профессор Л. Г. Ерохина. Нервные болезни — огромное количество симптомов. Но студента-исследователя, а именно таким задумывался студент нового вуза, должно интересовать не только **как** проявляется то или иное заболевание внешне, но и **почему** оно происходит, **что** меняется в сложнейших нервных клетках мозга. От общего к частному и обратно, от частного к общему, от изучения процессов, происходящих в клетке, к изучению мозга, космоса клеток, работающего изолированно и синхронно одновременно. Задачей преподавателя было показать неврологию как общую науку о регуляции важнейших функций организма, как науку о самых общих связях, что имело колоссальное значение для восприятия студентами всех других клинических предметов.

— Конечная цель преподавания — привить студентам вкус к клинической медицине, чтобы у постели больного они видели будущее своей работы,— говорит Л. Г. Ерохина.— Задача состоит в том, чтобы наши студенты с институтской скамьи учились понимать клинициста, который самой жизнью вынужден мгновенно учитывать различные симптомы болезни, иногда интуитивно, принимая во внимание психологическое состояние больного, срочно находить решение, необходимое для спасения его жизни. Увы... еще не все нюансы бесконечно меняющихся проявлений болезни можно перевести на язык формулы. Если студенты—биохимики и биофизики нашего факультета, понимая процессы, протекающие в живой клетке, сумеют соотнести их с процессами в человеческом организме в целом, задача наша будет выполнена.

Многие курсы медицинских дисциплин создаются на факультете впервые.

Курс клинической и экспериментальной хирургии ведет ректор профессор Ю. М. Лопухин. Задачей преподавания является не просто научить навыкам экспериментальной хирургии, но и дать эти навыки в плане научного исследования, воспроизвести некоторые патологические состояния на животных. Именно в этом заключается отличие выпускников медико-биологического факультета от биофизиков и биохимиков МГУ. Ю. М. Лопухиным подготовлена к печати фундаментальная монография, посвященная моделированию заболеваний.

...Кафедра теоретической и экспериментальной физики, которой руководит кандидат физико-математических наук В. В. Лавреньев,—кафедра новая, тоже необычная для медицинских вузов. Еще недавно многие медики требовали от физиков только новых медицинских приборов и все. Разговор шел на разных языках. Конечно, при такой постановке вопроса ни о каком синтезе не могло быть речи. Эти недоразумения еще не все позади. Отголоски их слышны и теперь, но уже и тут вырабатываются новые курсы, новые методы, создается, по существу, новая наука — медицинская физика.

...Кафедры биохимии и биофизики — основные кафедры факультета.

— Объем знаний по биохимии приближен к университетскому,— рассказывает руководитель кафедры профессор Леонид Федорович Панченко.— Вышедший из стен нашего факультета исследователь должен работать на молекулярном уровне и в то же время быть профессиональным медиком со знанием биохимических процессов, сопровождающих болезни.

На кафедре ведутся самые разные работы, связанные и с изучением ферментных процессов клетки, с биоэнергетикой, с изучением тонких биохимических структур.

Впервые в истории медвузов студенты пишут диплом. По существу, каждый диплом является микродиссертацией, новым словом в науке.

Две подруги — выпускницы Тамара Чернобровкина и Галя Бачманова — рекомендованы в аспирантуру. Тамара — москвичка, из семьи врачей, Галя приехала из Грозного, родители — агрономы. Обе девушки работают над дипломной с третьего курса, обе имеют уже по 4 печатных работы, опубликованных в академических журналах, выступали с докладами на научных конференциях.

Вот какие они, эти студенты, ради которых ломалось столько копий. Ну, а что думают они сами о необычном эксперименте, который шел для них, вместе с ними?

А. Сабельников, 6-й курс.

Учился в институте нефтехимической и газовой промышленности. Интересовался физикой, увлекался биофизикой. Так бы и окончил он свой институт, где, кстати говоря, великолепно учился, но... услыхал по радио об организации нового факультета во 2-м Медицинском. Пришел, познакомился с программой. Очень интересно. Стал посещать лекции, окончательно увлекся и перевелся со 2-го на 2-й курс с досдачей 3 предметов.

«Нигде, ни в каком другом учебном заведении мы бы не могли получить ту сумму знаний, которую нам дали тут, с условием, что мы будем заниматься научной работой именно в области медицины»,— говорит он.

С. Партугалов, 1-й курс.

Сережа родился в семье потомственных врачей. Внук хирурга Партугалова, правнук хирурга Богораза. Жил у деда, который надеялся, что Сережа продолжит семейную традицию, тоже станет хирургом.

Кем станет Сережа в будущем, еще неясно. Пока его в равной степени влекут медицина и точные науки. «Здесь жизнь нелегкая, но как раз по мне,— говорит первокурсник.— Утром занимаешься высшей математикой, вечером изучаешь строение костей, собственно поэтому я и пошел на медико-биологический».

К. Ярыгин, 4-й курс.

В Москву Костя приехал из Ярославля. Отец Кости — морфолог, старший брат — морфолог, тоже окончил 2-й Медицинский. Костя занимается сразу на двух кафедрах: морфологии и биохимии. Может, это получилось случайно, а может, преднамеренно, но все Ярыгины работают в одной области: изучают нервную ткань.

«Организуют свой семейный НИИ»,— шутят ребята, знакомые с семьей Ярыгиных.

«Я колебался между мехматом и медициной,—солидно говорит Костя.— Колебался, когда был помоложе. Но потом понял, что медицина — это такая широкая, такая благодатная область, где человек с разными наклонностями может проявить себя».

В. Чемоданов, 6-й курс.

Вероятно, инженер Чемоданов пришел бы в медицину и не организуйся новый факультет. Еще в Московском инженерно-физическом институте—МИФИ он увлекся применением кибернетики в области изучения мозга. В Институте мозга как раз создавалась новая лаборатория нейрокибернетики, которой руководил тоже выпускник МИФИ. Владимир Чемоданов мечтал после окончания института работать именно в этой лаборатории. Но, будучи человеком объективным, вскоре увидел, что, как говорит он сам, «знания мои в биологии и медицине на нулевом уровне, помощь от меня невелика».

И, как нарочно, для Чемоданова организовался именно в тот год новый факультет во 2-м Медицинском институте. Владимиру, студенту 4-го курса МИФИ, разрешили посещать лекции медико-биологического факультета.

Началась сумасшедшая жизнь. Из МИФИ летел он на Пироговку, боясь пропустить нужное ему занятие. Как и все студенты, он сдавал экзамены, но в Медицинском институте отметки ему ставили не в зачетку, зачетки не было (он был студентом-добровольцем), а на листочек, вырванный из тетради.

Официально стал Чемоданов студентом 2-го Медицинского лишь на 4-м курсе, когда окончил МИФИ и получил направление в свою излюбленную лабораторию Института мозга. Член-корреспондент АН СССР М. Н. Ливанов, у которого стал работать Чемоданов, отнесся с пониманием к его увлечению. На работе пошли навстречу Владимиру — дали вечернюю смену, чтобы днем он мог слушать лекции.

Сейчас Чемоданов уже защищает второй диплом — «Математическая обработка импульсной информации при выработке условных рефлексов» — проблема, равно интересующая и медиков, и биофизиков, и кибернетиков.

«Мысль создания нового факультета очень хорошая, а выполнение связано с большими трудностями, как всякое новое дело,— говорит Чемоданов.—В нас каждый преподаватель, как в шкатулку, закладывал все, что мог. В этом были и достоинства, но были и недостатки».

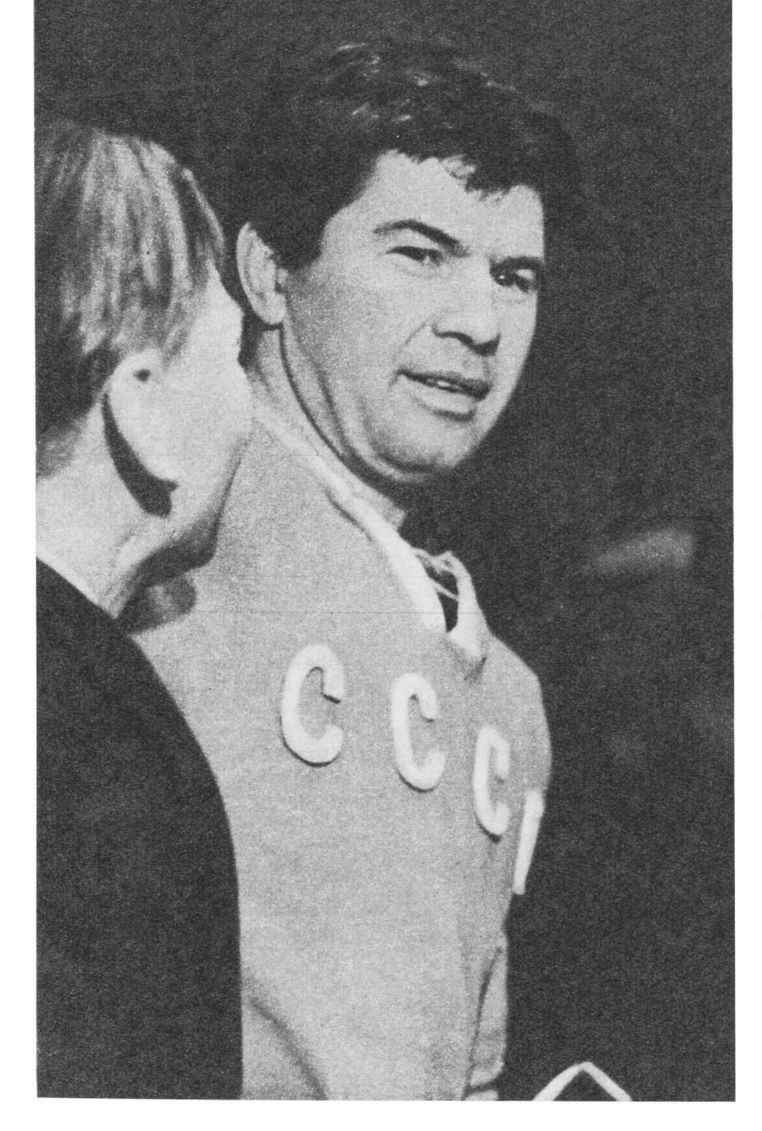
Да, недостатки были, шероховатости еще будут. Но главное удалось — создание нового вида медика, специалиста, владеющего современными методами анализа и знанием точных наук. Чтобы создать такого специалиста, в равной степени и с огромной отдачей работали и работают все профессора, не только преподающие новые дисциплины, но и классические, те, которые читаются в любом медицинском вузе, но читаются все-таки по-другому, по-новому. Это общая и равная победа и декана факультета фармаколога П. В. Сергеева, 6 лет назад начинавшего с М. Ф. Меркуловым организацию нового факультета, и доктора медицинских наук, замдекана, молодого морфолога И. А. Червовой, и руководителя кафедры биофизики профессора Ю. А. Владимирова, и удивительно увлекательно читающего химию профессора П. А. Николаева.

Столько вложено в первый выпуск! И как нужны новые специалисты тут, на кафедрах! Понятно, почему декану профессору П. В. Сергееву так жалко выпускать их из института.

Эксперимент не закончен. Хорошо сказал нам ректор 2-го Медицинского института профессор Ю. М. Лопухин: «У всякого нового дела, у любого поиска есть начало — конца нет».

М. МАРИН

Фото М. Боташева.

Коноваленко без маски

Люблю смотреть на Виктора Коноваленко, когда он в середине третьего периода вразвалочку, не торопясь едет от ворот до ворот. Доехал, по-хозяйски осмотрелся, примерился, расчистил клюшкой снег в своих крохотных вратарских владениях — и готов их защищать до последней секунды.

На посту у него всякое случается: хорошо сыграет, вроде бы так и надо, а вот если ошибется — освищут. Нападающий не забьет — трибуны горестно вздохнут, но простят. А вратарю ошибок не прощают — права ошибаться ему не дано.

Трудная у вратаря должность, самая трудная в хоккее.

Но подождем пока говорить об игре вратаря. Посмотрите, как он едет от ворот до ворот. Лица его не видно: оно скрыто маской. Но мне почему-то всегда кажется, что он устало закрыл глаза и пот ручьями бежит по его отмеченному шрамами лбу.

Знаете, на кого он похож во время этой короткой передышки в третьем периоде? На мастерового человека, который решил в конце смены устроить себе небольшой перекур. Впрочем, почему похож — он и есть тот самый мастеровой человек.

Он и есть мастеровой, и отец его, Сергей Артемьевич, был мастеровым человеком. Когда в тридцатом году прошел слух, что в Нижнем Новгороде собираются строить большой автомобильный завод, Сергей Артемьевич, недолго думая, бросил где-то под Сталинградом свое нехитрое хозяйство и всем семейством — с женой Анной Алексеевной и двумя ребятишками, Колей и Катей,— поехал на эту стройку. Любую работу любил и умел работать. Он и грузчиком был и по плотницкой части считался большим мастаком. Широк был в кости Сергей Коноваленко, кряжист, решителен, крут и молчалив. Витька — последыш, который родился уже в Горьком,—рос весь в отца. Говорили, очень был похож.

Лет пятнадцать назад, чуть ли не в самом первом своем матче, получил Витька шайбой по лбу. Увезли его со стадиона в больницу, наложили швы, забинтовали и отпустили. Явился он в таком виде домой, мать ахнула, запричитала: «Не пущу боле, убьют еще». А отец грохнул кулачищем по столу. «Где,— говорит,— был?! Отвечай». «В хоккей играл,— сказал Витька.— Это меня шайбой...» И тогда отец сказал: «Не убьют, если дураком не будет. Пусть играет».

И вот с тех пор он играет в хоккей.

— Много раз зашивали? — спросил его как-то.

— Раз двадцать,— говорит,— как не больше.

Лет восемь назад тогдашний тренер «Торпедо» Дмитрий Николаевич Богинов говорил: «Самый интересный и самый сложный человек в команде — Коноваленко». Тогда я думал, что Богинов просто голову морочит. Знал, что у Коноваленко на все один ответ: «Нормально»,— что говорить с ним скучно: все равно ничего от него не добьешься. Не обращал тогда внимания на то, как он говорит это свое «нормально». Теперь знаю — с хитрецой говорит. «А чего, мол, с вашим братом, репортером, много толковать?»

Выходит, что вовсе не Богинов, а Коноваленко морочил мне голову.

Кто-то сказал о Коноваленко, что он себе на уме. Я бы сказал иначе: он сам по себе, упрям.

Он и страдал за это свое упрямство. Осенью 1966 года, например. Вконец он тогда рассорился со своим торпедовским тренером Виталием Костаревым. Тот ему велел «ОФП» заниматься — бегать, прыгать и т. д. А Коноваленко ни в какую. Вот на льду он согласен тренироваться хоть сутками, а эта самая общефизическая подготовка ему ни к чему. Всем к чему, а ему нет. Сам, говорит, знаю, что делать.

Словом, дело дошло до того, что вообще хотел было бросить Коноваленко хоккей, потому что за эту строптивость его не взяли тогда на первые матчи сборной. Мы с Виктором потом долго говорили на эту тему. Со всем он соглашался, но только не с тем, что зазнался. Никогда, говорит, я не зазнавался и не зазнаюсь. Но, говорит, кому нужна моя форма — мне или тренеру? Кто лучше знает, как мне в форму войти и когда?

Была у него тем летом травма — в гипс ногу заковали. Болела страшно, но он тренировался. Ему сказали, что ничего поделать нельзя — надо просто привыкнуть к боли. И он стал привыкать. Она у него болела и в Вене на чемпионате мира. Но вы видели его игру? Так разве кто-нибудь мог подумать, что он стоял в воротах с больной ногой?

...Когда «Торпедо» играет на своем автозаводском стадионе, вратари команды отдыхают в короткие минуты хоккейных антрактов в своей отдельной маленькой комнатушке, вход в которую посторонним лицам запрещен. Коноваленко любит эту свою комнатушку. Он вообще человек малообщительный и довольно замкнутый, и, может быть, поэтому отношение его к людям, к товарищам, к команде сразу и не поймешь. Но вот известна мне такая история...

Не секрет, что Виктору делали (и не раз) заманчивые предложения из столичных клубов, но он наотрез отказался переехать в Москву. А вот два года назад все-таки собрался уходить в одну известную команду. И дело было тут решенное, только об этом никто не знал. Оставалось обговорить кое-какие формальности, связанные с его переходом, и для этого разговора в Сокольники, где играли в тот день торпедовцы, приехали ответственные товарищи из этой команды. В их разговор с Коноваленко попытался, почуяв недоброе, вмешаться начальник торпедовской команды, однако от него отмахнулись, как от назойливой мухи, обошлись грубо: не твое, мол, дело. Коноваленко все это видел, и слышал, и сказал соблазнителям: «Нет, не пойду. Передумал».

«Раз, думаю, грубите — не пойду. Нечего мне у вас делать»,— так рассказывал мне Коноваленко.

Ну, а что можно сказать о его игре? Специалисты ее по-своему пусть оценивают, а мы давайте по-своему. Вот стоит он в воротах два трудных часа. Кружит вокруг него шайба, кружит, жалит, кусается. А он готов каждую секунду подставить себя под ее удар, только бы не проскочила мимо. Он мне так объяснял: «Стоишь, а в тебя кирпичами бросают».

Каждый год в конце сезона референдум журналистов определяет лучшего нападающего, защитника и вратаря. В бюллетенях для тайного голосования набирается добрая дюжина (если не больше) имен: Фирсов, Старшинов, Майоров, Зимин, Александров, Полупанов, Викулов... Рагулин, Зайцев, Кузькин, Давыдов... И только одно вратарское имя — Коноваленко. Тут и голосовать нечего. Но почему? Не потому что вратарей меньше, чем нападающих и защитников. Хороших вратарей тоже много. И если бы критерием, определяющим лучшего вратаря, было число пропущенных вратарем шайб, Коноваленко никогда бы не был назван лучшим. За сезон он пропускает в свои ворота куда больше шайб, чем, скажем, Зингер или чемпионы страны Толмачев и Пашков. Все дело в том, что, когда говоришь о вратарском искусстве, статистика — плохая помощница. Вот если бы велась иная статистика: сколько шайб Коноваленко не пропустил, тогда другой разговор. Я его спросил: «Много раз тебе бросают за игру?» «Не считал,— говорит,— некогда считать. Но раз семьдесят,— говорит,— в хорошей игре, наверное, бросают».

Тут подсчеты простые: если раз 70, значит, каждую минуту по шайбе, а то и больше.

Виктор Коноваленко лучше играет против сильных команд, в сложных и напряженных матчах. И, наоборот, хуже против команд слабых. Спрашиваю его: «Почему так?»

«А я,— говорит,— не люблю против слабых команд играть. Не то напряжение. Вот и не получается. А против сильных люблю, потому что тут провериться можно».

Из Гренобля он прилетел хмурый — видно, все еще не мог отойти после матча с командой Чехословакии. Ему тогда сказали, что это он один проиграл матч. Может, вгорячах и сказал тогда Коноваленко в Шереметьевском аэропорту: «Последний раз за сборную играл. Ухожу». Интервью это напечатали в горьковской «Ленинской смене», а недавно приезжал в Горький А. В. Тарасов и снисходительно журил Коноваленко за это интервью: «Мы тебя еще не собираемся прогонять». «А когда соберетесь, поздно уж будет говорить...» — ответил Коноваленко.

11 марта 1968 года ему исполнилось тридцать лет. И в этот день он стоял в воротах в матче с московским «Динамо». Сам попросил, чтобы его поставили на эту игру, потому что в тот день Виктор праздновал еще один юбилей, о котором мало кто знал: тринадцать лет назад Дмитрий Богинов, узнав, что 11 марта у Виктора день рождения, впервые доверил ему ворота «Торпедо» в матче чемпионата страны.

Коноваленко мне признался, что тот тренерский подарок Богинова был и будет самым дорогим в жизни. Может, потому что хоккей для Коноваленко — жизнь? Или наоборот, жизнь для него — хоккей!

ОРОШЕНИЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО НУЖНО И БОЛЬШЕ ВСЕГО ПЕРЕСОЗДАСТ КРАЙ, ВОЗРОДИТ ЕГО, ПОХОРОНИТ ПРОШЛОЕ, УКРЕПИТ ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИЗМУ.

В. И. ЛЕНИН

Олег КУПРИН

Фото Дмитрия УХТОМСКОГО.

КАРАКУМСКАЯ УХА

ПУСТЫНЯ

...А теперь вон на тот бархан. Ноги по щиколотку уходят в песок. Идти трудно. Поднялся ветер. Барханы надели на головы прозрачные шлейфы. На зубах скрипит песок.

С гребня бархана видны бесконечные волны, уходящие к горизонту. Это не море, это пустыня. Волны — барханы. Миллиарды и миллиарды тонн песка. Это впереди, а за спиной режет пустыню широкий канал, на берегу прячется в садах каракумский порт Ничка.

С гребня бархана съезжаю, как с горки. В маленькой долинке между двумя сыпучими хребтами крутятся, бегают крошечные столбики рыжих смерчей. Теперь пустыня окружает меня со всех сторон. Серо-желтый песок и серо-голубое небо. И солнце, не яркое, не огненное, не багровое, словно смотрит вниз сквозь пыльную марлю.

А если бы вот за этим барханом не было канала, не было Нички, если бы была не поздняя двадцатиградусная осень, а беспощадное пятидесятиградусное лето, если бы... Становится жутковато. Сколько сотен смельчаков, попав в плен к Каракумам, приходили в отчаяние от своего бессилия перед могучим раскаленным колоссом, оставались здесь навсегда, и сыпучие барханы погребали их в своей толще, как океанские волны — потерпевших кораблекрушение.

Легко рисовать себе подобные картины, когда знаешь, что через четверть часа окажешься в симпатичном коттедже, где твой старый знакомый Николай Петрович Власов уже готовит удочки для рыбалки. При таком надежном тыле можно порассуждать о пустыне спокойно, так сказать, с позиции силы. Позиция эта рядом — канал, он заставил пустыню капитулировать на большой территории.

...В Ничку мы летели на неприхотливом «Антоне». Летели вдоль канала, низко, так что можно было рассмотреть и насосные станции, и людей на баржах, плывущих по Каракум-реке, и немногих любителей осеннего купания на пляжах целинных совхозов. Видели мы и несколько развалин древних крепостей. Возраст этих построек исчисляется не годами, даже не веками, а тысячелетиями. Еще историки времен Александра Македонского не скупились на эпитеты, описывая богатства здешних мест. Да, вот этих самых мест, где еще и сейчас барханы чувствуют себя весьма привольно.

Многие светлые головы терялись в догадках: какая же катастрофа погубила цветущую землю? Светлые головы разводили руками, а менее светлые сочинили теорию «усыхания» Средней Азии: вся вина сваливалась на злой климат.

И до рождения этой теории интерес к туркменским землям был велик. Однажды Петру I доложили, что к нему пожаловал именитый гость из Туркмении. Звали гостя Ходжа Непес, человек он был явно неглупый, потому что довольно быстро нашел общий язык с государем Российским. Прибыл посол с жалобой на хивинцев, которые отняли у туркмен воду. Сделали они это, по его словам, весьма просто: построили плотину — и река Аму потекла не в Каспийское море, а в Аральское. Вероятно, Ходжа Непес рассудил, что одной жалобой царя не проймешь, что жалость не самое активное качество человеческого характера, и решил сыграть на другом. Он сообщил Петру, что «в стране, лежащей по реке Аму, добывается песочное золото». Золото всегда было словом магическим.

Доподлинно известно, что снарядил Петр в Туркмению экспедицию, а за ней вторую. Судьба второй сложилась плачевно: всех ее участников хивинцы уничтожили.

Много раз после этого шли сквозь каракумские пески скромные отряды ученых мужей. Чаще всего они благополучно возвращались на родину, рассказывали о трагическом крае, где раскаленные пески засыпали благодатные земли. Строились проекты, звучали горячие призывы пойти крестовым походом на Каракумы. Но проекты оставались проектами, призывы призывами, а пустыня пустыней, так и не открывшей людям загадки своего могущества.

Почти через двести лет после первой петровской экспедиции взоры многих теоретиков и практиков вновь остановились на Средней Азии. Причина — первая русская революция. Остро встал вопрос о земле. Теоретики и практики судорожно искали лекарство, которое могло бы излечить русское крестьянство от малоземелья. И вот гадали они да прикидывали, нельзя ли переселить бедняков в далекий Туркестан, чтобы не завелась у них черная мысль — отобрать землю у своих помещиков. Тут бы и волки были сыты и овцы целы. Отличная, казалось бы, возможность установить классовый мир между помещиком и крестьянином. Сомнений, правда, было много. Но прекрасная идея «социального мира» диктовала весьма оптимистические выводы: «общая площадь лёссовых пустынь, ожидающих искусственного орошения, исчисляется, несомненно, многими миллионами десятин». Вот бы дать воду на эти миллионы десятин — и никаких революций можно не опасаться.

В 1907 году рецепт целительного лекарства от малоземелья был готов. Предложил его Владимир Ильич Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Царские лекари рецептом не воспользовались, более того, они решили его конфисковать и уничтожить. А сказано в этой работе было, в частности, вот что:

«Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве».

Была открыта и тайна могущества пустынь.

«Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу **природных** свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие **общественных** свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность».

УРОК ГЕОГРАФИИ

Николай Петрович Власов сидел в своем кабинете и с кем-то ругался по телефону.

— Ты мне уже вставил одну палку в колесо истории. Больше не дам! Слышишь? Не дам!

По всему было видно, что на рыбалку он не собирался. Его волновала самоходная баржа, которую кто-то незаконно задержал в соседнем каракумском порту. И еще было видно, что начальнику строительного управления сейчас не до журналистов.

Чтобы не терять времени даром, я отправился в школу.

В пятом классе заканчивался урок географии. Шла своеобразная игра: ребята задавали друг другу вопросы.

— Где находятся Кордильерки?

— Кордильеры,— поправила учительница.

— Все равно... Они находятся в Америке,— сам же и ответил парнишка, задавший вопрос.

В седьмом классе вопросы были посложнее.

— В каких районах Европейской части Советского Союза добывается уголь?

— В бассейне реки Печоры.

— Какое значение имеет месторождение в бассейне Печоры?

Долгая пауза.

— Там север... Очень холодно... И надо часто топить печки.

Все засмеялись.

— Тихо,— сказала Галина Григорьевна Огнева, учитель географии.— Теперь перейдем к теме сегодняшнего урока: Восточная Сибирь.

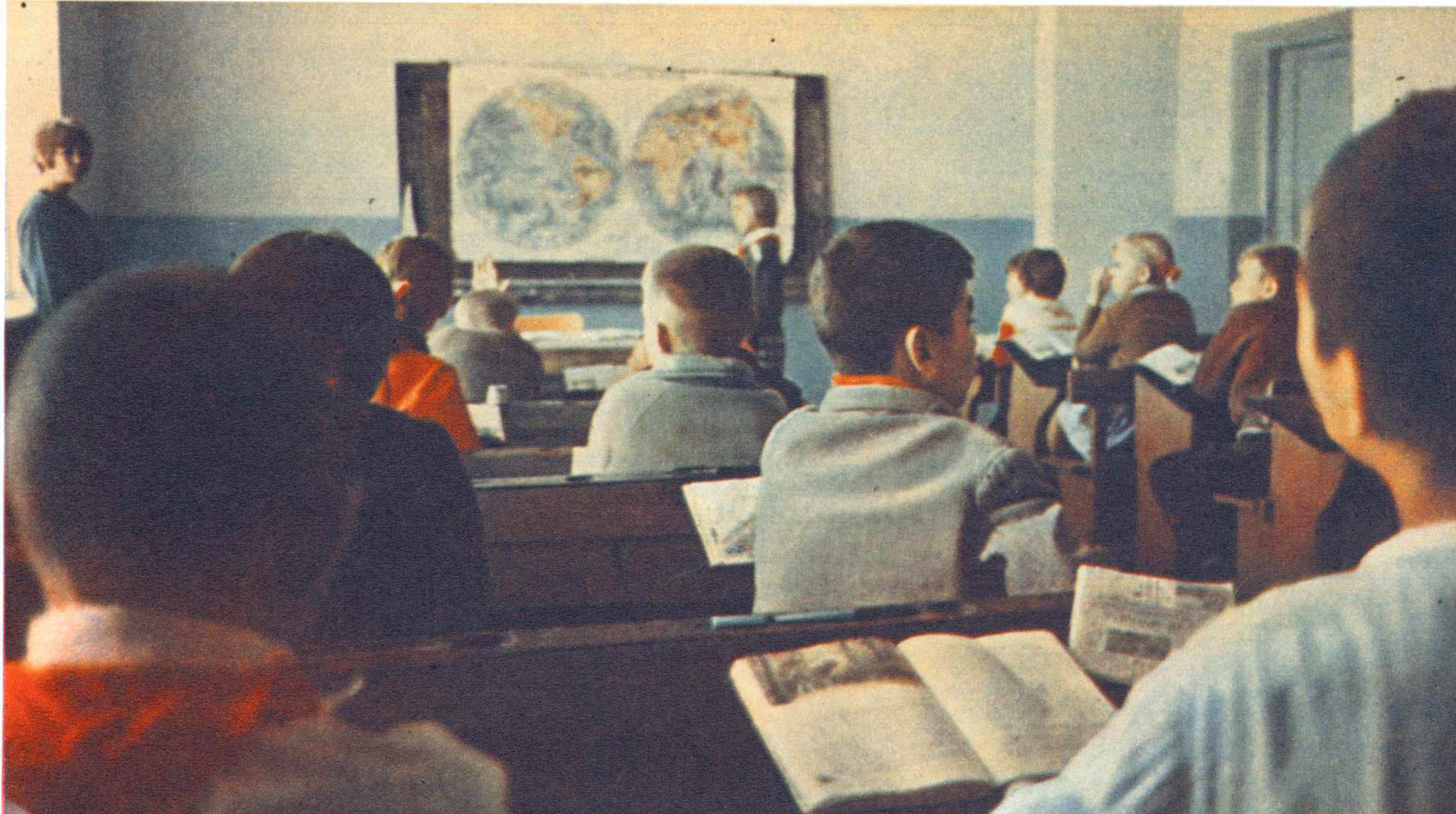
Не такой простой предмет — география. Попробуй растолкуй четырнадцатилетним мальчишкам и девчонкам всю сложность и величие дел их старших современников в Сибири, на Крайнем Севере или на Дальнем Востоке. Нетрудно представить, как где-нибудь в Курской области на вопрос: «Какое значение имеет Каракумский канал?» — учитель получит ответ: «Там очень жарко. И людям надо много пить воды».

Галина Григорьевна рассказывала о могучих реках, непроходимой тайге, о морозах и метелях, а за окном бушевала песчаная пурга. И мне вдруг захотелось где-нибудь в Курской области провести урок географии, рассказать о Туркмении.

— Дорогие ребята,— начал бы я.— На земле очень много чудес. И самые большие чудеса — самые простые. Например, вода. Но чтобы самые простые вещи превратились в чудо, люди должны очень и очень много работать. Запомните, ребята, чудеса делает только человеческий труд. Земли, которым не сама природа, а люди дают воду, составляют всего четырнадцать процентов всех полей на нашей планете. Но эта маленькая часть пашни кормит половину человечества.

Непривычный для верблюда пейзаж.

—Где расположены Кордильеры!

Меж крутых бережков...

В каракумском порту.

Гуллы Бегмурадов — бывший чабан, теперь капитан.

Совсем недавно на этом месте гуляли барханы.

Абадан Мезидова — экономист порта.

Ничка — зеленый оазис среди песков.

Половина Туркмении зависит от воды, которую несет Каракумский канал. Почти половина населения живет в его зоне, половина урожая хлопка выращивается там, половина каракулевых овец пасется на орошаемых пастбищах.

Когда канал построят полностью, он перережет всю республику и сравняется по длине с Аму-Дарьей, из которой вытекает. Тогда уж не половина Туркмении, а почти вся она будет черпать свои силы из канала.

Еще когда шла гражданская война, В. И. Ленин подписал декрет о выделении пятидесяти миллионов рублей для орошения Туркестана. Вода — самое большое богатство в Средней Азии, она само воплощение щедрости. Громадного труда и громадных средств стоило открыть воде путь в пустыню. В шесть миллиардов рублей обойдется строительство Каракум-реки. Дорого? Очень! Но уже сейчас каждый истраченный рубль обернулся четырьмя рублями прибыли.

158 новых совхозов станут на канале. Почти миллион тонн хлопчатника вырастят они для нас. И не обычного хлопчатника, а тонковолокнистого, который нам еще приходится покупать за границей.

— Ребята,— сказал бы я,— когда вы подрастете, то, может быть, поедете путешествовать по Каракумскому каналу. Тогда там будут плавать красивые корабли. Но, как сейчас я, так и вы лет через десять, часто будете встречать на своем пути земснаряды. Им суждено работать вечно, потому что Аму-Дарья, воды которой бегут по каналу, славится своими наносами.

Я не оговорился, именно славится. За год один гектар почвы, которую орошает аму-дарьинская вода, получает больше полутора тонн извести, почти полтонны калия и 44 килограмма фосфорной кислоты. Вот какой великолепный набор удобрений — и в немалом количестве — несет река. Но именно поэтому не должны дремать земснарядчики, иначе речные наносы завалят все русло, и канал чего доброго убежит вслед за Аму-Дарьей в Аральское море.

Владимир Ильич Ленин говорил, что вода в Средней Азии в буквальном смысле слова пересоздаст край, возродит его. Когда канал доберется до западных земель Туркмении, его силы и его могущество передадутся нефтяникам.

Недра западной Туркмении очень богаты газом и нефтью, но чтобы добыть их, нужна вода, много воды. Где же ее взять? Воду возят из Азербайджана по Каспийскому морю, вода путешествует в вагонах-цистернах с востока республики, ее качают из глубоких скважин, машины-опреснители перерабатывают соленую морскую воду в пресную.

Но воды все равно не хватает, она очень дорого стоит, а потому дороже обходятся стране и туркменская нефть, и газ, и продукция химических заводов. Зато когда добежит сюда Каракумский канал... Судите сами, каракумская вода в 18,5 раза дешевле той, которую получают из опреснителей, в 8 раз дешевле воды из скважин. Но главное, каракумской воды будет много. Можно больше добывать нефти и газа, можно строить большие химические комбинаты.

— Запишите задание на дом...

...Прозвенел звонок. И мне пришлось кончить свой воображаемый урок. Если бы на таком уроке присутствовал инспектор районо, вероятно, он поставил бы мне двойку, потому что ни о рельефе, ни об осадках, ни о жаре и холодах я рассказать не успел.

КАК ГУЛЛЫ СТАЛ КАПИТАНОМ

На рыбалку мы поехали на следующий день. Было воскресенье. Ветер утих, утихла и песчаная метель. Катер на подводных крыльях, сработанный на Волге, летел меж крутых каракумских бережков. Николай Петрович Власов сидел за рулем. Настроение у него было отличное, баржа из соседнего порта пришла, палки в колесо истории никто больше не вставлял.

По берегу в камышах бродили верблюды. Они не обращали внимания на рев мотора крылатого катера. Привыкли. Собственно говоря, это уже не были в полном смысле слова верблюды, они лишились почетного звания кораблей пустыни. Вероятно, сородичи из Центральных Каракумов их считают тунеядцами и моральными уродами. Дело в том, что верблюды, которые родились на берегу канала или прожили тут год, не выдерживают длительных переходов по горячим пескам. Они не умеют долго переносить жажду, потому что привыкли пить воду когда им вздумается и в неограниченном количестве. Вот так канал искалечил им судьбы.

Да мало ли перемен принес в эти места канал! Перемен больших и малых, смешных и трогательных — в судьбах земли, в судьбах людей.

— Николай Петрович, а правда, что перед тем как стать начальником строительного управления, вы были фотокорреспондентом? — спросил я Власова.

— Правда. Но это не самое интересное. Вы спросите лучше у Бегмурадова, кем он был раньше. И непременно узнайте, как он женился.

Забегая вперед, скажу, что судьба капитана пассажирского теплохода Гуллы Бегмурадова сложилась действительно интересно. Рассказ Гуллы Бегмурадова я приведу полностью.

— Я в колхозе родился. Школу кончил. Хлопок собирал. Солнце горячее, воды мало, хлопка мало. В город работать пошел, брынзу делал. Брат говорит: хватит брынзу делать, иди ко мне, чабаном станешь. Я брата послушал, чабаном стал. В юрте жили. Все хорошо. Только воды мало. У одного колодца поживем, потом к другому колодцу едем, овечек гоним. Спешить не надо. Зачем спешить? Тихо идем. Один день долго шли и увидели реку. Не было раньше реки, теперь течет. Брат сказал: эта река каналом называется. Сейчас маленькая, большой станет. Я сказал, что хочу на реке работать. В Ничку ушел. Шкипером меня сделали. На катере плавал там, где барашка гонял. Канал совсем широкий стал. Послали меня на переправу работать. Людей перевозил, трактора перевозил, овечек перевозил. Много дела, ой, много.

— А женились вы когда? — вспомнил я совет Власова.

— Тогда и женился. Хорошую девушку встретил Энежан. Она мне нравится, я ей нравлюсь. Ее родители не хотят меня видеть. Другому джигиту обещали отдать. Я тогда ей говорю: украду тебя.

— То есть как украдете? Прошли те времена...

— И она говорит: как украдешь? По-новому, говорю, украду. Если ты согласна, украду. Хочешь, на лодке, хочешь, на вертолете, хочешь, на подводных крыльях. Энежан согласилась на лодке. А родители ее... Хорошие родители. Большой праздник устроили. Свадьба была. Очень весело было.

— Теперь я капитан,— продолжал Бегмурадов.— Пассажиров вожу. Земснарядчиков, геологов, чабанов тоже. Вообще всех вожу. Канал теперь как дорога или как шоссе. Кому ехать надо, на берег выходит, руку поднимает.

Такой вот забавный разговор произошел у меня с Гуллы Бегмурадовым, капитаном пассажирского теплохода в Каракумах.

А рыбалка, между прочим, нам удалась. Вернулись в Ничку мы под вечер и принялись готовить уху.

АТАБАЙ И НИКОЛАЙ — КАРАКУМСКИЕ

В Туркмении есть несколько знаменитых Власовых, и потому, когда где-либо заходит речь о Николае Петровиче, то его так и величают Власов-каракумский. Не для громкого слова, просто для удобства.

Уху Николай Петрович не доверяет готовить никому, тут он непревзойденный специалист. Уха фирменная — каракумская. Мне было доверено только почистить рыбу, а уж дальше только смотри и запоминай. И слушай, о чем рассказывает хозяин. А рассказывать он может о чем угодно, но меньше всего о себе. Но я о нем уже кое-что знаю.

Власов прокладывал канал от истока, по гибельным местам. Такую уж каверзу приготовила природа: самый сложный участок был первым.

— Как все-таки вы попали в Туркмению? — спросил я.

— Случайно,— ответил Власов, срезая с буханки белого хлеба обгоревшую верхнюю корку.

Война застала его на Нижней Тунгуске. Работал гидрологом. Специальность эта считалась имеющей оборонное значение, и Николаю выдали броню. От брони он отказался. И не без скандала уехал. Только к осени сорок второго после окончания училища отправили его на фронт. Под Сталинград. Был он в составе знаменитой сибирской дивизии, которая затем прославилась в битве на Волге.

Но Власов до Волги не дошел. Когда его товарищи переправлялись через Волгу в Сталинград, тяжело раненного девятнадцатилетнего парнишку из иркутского села Жигалово санитарный поезд увозил на восток. Осколки снаряда попали ему в лицо, в ногу, изуродовали руку. Вот так же не смог закончить войну и Атабай Гельдыев, нынешний начальник «Каракумстроя». Ранило его в Словакии. И тоже поезд увозил его на восток...

...Николай Петрович положил в миску несколько помидоров и давит их деревянной ложкой.

— Эх, и уха у нас будет! Только чур не выдавать секрета каракумской фирмы.— И вываливает расквашенные помидоры в большую кастрюлю, где варится уже вторая порция рыбы. Первая, разварившаяся, уже вынута.

Мне трудно представить Власова подавленным. Но был он и таким. Такие же, как он, искалеченные мальчишки собирались в котельной госпиталя и мрачно молчали. И у каждого одна мысль: кому ты такой нужен? Что ты теперь можешь?

Много было потом тяжелых минут, разочарований. Кем он только не работал? От заведующего сапожной мастерской до первого секретаря райкома комсомола. Но затем взяла свое гидрологическая жилка. Пошел в иркутское управление, потребовал немедленно послать на Нижнюю Тунгуску. Ответили: пожалуйста, но после Нового года. До Нового года оставалось два дня, но и они представлялись вечностью. А тут встретил на улице двоюродного брата, Димку.

— Чего такой мрачный? — спросил тот.

— Да вот... Жди, говорят.

— А ты не жди. Поехали со мной в Туркмению. Там гидрологи тоже нужны. Поехали, а?

— Когда?

— Сегодня.

И уехал. Есть теперь Власов-каракумский. И Гельдыев-каракумский тоже есть, потому что в Туркмении знаменитых Гельдыевых больше, чем Власовых.

— Ну, теперь почти готова.— Николай Петрович открыл крышку, понюхал, сожмурился довольно и плеснул в кастрюлю рюмку водки.

Уха получилась роскошная. Рассказывать о ней глупо, как глупо описывать, скажем, настоящий киргизский кумыс или подлинный, не в ресторане приготовленный, узбекский плов.

На следующее утро мы уезжали. Власов собирался на планерку в Захмет — другой каракумский порт. По этому случаю он решил сменить непробиваемую песчаной картечью кожаную куртку на пиджак. Выложил на стол документы, чтобы не забыть завтра. Среди блокнотов, удостоверений, исписанных листочков лежала завернутая в целлофан книжечка. Я знал о ее существовании и раньше. Знал, что такая же есть и у Атабая Гельдыева. Удостоверение лауреата Ленинской премии.

А рецепт каракумской ухи я уже выболтал. Горелая корка хлеба нужна, чтобы уха пахла дымком, помидоры — для вкуса, рюмка водки — чтобы отбить запах тины. Ведь в канале много рыбы, которую развели тут для того, чтобы она очищала дно от водорослей.

...За окном плещется канал. Спешит-спешит на запад, чтобы пересоздать и возродить этот край, чтобы сделать людей сильнее, а жизнь богаче и радостнее. Такая у него историческая задача, у Каракумского канала, носящего самое дорогое для нас на земле имя — имя Владимира Ильича Ленина.

Пустите на минуточку...

З. ХИРЕН

Фото Б. Кузьмина.

...Без выходных и без перерыва.

Любители книжных новинок.

Дом книги на проспекте Калинина торгует без выходных и без обеденного перерыва. В субботу, когда у всех выходной, здесь самый напряженный рабочий день. А закрывается этот Дом на час позже других книжных магазинов. И все-таки... дня не проходит, чтоб именно, как говорится, под занавес, до зарезу не понадобилась кому-нибудь книга: «Пустите, пожалуйста, на одну минуту, у меня завтра экзамены». Или: «Пожалейте, забыл сказку купить, у сына день рождения». Или: «На поезд опаздываю»...

В этом молодом столичном книжном магазине перебывало более пяти миллионов покупателей. Только за один год. Без покупки редко уходят. Продавщицы и продавцы — а их здесь без малого двести, в подавляющем большинстве молодежь,— говорят, что с первого взгляда определяют, кто какой литературой интересуется.

Интуиция? Что ж, и она не последнюю роль играет. Конечно, бывает, подведет. Так, скажем, продавщица отдела поэзии Надя Сумина долго и упорно уговаривала покупателя, чтоб он купил сборник стихов, не сомневалась, что купит, а он возьми да не купи... «Прокол,— шепнула Наде соседка Лида Машина, торгующая книгами по литературоведению.— Надо знать тематику, тогда не ушел бы...» Надя не скрывала огорчения. Да, действительно прохлопала...

Но, как мы уже сказали, магазин этот не обычный. Дня здесь не проходит без встреч с авторами, издателями, нашими и зарубежными деятелями книготорговли. Вскоре, на вечере поэзии, Надя узнала в одном из гостей «неподдающегося» своего покупателя. Оказалось: поэт, автор той самой книги, которую Надя настойчиво предлагала ему... Купить не купил, а продавщицу хорошо запомнил, сказал о ней на вечере, благодарил.

...Книг много. Иногда кажется, что они вместе с вами шагают по широким лестницам. Глаза разбегаются. Хочется все увидеть, полистать, выбрать. Сюда приходит много энтузиастов-книголюбов.

Несколько дней тому назад один из таких энтузиастов пропал. Правда, лет ему немного, пришел в Дом вместе с родителями и ис-

чез. О пропаже объявили по местному радио. Никто не откликнулся. Родители бросились в отделение милиции. Увы, и там пока ничего утешительного сказать не могли. Вновь кинулись в магазин. И тут кто-то надоумил: «Загляните в отдел сказок». Оказалось, что, забравшись в дебри сказок, пропавший мальчик преспокойно перелистывал большую, богато иллюстрированную книгу.

Что и. говорить, соблазнов в этом доме много — и для взрослых и уж подавно для малышей!

Работники магазина ревностно изучают запросы читателей. В конце громадного зала, на втором этаже — библиографический отдел. Здесь можно оставить открытку со своим адресом и названием книги, которую не удалось купить. Не сомневайтесь: на открытку ответят. Помимо того, что будет сделан повторный заказ, займутся еще и самостоятельными поисками. Бывает так, что интересующей читателя книги нет, а в каком-нибудь менее популярном магазине лежит она на полке и никто ее не спрашивает. Тут-то и начинают действовать «разведчики» Дома. И, как правило, «разведка» приносит успех. Человек получает нужную ему книгу.

— Но это лишь часть работы,— объясняет нам заместитель директора Игорь Борисович Бондаровский.— Мы стремимся к социологическим исследованиям. Нам, например, хотелось бы знать поточнее о вкусах покупателей, о том, какие книги им больше по душе, к каким они равнодушны и т. д. Вот первые наши шаги. Мы уже знаем, например, что больше всего тратят денег на научную литературу. Таких покупок, по нашим подсчетам, за десять месяцев было на 350 тысяч рублей. Затем идет художественная литература — 250 тысяч. А социально-экономическая занимает первое место по количеству проданных экземпляров — 600 тысяч! Труднее учитывать любителей литературы по вопросам искусства. В эту графу, помимо альбомов, репродукций, входят почтовые марки, открытки, плакаты.

— Как учитываются неудовлетворенные покупательские запросы?

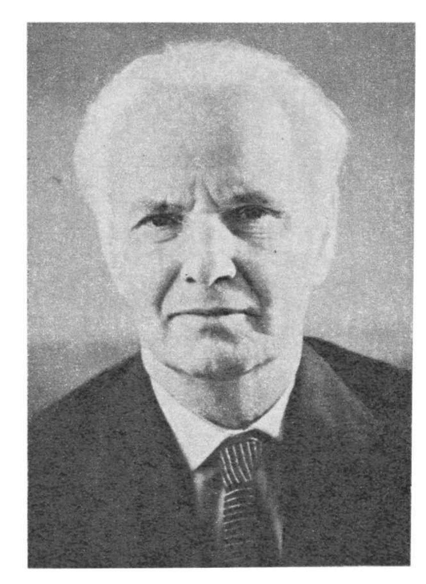
— Вот зеленый листок. Мы предлагаем заполнить его каждому, кто не смог приобрести у нас нужной книги. Покупатель указывает название, фамилию автора, свой адрес. Справочно-библиографический отдел по необходимости направляет листок в издательство, в «Союзкнигу», а чаще всего, если нигде данной книги не оказывается, товароведы Дома отправляются на поиск...

Теперь к зеленому листку прибавляется новый, позволяющий более близко познакомиться с покупателем. Интуиция интуицией, а книжная торговля — дело такое: покупателя надо хорошо знать, иначе не угодишь ни вкусам его, ни запросам. Одни покупают книгу «для души», другие — чтобы учиться, работать... Нам, например, не безразлично, далеко ли от нашего Дома книги живет и работает покупатель. Как часто он посещает наш магазин? Какой отдел его больше всего интересует? Какая реклама и информация о книгах наиболее, на его взгляд, эффективна?

...На столе у директора Дома Тамары Владимировны Вишняковой внушительная пачка писем со штемпелями многих стран. Почта дня! Пишут книгоиздатели и книгопромышленники, покупатели и библиотекари. В письмах — интерес не только к литературе, но и к жизни этого магазина. Читатель, встретившись здесь с автором, издателем, иллюстратором, не только задает вопросы, но и высказывает немало дельных пожеланий.

Заглянули мы и за кулисы Дома. Узнали, например, что половина продавщиц и продавцов учится в вечерних и заочных учебных заведениях, что те, кто торгует специальной литературой, настолько увлекаются ею, что встретишь среди молодых работников прилавка эрудированных математиков, физиков, химиков. Многие дружат со своими постоянными покупателями, с знаменитыми учеными. Эта дружба помогает интереснее рассказать другим покупателям о книжных новинках.

...К одиннадцати утра мы спешим в Дом книги. Двери его открыты, но остается еще минут десять до начала рабочего дня, и добрая сотня покупателей терпеливо дожидается приглашения. Дожидается, чтоб затем с жадностью ринуться к книжным полкам.

Горизонты художника

Семьдесят лет исполнилось Степану Петровичу Щипачеву. Пятьдесят лет звучит его лирический голос. Временами громче, временами тише, но всегда эмоционально, задушевно, искренне.

Когда читаешь книги Щипачева, чувствуешь, что он пишет только то, о чем не может не писать. Он по-настоящему болен страстью к литературе и поэтическому слову, которое является продолжением его работы, результатом его повседневного напряжения. Жизнь и поэзия сливаются у него воедино, так что он сам, наверное, не сможет определить, где кончается «просто жизнь» и начинается «собственно поэзия». Перед Щипачевым не стояло проблемы поиска темы, поиска «гущи жизни». Не он искал темы, а темы искали его, потому что все, чем он жил, становилось кровно близким ему делом.

Щипачев старался находить самобытные краски и свежие слова в каждом новом своем произведении. С каждым годом все отчетливее понимал, что часто один удачно найденный эпитет может по-особому осветить строку, заставить ярче сверкать все стихотворение.

Одна из примечательных особенностей послевоенной поэзии Щипачева — нежная лиричность. Но не только одной искренней лиричностью определяется его творческое своеобразие. Есть поэты, у которых лирическое чувство выражено более напряженно, рифмовка решительнее, нежели у Щипачева, ритм более разнообразен. Однако щипачевский стих не тускнеет и не теряется в потоке советской поэзии. Почему? Потому что почти в любом стихотворении Щипачева живет поэтически-философская мысль, никогда не отрывающаяся от земли и не уходящая в высь отвлечений. Почти любое стихотворение поэта заставляет думать, держать ответ.

Поэт утверждает истинную красоту трудной, но честной и возвышенной любви. В своих интимных стихах он рассказывает о житейских бедах просто, без утайки и приукрашивания. Никогда бытовые неполадки у Щипачева не заслоняют главного и принципиального. И дело не только в том, что его лирический герой понимает временность неурядиц, но главным образом в том, что именно преодоление этих житейских неурядиц ежедневно приносит ему радость.

Щипачев развивается и как лирический и как эпический поэт. Самые значительные его эпические произведения — «Домик в Шушенском» (1944) и «Павлик Морозов» (1950).

В 1899 году Ленин писал в Шушенском «Развитие капитализма в России». В этом же году родился автор поэмы. Щипачев сопоставляет эти несоизмеримые факты: «Еще я только что на свет родился, а он уже решал судьбу мою». Поэт показывает связь своей судьбы, судьбы поколения с ленинскими идеями и делами.

Настоящее, по Щипачеву, не мыслится без прошлого, так же как будущее не мыслится без настоящего. Это позволяет автору поэмы сделать обобщающий исторический вывод:

Поймешь и ты, праправнук, без труда,
задумавшись над ленинской строкой,
что и твоя судьба — еще тогда —
была намечена его рукой.

Щипачев как бы видит Ильича в обстановке тех далеких сибирских дней. Человек, ставший позднее нашей совестью, нашим чувством, изображен автором земным, близко зримым. И эта поэтическая внимательность к «мелочам» в облике Ленина помогает нам лучше увидеть и понять самого человечного человека.

Другая примечательная и широко известная поэма Щипачева, «Павлик Морозов», не только поэтический рассказ о жизни легендарного пионера, но и эпическая история ломки старого уклада деревни 30-х годов.

Наполненный ветрами современности, мир лирической и эпической поэзии Щипачева очень своеобразен и самобытен. Он сразу же обдает свежестью, поражает яркостью красок, богатством звучаний. В лучших своих произведениях Щипачев достигает вершин подлинного искусства. Таких вершин, когда он с одинаковой силой воплощает и глубокие гражданские чувства нашего современника и тончайшие движения человеческой души.

М. ЛАПШИН

Юбилей песенника

Композитору Леониду Ованесовичу Бакалову исполнилось шестьдесят лет.

Первая песня на стихи М. Голодного, «Песня чапаевца», написана им в 1936 году. Многие знают и сейчас поют «Морячку», «Партизанскую бороду», «Солдаты мира», «Перелески-перекаты», «Песню о моем доме»...

На всесоюзных конкурсах композитор неоднократно получал премии и дипломы за свои произведения.

Его песни звучат по радио и телевидению, в программах Краснознаменного ансамбля песни и пляски. Много песен написал Л. Бакалов о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. Большую популярность завоевали «Песня о пионерской мечте» и задорная «Мы станем космонавтами».

Характерная черта в творчестве Л. Бакалова — яркая мелодичность.

В годы Великой Отечественной войны Леонид Бакалов часто выезжал в действующую армию. Композитор встретил свое 60-летие в расцвете творческих сил. Пожелаем ему здоровья и успехов в творчестве.

С. ЗАСЛАВСКИЙ

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

ВЕЛИКАН — БРАТ ВЕЛИКАНОВ

Сейчас это, можно сказать, персональная машина Владимира Утина. Первая, только что покинувшая заводские стены, она вверена ему, инженеру-исследователю, чтобы он тщательно, придирчиво изучил ее повадки, манеры, характер.

— Послушна, управляется легко.— Владимир час назад привел ее в Минск из Жодина.— У меня никаких претензий. Думаю, что предстоящие испытания машина сдаст на «отлично».

В этом уверен и весь коллектив Белорусского автозавода, создавший семидесятипятитонный самосвал.

75 тонн! Если перевозить такой груз обычными машинами, понадобится целая колонна, целая бригада шоферов. А тут один самосвал взял и повез. Прямо как в сказках о гигантах-богатырях, чьим силам нет ни меры, ни предела.

И в самом деле, во всей истории белорусских автогигантов есть что-то сказочное. Маленький завод дорожных машин на маленькой станции Жодино за несколько лет превратился в мощное предприятие автомобилестроения. Как-то быстро, счастливо сложился коллектив — талантливый, пытливый, настойчивый. Очень скоро он удивил всех 27-тонным самосвалом, потом выдал 40-тонник, затем выпустил 65-тонную машину, а теперь, к 50-летию Белорусской республики и Белорусской компартии, вновь прибавление семейства — самосвал грузоподъемностью 75 тонн.

Машина, как и ее собратья, предназначена для использования в открытых карьерах, рудниках, на крупных стройках. Конструкция машины весьма оригинальна: нет карданного вала, задние колеса крутит электричество; дизель имеет мощность 850 лошадиных сил; нет заднего моста; независимая подвеска задних колес обеспечивает повышенную устойчивость и плавность хода.

Скоро Владимир Утик отправит великана на экзамены. А на заводе тем временем продолжится творческий процесс. На очереди машина, которой будет под силу 110—120-тонная ноша.

Искания белорусских автомобилестроителей высоко оценены: в 1968 году группе ведущих работников жодинского завода была присуждена Государственная премия «За создание семейства унифицированных большегрузных автомобилей для открытых разработок полезных ископаемых и строительства и освоение их серийного производства».

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

На верхнем снимке, сделанном А. Мызниковым,— 75-тонный самосвал Белорусского автомобильного завода. А на нижнем снимке фотокорреспондента ТАСС В. Кожевникова — «обувь» для белорусского 65-тонного гиганта «Белаз-549». Ее производство освоили на Воронежском шинном заводе. Наружный диаметр шины — 2,5 метра. Первые такие шины воронежцы недавно отправили в Белоруссию. У новой шины перезарядчик прессов И. С. Калиткин и начальник конструкторского отдела Н. А. Торбинская.

РАЗНОЕ

«Спасибо»,— сказал по-русски Чан Ван Тхонг когда его выписали из советского госпиталя. Офицера зенитной артиллерии вьетнамской Народной армии лечили в этом госпитале лучшие советские врачи.

На снимке: действительный член Академии медицинских наук профессор Лев Константинович Богуш и его подопечный Чан Ван Тхонг.

А. ФЕДУЛОВ,
полковник в отставке.
Фото автора.

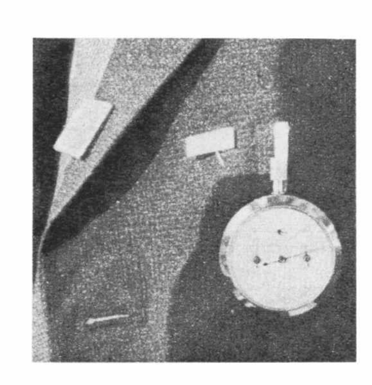
РАЗНОЕ

Прикрепляю к петлице незамысловатый, напоминающий карманные часы приборчик.

— Шагайте!

Через час смотрю на циферблат. Мой «спидометр» отщелкал несколько тысяч шагов. Шагомер, созданный на Пензенском часовом заводе, позволяет точно подсчитать количество пройденных шагов. Прибор этот полезен не только туристу или, скажем, любителю городских пеших прогулок. Он нужен на курортах, в больницах; шагомер позволяет точно дозировать лечебную ходьбу.

Б. КОСТИН

РАЗНОЕ

Каждый день меняет свой облик Тюменский край, где открыты богатейшие кладовые нефти и газа; на его карте появляются новые города, поселки.

В рекордно короткий срок завершено строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск протяженностью около тысячи километров.

Тюменский газ уже осваивается. От Пунгинского месторождения по трубопроводу Игрим — Серов — Нижний Тагил голубое топливо подается на Урал.

Растут и благоустраиваются молодые города нефтяников и газовиков — Нефтеюганск, Сургут, Нижневартовск, Игрим.

Архитектор Н. ЮРИКОВ

СТАЛЬНОЙ ПЕРСТЕНЬ

В Сочинский краеведческий музей пришел главный терапевт курорта, заслуженный врач РСФСР Николай Васильевич Роменский и показал сотрудникам стальной перстень. Вместо драгоценных камней в двух гнездышках были зажаты крохотные артиллерийские снаряды. Когда-то их было три. Один потерялся.

«Двадцать пять лет хранил я этот подарок,— сказал гость сотрудникам музея.— И вот теперь решил передать его вам. Он очень дорог мне...»

История перстня такова. В Великую Отечественную войну Н. В. Роменский был начальником госпиталя в Сочи. В дни сражений с гитлеровцами под Новороссийском и Туапсе раненые поступали прямо с поля боя — в касках, с автоматами в руках и гранатами у пояса.

И вот однажды, принимая очередную группу раненых, Николай Васильевич увидел лежащего на носилках молодого бойца. Из разорванной гимнастерки на груди его виднелась наспех сделанная повязка, побуревшая от крови. На мертвенно-бледном лице солдата чернели, будто приклеенные, пышные усы.

Три ранения. Легкое — в ногу, среднее — в правую руку, тяжелое — в грудь.

Николай Васильевич сам руководил операцией. Минутная стрелка часов дважды обошла циферблат, прежде чем осколок снаряда, извлеченный из груди солдата, звякнул о дно тазика. Н. В. Роменский решил сохранить этот осколок и вручить его солдату в день выписки в часть. Но когда боец стал выздоравливать, то сам выпросил его у начальника госпиталя. С той поры соседи по койке стали замечать, что усатый солдат с утра до вечера пропадает в слесарной мастерской. И вот наступил день отъезда. Солдат постучался в кабинет Николая Васильевича.

— Товарищ начальник госпиталя, прошу принять от меня подарок,— сказал солдат и положил на стол коробочку, на дне которой лежал тускло отливавший синевой стальной перстень.— Я выточил его из того самого осколка, который вы у меня из-под сердца вынули.

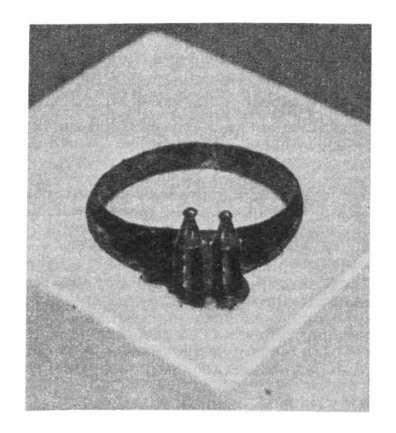
Николай Васильевич носил свой необычный перстень до окончания войны. А потом солдатский сувенир занял почетное место в его кабинете.

Звали того солдата Димитрием Федосеевичем Бодней. Родом он был с Западной Украины. Там у него, в оккупации, остались больная мать и невеста. До войны работал Бодня токарем. Вот и все, что знал о нем Н. В. Роменский.

— С фронта он как-то прислал мне письмо. Дальнейшая судьба Димитрия мне, к сожалению, неизвестна,— сказал Н. В. Роменский.— А жаль, хотелось бы знать, как ему живется.

Стальной перстень ныне включен в экспозицию Сочинского музея.

А. КОМАРОВ
Фото И. Григорова.

Читатели продолжают разговор о селе и молодежи.

А. ПРИСТАВАКИН. Легкое познается в сравнении с пережитыми тобой трудностями. Не надо бояться сельских трудностей, надо преодолевать их .

А. АНТОНЮК. Нужно предоставить сельской молодежи возможность пользоваться духовными богатствами так же широко, как и городской .

П. КИСЕЛЬНИКОВ. ...А кто за тебя будет делать трудное!

А. ХРИСТЕНКО. ...Я иногда думаю: что же дальше будет, когда состарятся наши отцы, а молодежь будет уезжать в город!

Мы снова публикуем письма сельской молодежи о земле, о своих радостях и заботах. Строки из четырех писем, приведенные вначале,— это четыре главные мысли, четыре направления всех остальных писем.

Итак, продолжаем разговор, начатый репортажем «Потому что люблю...» («Огонек» № 12, 1968 г.) и подборкой писем сельской молодежи («Огонек» № 28, 1968 г.).

Вы пробовали водить трактор?

1

Не могла спокойно читать письма, которые вы напечатали в своем журнале. Нас, как и матроса Ивана Горюнова, тоже воспитывали с пугалом. Учителя говорили: плохо будете учиться, станете свинопасами. Теперь, когда мы окончили десятый класс, говорят: надо оставаться в колхозе. Но у нас в колхозе даже клуба нет — три года как проектируется...

Людмила **ШЕВЧЕНКО**,
Днепропетровская область, село Миролюбовка, колхоз имени Карла Маркса.

2

...Наш колхоз называется «Путь Ленина». Я с детских лет полюбил его и на каникулах всегда работал в поле. Некоторые говорят, что в колхозе работает тот, кто не хочет учиться. Нет! Я с этим не согласен. Я учился хорошо, среднюю школу окончил без троек, до армии мечтал стать председателем колхоза, вывести его в передовые. Однако со второй половиной этой мечты я опоздал: недавно был в отпуске в селе Усох, Брянской области, и совсем не узнал его. Строится новая школа, Дом культуры, появился духовой оркестр. И мне стало жаль уезжать из родного колхоза. Но скоро службе конец, я вернусь и, как было задумано, поеду учиться на председателя колхоза.

На вопрос, почему молодежь не хочет работать в колхозе, я бы ответил так: кое-кто из среды деревенской молодежи стал бояться трудностей. Появилась охота до легкой жизни. Но легкая жизнь, достигнутая не своими руками, тоже ведь не будет по достоинству оценена: легкое познается в сравнении с пережитыми тобой трудностями. Не надо бояться сельских трудностей, надо преодолевать их! И тогда жизнь в деревне станет такой, что все ушедшие в город будут нам завидовать.

Рядовой Алексей **ПРИСТАВАКИН**.

3

...Я буду работать в колхозе. Родился в деревне Черневичи, Минской области, здесь же окончил среднюю школу. Люблю деревню за шепот золотистых колосьев ржи, за запах трав на лугу. Правление колхоза послало меня учиться в Кохановский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Скоро окончу его, вернусь в свою деревню и поведу трактор по родным полям. Ребята, не бойтесь работы в деревне! Мы здесь нужны, труд наш в деревне будет ве́сом и виден.

Виктор **БРАЗОВСКИЙ**.

4

...Я работаю в совхозе «Тургайский». Один парень сочинил о нашем совхозе стихотворение:

Расцвел над Тургаем букет облаков,
Закатом расплавился вечер.
Стальными руками свирепых ветров
Здесь каждый домишко помечен...

Ветры у нас действительно стальные. Но и ребята стальные. Отличные ребята-трактористы, руки их пахнут хлебом, железом, землей. Но мы не только умеем работать, но и отдыхаем хорошо, часто отправляемся в походы, устраиваем вечера в своем кафе «Аэлита». Ребята любят хорошо одеться, и девушкам ничто не мешает следить за модой — у нас есть свое ателье.

Мы любим нашу землю с названием «Целина».

А вы пробовали когда-нибудь водить трактор?

В. **АРБУЗ**.

5

...Мне 27 лет. Я оканчиваю Мичуринский плодоовощной институт и с удовольствием буду работать в любой деревне не только потому, что родился и вырос на селе. Я считаю, что именно на этом участке буду наиболее полезен.

В письмах, адресованных в вашу редакцию, некоторые ребята пишут, что они живут, пожалуй, лучше, чем иной горожанин. А достаточно ли для сельской молодежи только материального благополучия? Не хлебом единым питается нынче и сельская молодежь. Ее уже не удовлетворяют одни только газетные сообщения о новых премьерах в театре или в кино, ей хочется увидеть все своими глазами. И надо предоставить сельской молодежи возможность пользоваться духовными богатствами в такой же мере, как и городской.

Я не собираюсь агитировать за то, чтобы создавать города на базе деревень. Это невозможно да и не нужно. Но совершенно необходимо улучшить средства транспорта и связи между городом и деревней.

Александр **АНТОНЮК**,
студент.

6

...Я зоотехник. Пишу вам с гордостью о своей профессии, о людях, рядом с которыми тружусь, о селе, в котором живу. Специфика работы зоотехника нелегкая, утром встаешь до зари, поздно возвращаешься домой. Но я отказался от заманчивого предложения перейти на работу в редакцию районной газеты. Считаю, что я здесь нужнее.

А еще я пишу стихи. Если представится возможность, напечатайте вместе с этим письмом.

ВЕСЕННЕЕ

Весенний день ушел к закату.
Мне чудится, что рядом ты.
А луг, как плюшевая скатерть,
Нам дарит нежные цветы.
...Все, как тогда: и запах мяты,
И за Днестром дымок над хатой,
И восхождение луны,
И мысль дурманящие губы,
Что пахнут медом и весной.
Здесь все мне дорого и любо,
Здесь все наполнено тобой.

Дмитрий **БОДНАР**,
Винницкая область, колхоз имени Димитрова.

7

...Так получилось, что после окончания десятилетки я уехал работать в Донбасс. Удобные общежития, хорошие столовые, кафе, театры, библиотеки, неоновый свет, солидный заработок. Что еще надо человеку?

А я тосковал по запаху свежеобмолоченного зерна. Я понял: мне нужен мой колхоз.

Советские люди в городе и в деревне воспитаны одинаково, но согласитесь, мои современники: родное есть родное!

В общем, я через полтора года вернулся в колхоз и набросился на деревенскую работу. У нас хороший колхоз. Почти в каждом доме мотоцикл, телевизор, холодильник, стиральная машина. Газовые плиты у всех. Клуб, магазины. В библиотеке пять тысяч томов и большой читальный зал. Комсомольцы и молодежь сами посадили парк, построили стадион, летний клуб. Есть духовой и домбровый оркестры. Автобусы ходят. Колхоз предоставляет желающим на выплату новые каменные дома.

Но дело не только в материальном благополучии. Мы советская молодежь, нам надо быть достойными своих отцов, тех, кто не покидал ни Родину, ни друга в трудный час. Я сейчас служу в армии, скоро увольняюсь в запас. Я много рассказывал нашим солдатам о своем селе. Итог разговоров такой: многие товарищи, раньше жившие в городе, едут со мной на село. И вас, мои дорогие сверстники, я приглашаю в колхозы нашего Голопристанского района. Работы у нас непочатый край.

Рядовой Анатолий **ГИДУЛЯНОВ**.

8

...Вот уже десять лет, как я живу в селе, работаю учителем. И мне кажется, что я живу интересно. Собрал большую библиотеку. Недавно вышел мой труд о литературе на чеченском языке. Я уверен сам и потому уверяю других: село никак не может мешать интеллектуальному труду. Мне кажется, наоборот: оно помогает своей тишиной и красотой природы...

Азиз **ЮСУПОВ**,
Грозненский район, село Толстов-Юрт.

9

...Я, правда, уже немолод, но, как учитель, ежедневно общаюсь с молодежью и близко знаю ее интересы. В материальном отношении в селе стали жить неплохо, и,

как принято теперь говорить, культура проникает в быт.

Но, чтобы молодежь оставалась в колхозе, надо обязательно позаботиться о правильной организации труда и быта каждой крестьянской семьи. Вот некоторые вопросы, над которыми приходится сегодня задумываться жителям сел:

1. Где и как накосить сена?

2. Как обрабатывать приусадебный участок?

3. Как и откуда привезти топливо?

4. Как построить или отремонтировать дом, чтобы все наличные сбережения семьи не ушли в руки шабашников?

И здесь многое зависит от руководителей колхозов и совхозов. Жизнь подтверждает: там, где заботятся и о личных нуждах колхозников, рабочих совхозов, там процветает и общественное хозяйство.

Спросят: а из каких же источников оплачивать бытовое обслуживание населения? Мне кажется, что каждая колхозная семья за все эти услуги могла бы вносить в бухгалтерию необходимую плату. Надо только хорошо организовать это дело.

Учитель В. НЕМИРО,
Минская область, село Латыголь.

10

...Я работаю в военкомате. Каждый год мы провожаем в армию много ребят, а встречаем по окончании срока чуть больше половины. Почему? Ответ один: жизнь в селе устроена так, что люди работают с утра до вечера без выходных. Я хочу предложить вашей редакции: пусть по существу поднятых вами проблем выскажутся председатели сельских Советов, руководители колхозов и совхозов. Пусть расскажут о том, какие условия создают они для молодежи, какие у них трудности. Я бы хотел посоветовать вот над чем подумать:

1. Организация двухсменной работы в деревне.

2. Предоставить трудящимся деревни, так же как и трудящимся города, выходные дни.

Пусть эти проблемы будут решены по-государственному!

Сергей ЖУЛЬКО,
Хмельницкая область.

* * *

«Пишите нам, несогласные,— поспорим, и согласные, тоже пишите: подумаем вместе о том, как может жить и как должна жить молодежь в современной деревне» — так заканчивали мы свой репортаж «Потому что люблю...», репортаж из колхоза «Красный маяк», Калужской области. Почти год прошел, и за это время в редакцию пришло немало писем, часть из которых мы здесь публикуем.

Мы перечитываем письма, написанные на листках из школьных тетрадей, руками молодых и сильных людей, руками, привычными к штурвалам и рычагам машин, к подойникам, к земле, к книгам, руками людей думающих, заботящихся о судьбе своей деревни и своих полей. В большинстве писем рассказывается о том, что хозяйства за последние годы экономически окрепли, что увеличились доходы колхозников, заработки рабочих совхозов. Решения партии по сельскому хозяйству успешно претворяются в жизнь.

Чувствуются в письмах разные люди, разные характеры.

Девушке из Днепропетровской области, Людмиле Шевченко, в своем письме сетующей на учителей, которые воспитывали ее с пугалом, и на то, что у них в колхозе все еще нет клуба, мы могли бы ответить словами из письма Анатолия Гидулянова: «Комсомольцы и молодежь сами посадили парк, построили стадион, летний клуб».

Тем, кто ждет, когда старшие устроят для молодых красивую и удобную жизнь в деревне, мы советуем повнимательнее вчитаться в письма их сверстников, понимающих, что трудности — как в деревне, так и в городе — каждому поколению приходится преодолевать самому. Ведь им, деревенским жителям, должно быть особенно ясно, что на селе сейчас время больших перемен к лучшему, что государственный бюджет выделяет для сельского хозяйства немалые капиталовложения. Поля ждут таких ребят, как Анатолий Гидулянов, который возвращается из армии в деревню, и возвращается не один, а приглашает с собой товарищей; как Алексей Приставакин, как студент Александр Антонюк, зоотехник Дмитрий Боднар, механизатор Виктор Бразовский. Они не просят совета: как им быть? Они знают: пора брать дело отцов в свои руки! И берут его в свои руки.

Но есть проблемы, которые должны быть решены по-государственному. Вот главные из этих проблем, они затрагиваются почти в каждом письме: организация двухсменной работы; выходные дни для работников сельского хозяйства.

Духовные богатства нашей страны, достижения нашей культуры должны быть широко доступны селу. Что мешает этому?

Быт и село, быт сельского труженика — почему он не очень-то еще устроен? В частности, как решить проблемы транспортных связей села и города?

Мы присоединяемся к предложению работника военкомата Сергея Жулько из Хмельницкой области: пусть скажут свое слово на страницах журнала партийные, хозяйственные работники, руководители колхозов и совхозов, как они решают эти проблемы.

Валентин КАТАЕВ

Сотворение мира

Несмотря на свою болезнь, Жан Эффель согласился меня принять. И вот я в его кабинете, в широкое окно которого видно устье Сены недалеко от Онфлера. Я приехал к Эффелю с предложением нарисовать декорации к балету, который я хочу написать, вдохновленный знаменитыми эффелевскими карикатурами.

1966 год. Эффель в халате. У него умное, саркастическое лицо. Ему, видимо, нравится моя идея, и он внимательно слушает. Иногда он вскакивает и, несмотря на умоляющие жесты жены, достает папки и раскладывает передо мной новые рисунки.

Я считаю излишним распространяться о стиле балета, о его костюмах, образах персонажей, о декорациях — все это должно в какой-то мере соответствовать индивидуальности Эффеля, его графической манере: острой, изобретательной, современной, однако не абстрактной, а очень реалистической, а главное, пленительно инфантильной.

Балет-сатира, балет-пародия, большое, я бы даже не побоялся сказать, антирелигиозное танцевальное представление, разоблачающее библейский миф о сотворении мира, о боге, дьяволе, рае и о первых людях — Адаме и Еве.

— Итак, представим себе начало,— говорю я,— на громадной пустынной сцене каким-то образом изображено то, что в библии определено словами: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух божий носился над водою».

Эффель утвердительно кивает головой.

— Дух божий воплощен в виде добродушного старичка бога, лысого, нос картошкой, в белом балахоне до пят, с белоснежной бородой и розовыми благостными ручками. Это владыка мира, вездесущий, всеблагий, всеведущий и так далее, окруженный своими верными слугами-ангелами, такими же инфантильными крылатыми существами, в которых с трудом угадывается пол: ангелочки-девочки и ангелочки-мальчики.

Бог занят какими-то глубокими размышлениями и похож на некоего изобретателя, которому пришла в голову гениальная мысль, и он мечется по своему кабинету, желая сформулировать ее и тут же воплотить в жизнь.

Ангелы окружают бога, следя за всеми его движениями, непроизвольно повторяя его жесты и всем своим видом выражая восхищение, преданность и внимание, что легко можно музыкально и хореографически выразить в большой балетной картине.

Бог поглощен в свои мысли и знаками просит ангелов не мешать ему думать. Ангелы почтительно поднимают вверх пальцы — тссс! Бог думает! — и продолжают свой танец уже, так сказать, еле дыша, на цыпочках. Все небесные ангелы ведут себя примерно, хорошо, однако среди них есть один баловник, который все время шалит: то шлепнет по спине какую-нибудь девочку-ангелочка, то вырвет перо из крыла мальчика-ангела, то начнет исподтишка передразнивать движения самого господа бога. Несколько раз бог делает ему замечания, но он не унимается. Наконец, когда скверный мальчишка начинает в укромном уголке за облачком тискать смазливенькую девочку-ангелочка, бог теряет терпение и, вроде учителя, который выгоняет из класса скверного ученика, выгоняет баловника. Баловник не хочет уходить и начинает препирательство с богом. Баловник требует, чтобы вместе с ним изгнали также и смазливого ангелочка. Бог спрашивает девчонку: неужели она согласна идти вон вслед за баловником? Девчонка влюблена в баловника и со смущением заявляет богу, что согласна идти вон вместе со своим возлюбленным. «Ах так! — в сердцах восклицает бог.— Стало быть, ты его любишь, негодница, больше меня? В таком случае оба вон!» И тут же бог превращает их в молодецкого дьявола и в молодецкую дьяволицу. Короткая феерическая сцена превращения. После чего происходит формальное изгнание, во время которого молодой дьявол грозит богу большими неприятностями и обещает ему впоследствии гадить на каждом шагу. Затем при общем негодовании всех добрых ангелочков молодые дьявол и дьяволица, с которых свалились крылышки и у которых выросли хвостики и рожки, покидают в остром гротесковом любовном танце сцену.

Оставшись один в окружении послушных ангелочков, бог продолжает прерванные размышления. И вот его осенило. Он торжественно объявляет своему ангельскому окружению, что решил с их помощью в шесть

дней сотворить мир: Солнце, месяц, Звезды, Землю, воду и небо.

— Начинается сотворение мира, которое происходит на сцене в виде феерической пантомимы, где должны быть использованы многие из ваших рисунков, шер мэтр! — обращаюсь я к художнику.

По мутному, розовато-голубоватому полотну Сены ползет нефтеналивное судно. Такое впечатление, что оно плывет внутри мастерской.

Сценическое пространство представляет некую весьма современную мастерскую бога, даже, вернее, конструкторское бюро, где происходит моделирование Вселенной. Всюду чертежные доски, черные доски, где можно делать соответствующие наброски и рисунки мелом, тут же лаборатория с набором самых лучших приборов; все это на современном уровне, но кое-что из старых инструментов вроде тисков, наковальни, примитивных гаечных ключей, что придает всему несколько комический вид. Великий инженер-конструктор бог обращается к своим небесным помощникам — все тем же ангелочкам, дает им разные задания и требует, чтобы они начинали конструировать мир. Ангелочки живо приступают к работе, покрывая доски рисунками различных проектов, которые показывают один за другим богу. Все это очень мило нарисовано Эффелем и не нуждается в подробном объяснении.

— Да будет свет! — провозглашает бог и щелкает зажигалкой, но она не загорается. Приходится несколько раз щелкнуть, пока не вспыхивает огонек. Дьявол появляется и пытается его задуть, мешать богу. Но бог дает распоряжение, и ангелы расставляют вокруг него надписи вроде «Ведутся работы», «Вход на стройку воспрещен», «Проезд закрыт» и так далее. Затем ангелы приносят богу громадный чертеж Солнца, но бог не смущен величиной будущего светила — 1 390 447 километров — и велит, чтобы Солнце сияло. Солнце сияет в небе в точном соответствии с проектом. Но сейчас же дьявол исподтишка делает на Солнце пятна. Бог прогоняет дьявола, который прячется за облаками. Создаются звезды. Это очень красиво, но дьяволица тут как тут и некоторым звездам приделывает на свой манер хвосты, превращая их в кометы. Бог сердится, что испортили ему звезды, и ангелы изгоняют дьяволицу. Бог запускает Сатурн вместе с его эффектными кольцами и так далее, все по книге Эффеля. Затем бог сотворяет небесное тело — Землю, которое проносится во Вселенной со всеми своими океанами и материками. Теперь деятельность бога переносится на Землю, где он вместе со своими ангелами-помощниками занимается отделкой земного шара, созданием морей, гор, лесов, недр.

А дьявол и дьяволица все время ему гадят: насыпают в море соль, создают подземные пещеры — очаги землетрясений, прячутся в глубину гор, превращая их в вулканы, откуда бьет огонь и летят камни. Одним словом, комическая борьба бога и дьявола продолжается. Бог создает фонтан — дьявол делает из него гейзер, так что чуть не ошпарил бога и его малюток кипятком.

И прочее, тому подобное, в быстрой смене картин, в танцевальной пантомиме. При каждом успехе веселые танцы бога, а при каждой неудаче торжествующие танцы дьявола и дьяволицы.

Наконец Вселенная создана, и начинается танцевальный апофеоз с участием только что созданных рыб, птиц, животных, на чем и заканчивается первый акт.

— Ну как, дорогой Эффель?

— Отлично.

— Вы не устали?

— О нет. Я, вероятно, устану, когда буду делать декорации этого балета.

— Не только декорации, но и костюмы.

— Да, да. Я понимаю. И гримы тоже?

— Конечно. Итак, второй акт начинается созданием человека. Вот как это происходит. Богу почему-то скучно среди новенькой, только что им созданной Вселенной, среди окружающих его живых существ

низшего порядка. Ему хочется создать какое-то новое, невиданное, умное животное, подобное ему. Бог склоняется над ручьем, вглядываясь в свои черты. Ангелочки приносят ему зеркало, и он любуется собою, делая разнообразные жесты и принимая пластические позы. Да, именно это. Создать нечто подобное! И бог, как и в первом действии, с помощью своих помощников приступает к конструированию первого разумного существа во Вселенной — человека. В библии об этом сказано туманно: «И создал господь бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». В нашем же балете это будет выглядеть примерно таким образом. Бог впадает в творческую задумчивость и велит своим помощникам дать ему несколько проектов будущего человека — Адама. Ангелы несут ему свои проекты. Один совсем детский рисунок человечка. Бог отвергает его. Другой приносит странное крылатое богоподобное существо, но с ослино-козлиной головой. Бог в ужасе. Третий тащит абстракционно-кубистическое изображение Адама. Бог разъярен. Нет, это все не то. Вот что надо. И бог на чистом листе быстро рисует Адама — настоящего человека! Ангелы в восторге. После этого бог, повесив изображение своего будущего Адама на дерево, начинает его создавать. Быстрая, динамическая сцена создания Адама богом. Ангелы подвозят богу необходимые материалы — землю, песок, глину, прах, а бог работает: замешивает прах в бадье, делает некое тесто, подобное пластилину. Дьявол и дьяволица в отдалении следят за работой бога. Ангелы приносят и привозят богу составные части человека: кости, позвонки, челюсти, череп, зубы и так далее — и по очереди предлагают это богу, раскладывая все в порядке, как строительный материал перед строящимся домом. Бог из ребер собирает под общее одобрение грудную клетку будущего человека, затем складывает позвонки, то и дело рассматривая чертежи «спинного нерва», «рефлексов раздражений» и так далее, которые приносят ему ангелы. Бог вкладывает в черепную коробку Адама мозг. Дьявол пытается вырвать у бога из рук этот великолепно сделанный мозг и кричит богу:

— Об этом ты пожалеешь!

Но бог выгоняет дьявола и довершает создание Адама, одевая его кости мускулами, кожей, вкладывает в него довольно сложный агрегат — сердце, легкие, вводит в жилы Адама кровь (нечто вроде переливания крови), и вот первый человек готов. Бог вдыхает в него душу, и Адам оживает, сходит со своего пьедестала. Все в восторге. Ангелы учат Адама ходить, сидеть, бегать, есть пищу, пить, наконец, танцевать.

Птицы, звери, рыбы, бабочки собираются поглазеть на новое диковинное животное. Адам ведет себя, как ребенок, попавший в игрушечный магазин. Он играет с животными, трогает их руками, любуется, восхищается. Это может быть большой хореографический кусок на тему познания Адамом мира.

Бог видит, что Адам слишком много двигается, боится, чтобы он не устал, отгоняет от него всех, укладывает его спать под деревом, а сам на цыпочках удаляется. Тогда осторожной, скользящей походкой является дьявол и начинает искушать Адама примерно в таком роде: «Посмотри вокруг, Адам. У всех живых существ есть подруги. У меня есть подруга — дьяволица, вот видишь, как нам весело и приятно вдвоем. У каждой бабочки есть подруга. У слона есть подруга. У птицы есть подруга. У рыбы есть подруга. Все существа живут парами. Видишь?» И действительно, перед Адамом проходит красивая балетная сюита на тему «Все живое живет парами». Танец пар птиц, животных, рыб, бабочек, пресмыкающихся, который в конце концов подчеркивает одиночество Адама и разжигает у него желание иметь свою подругу. Он бросается в разные стороны, ища свою возлюбленную. Дьявол и дьяволица в восторге. Они бегут и приводят бога: «Смотри, твой Адам взбесился. Он требует себе пару». Бог смущен. А Адам умоляет его дать ему подругу, возлюбленную, жену. Мольбы Адама нескладны, тогда он начинает бушевать. Это настоящий скандал. Хватает бога за бороду и трясет его. Дьявол и дьяволица подначивают и показывают Адаму проект очень хорошенькой Евы. Адам приходит в экстаз и требует Еву. Богу ничего не остается, как при помощи своих ангелов положить разбушевавшегося Адама на траву и усыпить его приемами настоящей клинической анестезии.

Происходит создание Евы. Теперь сцена напоминает операционную, где ангелы — медицинский персонал. Адама кладут на операционный стол, и господь бог, надев резиновые перчатки и закрыв лицо маской хирурга, производит операцию, вырезая у Адама ребро, которое быстро превращается в прекрасную девушку Еву.

— Какими сценическими средствами это будет показано — дело режиссера-хореографа, — замечает Эффель.

— С вашей помощью, — отвечаю я. — Итак, бог и все остальные любуются и восхищаются спящей девушкой. Даже дьявол не может скрыть нежных чувств, которые вызывает в нем Ева. Он сладострастно увивается вокруг спящей, но бог с одной стороны и ревнивая дьяволица с другой уводят дьявола со сцены.

Теперь на сцене, изображающей цветущий земной рай, нет никого, кроме двух спящих — Адама и Евы. Сцена их медленного пробуждения. Они видят друг друга. Они робко тянутся друг к другу. Они похожи на прелестных, невинных детей, испытывающих взаимное влечение. Здесь богатые возможности для широкой хореографической картины первого знакомства Адама и Евы. В конце этой сцены появляется бог и включается в танец. Он в восторге, что сотворил такие прекрасные существа. Но его слегка пугает их слишком откровенное влечение друг к другу. Поэтому он вызывает к себе ангелов, которые под его руководством разводят в разные стороны Адама и Еву, а затем происходит чудо посадки яблочного семечка и феерически быстрого роста на глазах у публики райской яблони, на которой уже висят румяные аппетитные плоды. Бог делает строгое предупреждение: Адам и Ева могут есть все плоды земные, но не смеют рвать и есть яблок с этого красивого «древа познания добра и зла». «Даже смотреть на них не смеете!» В случае ослушания бог грозит Адаму и Еве изгнанием из рая. Они дают богу слово, что не тронут яблок, и бог, удовлетворенный, величественно удаляется.

Новая лирическая сцена Адама и Евы в раю. Тема первой, чистой любви, блаженства и сладостного уединения среди прекрасных растений, животных, и птиц, и насекомых, которые составляют живой, ритмический фон этой нежно-лирической сцены.

Но дьявол и дьяволица не дремлют. Они постепенно включатся в ансамбль. И вот начинается большой балетный квартет — Адам, Ева, дьявол и дьяволица — на тему искушения Адама и Евы. Задача дьявола и дьяволицы — заставить съесть Адама и Еву запретные яблоки с «древа познания добра и зла».

Применяются все средства. Дьяволица употребляет свои чары для того, чтобы обольстить Адама. Дьявол искушает Еву. Тут пущен в ход весь ассортимент самых сильных страстей: любовь, ревность, сластолюбие, проходит даже обыкновенная торговая реклама: «Ешьте яблоки с древа познания добра и зла, содержащие богатый выбор витаминов», «Яблоко — верный путь к красоте и здоровью», «Пейте яблочный сок», «Если вы хотите иметь цветущих, прелестных детей, — ежедневно на ночь съедайте одно или два наших знаменитых яблока». При этом дьявол и дьяволица разжигают похоть Адама и Евы своими адскими танцами и демонстрацией своих детишек — маленьких дьяволят, что может явиться темой зажигательного детского танца чертенят и чертовок.

Тысячу уловок применяют дьявол и дьяволица, и наконец дьявол соблазняет яблоками Еву, которая, попробовав запретного плода, в свою очередь, дает откусить кусочек Адаму. Так в самых общих чертах происходит грехопадение.

Адам и Ева в объятиях друг друга рвут с дерева запретные плоды и едят их с чрезмерным удовольствием. Тогда дьявол и дьяволица, потирая руки, зовут бога и показывают ему на согрешившую парочку.

Дьявол сардонически хохочет и дразнит бога, торжествуя победу.

Бог в ярости изгоняет Адама и Еву из рая, и эта сцена изгнания, в которой участвуют также небесные духи, является финалом второго акта.

— Хотите что-нибудь выпить? — спрашивает Эффель. — Может быть, виски?

— А вы, мэтр?

Эффель жалобно смотрит на жену.

— Ему нельзя. У него был инфаркт.

Эффель грустно молчит.

— Третий акт представляет трудовую, но очень счастливую жизнь Адама и Евы, изгнанных из рая и добывающих себе пропитание своими руками, — бодро продолжаю я. — Теперь они живут полнокровной человеческой жизнью, насыщенной настоящей любовью, возвышающим трудом, простыми, но такими прекрасными человеческими страстями. У них свой дом, свой сад, который они возделывают, виноградник, поле, домашние животные. У них появились дети, много хорошеньких человеческих детей, проводящих свое время в труде и играх. Настоящая очаровательная идиллия, гимн благородному человеческому труду.

Время сбора обильного урожая, и по этому поводу у Адама и Евы праздник.

— Они пьют виски? — вяло улыбаясь, спрашивает Эффель.

— Нет. Ева не позволяет.

— Пусть так, пусть так...

— ...Но в разгар этого праздника внезапно являются сначала бог, а потом дьявол. Бог в виде пышного князя церкви в сопровождении своих священников, святых, пророков и монахов при звуках органа и церковного песнопения требует, чтобы Адам и Ева покорились ему и отдали ему львиную долю из своего урожая, а в противном случае угрожает им проклятием и отлучением от церкви и геенной огненной.

Вслед за богом являются дьявол с дьяволицей, соблазняя Адама и Еву всякими дьявольскими наваждениями — «найтклабами», стриптизом, самыми модернистскими танцами, напитками, легкой и сладкой жизнью, сверхсовременным искусством живописи, музыки, комфорта, богатства, — взамен чего требуют у Адама и Евы все то, что они произвели своими руками: их хлеб, мясо, лен, шерсть, фрукты, масло и т. д.

— Их виски?

— Нет. Их джин энд тоник.

— Швепс?

— Можно и швепс. Итак, между богом и дьяволом возникает острый конфликт — кому должны принадлежать Адам и Ева, чьими рабами они станут, — наконец они договариваются, что они оба будут владеть человечеством: 50 процентов богу, 50 процентов дьяволу. Ударяют по рукам, и начинают грабить Адама и Еву, и пытаются превратить их в рабов.

Тогда вдруг в Адаме вспыхивает высокое человеческое сознание собственного достоинства. Доселе еще не вполне окрепший ум озаряется светом высшего прозрения.

Адам понимает, что и бог и дьявол — его самые главные враги. Он зовет на помощь всех своих детей, населивших к тому времени Землю, зовет к себе на помощь весь человеческий род, который в едином порыве, под водительством великого человека Адама свергает бога и черта со всеми их ангелами и чертями.

После чего наступает сверкающий финал спектакля.

— И все пьют виски? — спрашивает Эффель.

— Только те, у кого еще не было инфаркта, — сухо замечает жена Эффеля. — А теперь уезжайте домой, в Париж. Жан устал.

Париж — Москва, 1966 год.

Е. Романова. ЗИМА.

В. Пасюкевич (Минск).
МИНСК ЗИМОЙ.

А. Коцка (Ужгород).
НА ВЕРХОВИНЕ.

Маршал Советского Союза
Кирилл Афанасьевич МЕРЕЦКОВ

30 декабря 1968 года скончался выдающийся военный деятель, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков.

В лице К. А. Мерецкова советский народ, наши Вооруженные Силы потеряли одного из активных строителей Советской Армии, талантливого полководца, участника гражданской и Великой Отечественной войн, отдавшего всю жизнь защите и укреплению социалистического государства, делу коммунизма.

К. А. Мерецков родился 7 июня 1897 года в деревне Назарьево, Зарайского района, Московской области. Сын крестьянина, с юношеских лет начавший трудовую жизнь на московских заводах, он в 1917 году вступает в ряды Коммунистической партии, принимает активное участие в революционной работе, формирует отряды Красной гвардии. После победы Октябрьской революции К. А. Мерецков — в рядах Красной Армии, участвует в подавлении контрреволюционных мятежей, борется с белогвардейцами и интервентами. В этих боях он проявил себя отважным командиром и комиссаром.

После окончания в 1921 году Военной академии К. А. Мерецков занимает командные и штабные должности. Позже он был начальником Генерального штаба РККА, заместителем наркома обороны СССР. В 1936—1937 годах он сражается в рядах коммунистов-интернационалистов против фашизма в республиканской Испании. В годы Великой Отечественной войны К. А. Мерецков командует войсками Волховского и Карельского фронтов, руководит операциями по освобождению города Тихвина, прорыву блокады Ленинграда, разгрому противника на северо-западном участке советско-германского фронта. В 1945 году, во время разгрома Квантунской армии империалистической Японии, он командовал войсками I Дальневосточного фронта.

В послевоенные годы К. А. Мерецков командовал войсками ряда военных округов, был помощником министра обороны и генеральным инспектором Министерства обороны СССР. Он активно участвовал в общественно-политической жизни страны. Избирался кандидатом в члены ЦК КПСС и членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, делегатом ряда партийных съездов, депутатом Верховного Совета СССР. За выдающиеся заслуги он удостоен звания Героя Советского Союза, награжден орденом «Победа», семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и многими другими орденами и медалями.

Светлая память о Кирилле Афанасьевиче Мерецкове, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, мужественном полководце, пламенном патриоте социалистической Родины, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

ОДНОСТОРОННЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Письмо в редакцию

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Полностью согласна со статьей А. Дымшица «Серьезные ошибки серьезного издания», помещенной в № 50 вашего журнала. Мне уже случалось писать по поводу дезориентирующего характера многих статей Краткой литературной энциклопедии членам ее редколлегии.

Сейчас я приведу один пример. Существует такая важнейшая отрасль литературоведения, как история литературы. Именно она изучается на литературных факультетах педагогических вузов, именно в этой области создаются учебники, пишутся серьезные исследования. Но в КЛЭ ей не уделено ни малейшего внимания. Ожидавшаяся мною и другими читателями в III томе статья «История литературы» так и не появилась. Появилось краткое уведомление: «История литературы» — см. «Литературоведение». Но в том-то и дело, что это различные понятия. История литератур, конечно, более узкое явление, но совершенно конкретное и требующее подробной характеристики. Что сказал бы читатель, если бы вдруг в «Исторической энциклопедии» появилось сообщение: «История» — см. «Обществоведение»? А Литературная энциклопедия позволяет это себе со спокойной совестью. В огромной статье «Литературоведение», в IV томе КЛЭ, о советских учебниках по истории литератур (а их не очень-то много) не сказано ничего. Вся характеристика современного (после XX съезда КПСС) этапа советского литературоведения заняла 1,5 столбца (то есть 3% огромной статьи)— в 15 раз меньше, чем занимает раздел «Литературоведение Западной Европы и Америки». При таких крошечных размерах, естественно, удалось упомянуть (весьма бессистемно) только несколько имен. Так, например, безапелляционно (и весьма заумно) сказано на стр. 378: «В ряде работ методология обретает адекватность предмету исследования — художественному или «поэтическому феномену» (исследования М. М. Бахтина... Л. Я. Гинзбург, Н. Я. Берковского, А. А. Аникста, А. В. Чичерина и др.)». Как понять эту наукообразную фразу? По-видимому, из многих десятков наших крупнейших ученых-литературоведов только пятеро упомянутых смогли дать нечто адекватное предмету исследования? Где тут логика, где уважение к советской науке в целом? В крошечном упоминании о теории литературы ничего не сказано об одном из старейших и крупнейших исследователей в этой области, Г. Л. Абрамовиче. Кстати, и в создании трехтомного академического труда «Теория литературы» он принимал непосредственное участие.

А где узнает учитель литературы о тех пособиях и учебниках по истории русской литературы, по истории зарубежных литератур, которые вышли у нас за последнее десятилетие? Повторяю, не из Литературной энциклопедии. Она до такой степени игнорирует их, что даже в статьях об отдельных писателях никогда не отошлет читателя (в библиографической справке) к этим изданиям. Читателю предлагается рыскать по русским дореволюционным или иностранным журналам, иногда по периферийным Ученым запискам, чтобы найти несколько слов о том или ином авторе, достаточно освещенном в наших учебниках. Правилен ли этот подход?

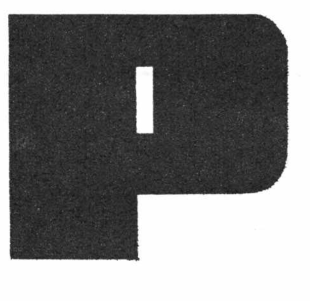
Я уже не говорю о том, что персональные упоминания о наших исследователях продиктованы какими-то неясными соображениями. Здесь нет четких критериев. Почему в одних случаях только сухо упомянуты труды ученого без всякой их оценки и характеристики, как в случае с А. С. Мясниковым и А. И. Овчаренко (где недопустимая путаница вообще может вызвать только возмущение), а в других ученому воскуряется фимиам? Например, в крошечной статье о Л. Е. Пинском сказано: «Исследованиям П. свойственны масштабность и смелость обобщений, живое ощущение истории, тщательное изучение лит. процесса» [1]. Или в столь же маленькой статье о Р. Д. Орловой: «Публицистическая острота сочетается в работах О. с вниманием к нравственной проблематике и художественному своеобразию американских писателей» [2]. Я уважаю Л. Е. Пинского как исследователя и допускаю, что Р. Д. Орлова что-то сочетает в своих статьях, но... почему же в одних случаях даже маленькие размеры статей не мешают давать высокую оценку работ упомянутых в них авторов, а в других только перечисляются заглавия и занимаемые авторами официальные посты? Как это понять?

Кстати, непонятно, почему дана отдельная статейка о Р. Д. Орловой и не дана о М. Н. Бобровой, гораздо более крупной исследовательнице американской литературы, авторе нескольких книг. Почему не только не упомянута персонально профессор А. М. Новикова, выдающаяся собирательница фольклора, но нет упоминания о ней даже в библиографических справках к статьям «Песня», «Песенники», «Песенная книжная поэзия»? Ведь ее собрание русских народных песен является одним из самых обширных, серьезных и хорошо известных за последние десятилетия.

Что тут сказать? КЛЭ, мягко говоря, дает весьма одностороннее представление о советском литературоведении и о многих явлениях мировой литературы. А ведь адресована она и нашим современникам (многие из которых верят ей безоговорочно) и потомству.

З. ГРАЖДАНСКАЯ,
профессор,
доктор филологических наук

[1] Т. V, стр. 748.
[2] Т. V, стр. 465.

Родиться, чтобы исчезнуть?

А. СОФРОНОВ

НОЧЬЮ НА ГРИНВИЧ-ВИЛЛЕДЖ

Итак, мы снова в аэропорту Кеннеди. Прошло всего три недели, как мы бесприютно топтались здесь темной ночью. Сейчас был день, скорее, предвечерье. Сухая осенняя погода. Облетающие с деревьев желтые листья. Листья откуда-то залетали и сюда, на асфальт аэродрома, по которому мы снова шагали, увешанные олимпийскими сумками и сомбреро.

На паспортном контроле один за другим проходили пассажиры. Чиновник грохал на паспорт штемпель, и человек, поблагодарив, проходил, утверждаясь на американской земле. С нами было несколько иначе. Снова, впрочем, как уже и не один раз раньше, чиновник, увидев наши красные паспорта, забеспокоился. Затем ушел куда-то на консультацию. Вернулся, заставил переписать въездную анкетку, вертел паспорта... Мы стояли рядом и улыбались. Неужели до сих пор не привыкли? Ну, пятнадцать лет назад, ну, десять... Но сейчас? Наконец чиновник проштемпелевал наши паспорта, и мы оказались на американской земле. Нас встречали советские журналисты, работающие в США. Бывший работник «Огонька», ныне представляющий Агентство печати «Новости» в Нью-Йорке, Генрих Боровик подкатил машину, и мы отправились к нему домой.

— Сколько времени в Нью-Йорке?— спросил меня Боровик.

— Два дня.

— Немного. Когда был последний раз?

— Пять-шесть лет тому назад.

— Что же, тебе интересно будет взглянуть на жизнь этого города. Экскурсию начнем сегодня. Только поближе к ночи. А пока отдохнем.

Где-то около десяти часов вечера Генрих сел за руль.

— Поедем на Гринвич-Вилледж. За эти годы там появилось кое-что новое... Кстати, собираются хиппи... Посмотришь на них. Но это в конце программы. Сначала аттракционы. Давай примем участие в создании шедевров абстрактной живописи. Это моментально и дешево, всего доллар.

Мы вошли в небольшой магазинчик, в котором остро пахло краской. Посреди помещения овальным полукругом стояло несколько похожих на центрифуги кругов. Рядом с ними громоздились большие тюбики красок различных колеров. Генрих положил лист плотного ватмана на доску. Защемил бумагу по краям зажимами.

— Теперь выбирай любую краску и дави ее на бумагу.

Я выдавил из нескольких тюбиков краску.

— Все,— сказал Боровик.— Теперь нажми эту кнопку.

Я нажал кнопку. Сооружение завертелось с головокружительной быстротой. Краска поползла в различные стороны. Покрутившись сколько положено, агрегат остановился. Мы взяли абстрактный шедевр.

— Осторожней,— сказал, получая доллар, хозяин этого далеко не абстрактного заведения.— Можете размазать.

— Теперь вешай этот шедевр на стену и приглашай любителей абстрактной живописи... Пусть восторгаются... Только ни в коем случае не говори, как это делается, а то собьешь коммерцию.

Наше место у художественного агрегата уже занимали другие. Мы вышли на улицу.

— Ты хорошо знаешь, что ожидает тебя впереди?— спросил меня Генрих.

— Честно говоря, нет.

— Тебе когда-нибудь цыганка гадала?

— Был грех... Но это еще в юности.

— А по картам?

— Гадали... Но тоже давно.

— Так нельзя... Надо ясно представлять, что тебя ожидает.

Мы остановились возле небольшого заведения. Через стекло виднелся стоящий у прилавка огромный детина с пшеничными усами.

— Пойдем, не пожалеешь... Тут чистая электроника, без ошибки. Цыганки и карты — это уже далекий примитив. И стоит тоже доллар.

Мы вошли. Генрих сказал несколько слов детине. Тот, не глядя на нас, молча повернулся к нам спиной. Нажал какие-то кнопки. Раздалось железное урчание агрегата. Детина обернулся и подал мне бумажку.

— О, да тебе повезло,— сказал Генрих.— А что меня ждет?

Детина так же молча отвернулся. Машина заурчала, и через мгновение Генрих держал в руках свою «судьбу».

— Ко мне судьба относится более сурово. С тебя бы полагалось взять подороже.

Мы снова оказались на улице. Рослые полисмены стояли у освещенных подъездов, о чем-то переговариваясь, провожая взглядами стучащих каблучками девушек.

— Давай с аттракционами покончим. Отправимся к людям. Здесь рядом есть интересное заведение.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 1.

Мы вошли в небольшой ресторан. Внешне это был и не ресторан, а скорее бар, где не было столиков, посетители сидели вокруг длинной, черной изогнутой стойки. Почти все места были заняты, но два высоких круглых стула у самого края стойки оказались свободными. Мы взгромоздились на них. Подошла женщина с высоко зачесанной прической, спросила, что бы мы хотели выпить... Человек пятнадцать сидели тесно друг к другу, о чем-то тихо переговариваясь, а рядом с нами, как бы во главе, сидел негр средних лет. Руки его лежали на клавишах. И тогда мы увидели, что стойка представляла увеличенный рояль. А негр, сидевший за клавишами, был тапером. Время от времени он негромко играл какие-то мелодии, и тогда все замолкали, оборачивались к нему и слушали. Слушали и мы. Что-то тоскливое, идущее от сердца было в каждой мелодии, звучащей в этом вовсе не похожем на обычный шумный бар заведении.

Среди посетителей было несколько негров. Они сидели со своими подругами, курили и тянули через соломинки коктейли. Мелодии были почти все негритянские. Вспомнилось, как лет двенадцать назад, когда группа наших журналистов была в Нью-Йорке, мы встретились перед возвращением в Москву с Полем Робсоном. Он спел для нас и нашу «Ноченьку» и любимую им негритянскую песню «Миссисипи». Мы попросили сыграть «Миссисипи». Музыкант согласился... Зазвучали густые басовые ноты этой песни... В баре раздалось пение. Пели сидящие у стойки негры, пели мы, пел и сам музыкант. Только сегодня днем, направляясь из Мехико в Нью-Йорк, мы долго летели над широкими разводьями этой могучей американской реки. И вот она, словно разлившись еще шире, достигла тихого бара на Гринвич-Вилледж.

— Вы русские?— спросил нас музыкант.

— Да.

Негр снова начал перебирать клавиши. В баре поплыли волнующие звуки рахманиновского прелюда... Музыкант с интересом смотрел на нас — как мы отнесемся к этой мелодии. Мы поблагодарили его. Тогда снова зазвучала мелодия, очень знакомая, но с грустью, необычной для такой песни... «Подмосковные вечера»... Музыкант улыбнулся:

— Знакома?

— Да. Конечно... Спасибо вам,— сказал Генрих и посмотрел на часы. Был первый час ночи.— Поедем туда, где собираются хиппи,— сказал он.

Мы попрощались с музыкантом и со всеми, кто сидел за этой необычной музыкальной стойкой.

— Очень они грустные и тревожные,— сказал Боровик.— Расовая проблема в Америке чувствуется всюду. Не так давно Нью-Йорк еще отличался от других городов Америки, особенно от Юга, где негры живут страшно... Хотя и здесь расизм проявлялся предельно даже в разделении труда. А теперь все стало грозным и устрашающим. Я недавно был на предвыборном собрании кандидата в президенты Уоллеса. Туда пришли три негра, их избили в кровь и выбросили на улицу... Так просто, ни за что... Только за то, что они посмели явиться на это собрание.

Мы вышли из машины возле киоска, где продавали соки и бутерброды. У телефонной будки стояли оборванные длинноволосые юноши, девушки в потрепанных джинсах, бледные, с закатившимися глазами. Некоторые из них жевали бутерброды, другие сидели здесь же на тротуаре, согревая друг друга в эту осеннюю холодную ночь. Генрих подошел к ним. Я стоял в стороне. Было жалко смотреть на них. У нас немало писали о хиппи. Больное общество рождает болезненные явления. Тех, кто активно борется против войны во Вьетнаме, тех бьют, сажают в тюрьмы, расстреливают на улицах. Здесь были те, кто сидел ночами на камнях мостовых и в подъездах.

Оставив хиппи, Боровик подошел ко мне:

— А ведь они хорошие ребята, но очень несчастные... Они любят Америку, но не знают, что делать... Эти все говорят: не хотим войны... Не хотим ехать во Вьетнам... Вот у этого блондина брат погиб во Вьетнаме... А он здесь на мостовых Нью-Йорка протестует. Их не за что хвалить, но и ругать не за что... Они как рыбы на песке. А ведь это — начало их жизни...— Генрих был взволнован.— Больное общество... Больное...

Мы направились к машине. Тускло мерцали фонари. Стайками стояли рослые полицейские. В киосках жарили шашлык и какие-то особые ночные котлеты. Одинокие прохожие торопливо шли по тротуарам. Истошно завывая, промчалась машина «скорой помощи».

ДНЕМ НА БРОДВЕЕ

— Поедем на Бродвей,— сказал утром Генрих.

— Поедем.

— Там ты тоже увидишь кое-что.

Бросив машину на стоянке, мы зашагали по Бродвею. Магазины.

Магазины. Открытые двери. Из одного — музыкального — доносилась знакомая мелодия. Я остановился.

— Новая модная мелодия,— сказал Генрих.— Очень сейчас в ходу. Поет вся Америка.

— Эту мелодию я знал еще мальчишкой.

— Да нет же, это самая последняя...

— Какая же последняя, если еще в двадцатых годах я слышал ее в Ростове-на-Дону?.. «Дорогой длинною, погодой лунною, да с песней той, что вдаль летит, звеня».— Я напел Генриху слова запомнившейся мне с детства песни.

— Вот жулики, а они выдают ее за свою самую наиновейшую...

Возле книжного магазина ходили по кругу с плакатами несколько девушек в форме стюардесс.

— Это что за демонстрация?

— Стюардессы протестуют по поводу продающейся в магазине новой порнографической книжки... «Чай, кофе или я», в которой стюардессы обрисованы как безнравственные существа... Иначе говоря, продающиеся за бесценок женщины.

Вокруг стояла толпа зевак. Кинорепортер снимал это зрелище. Щелкали фотоаппараты. Генрих усмехнулся:

— Откровенно говоря, я не уверен, что это действительная демонстрация протеста. Скорее всего рекламный трюк. Предприимчивый автор нанял нескольких девушек. Все это попадет в газеты, на телевидение. Книгу немедленно расхватают. А здесь, известно, автор получает гонорар от количества распроданных книг. Продадут этот тираж, выпустят второй. Расходы окупятся с лихвой.

— Что ты уж такой недоверчивый?

— Ах, милый, в этом мире доверчивым нельзя быть.— Генрих остановил одну из девушек. Что-то спросил у нее. Девушка энергично замотала головой.

— Говорит, что это настоящая демонстрация протеста... Но я что-то не верю, чтобы герои здесь так активно вмешивались в литературное творчество... Если, конечно, эту порнографию можно назвать творчеством. Здесь сейчас последний крик литературной моды: и в книгах и с подмостков театров все называется своими именами... Особый вид интеллигентности. Зайдем-ка в книжный магазин.

Зашли. Я оторопел. Такой откровенной порнографии и для мужского пола и отдельно для женского я не видел. И это все в «книжном» магазине? И любители и любительницы, конечно, находятся... На витрине магазина соблюдена некоторая стыдливость, подробности анатомии человека заклеены белыми бумажками. Это называется «свободой печати». Здесь же, бросив монетку в 25 центов, вы можете посмотреть и короткометражный фильм, соответствующий «профилю» этого просвещенного заведения.

Такие «книжные» магазинчики на Бродвее чередовались с магазинами детских игрушек, специализированными магазинами галстуков и дамской парфюмерии.

— Может, зайдем в кино?

— Зайдем.

Пятнадцать минут мы посмотрели датский фильм о лесбиянках и поднялись с мест.

— Идем, идем от этого мрака.

— Посмотрим новый фильм — «Барбарелла»,— предложил Боровик,— играет знаменитая актриса Джейн Фонда.

Этот фильм, фантастический, богато и с выдумкой снятый, с «космической» темой, мы просмотрели до конца. Но и здесь режиссер, муж героини, снимал собственную жену преимущественно в костюме Евы, во всяких пикантных ситуациях.

— Никого и ничего не стесняются... Деньги, деньги и деньги.

В витрине одного из магазинов была выставлена фотография тогда еще кандидата в президенты Ричарда Никсона. На лбу его было вычерчено строение винтовки с оптическим прицелом.

— Предвыборная шутка...— сказал мой друг.

День заканчивался. День, наполненный впечатлениями прогулки по Бродвею. И раньше мы знали склонность определенной части американского общества к порнографии и садизму. Но раньше одно словно было отделено от другого, порнография прикрывалась какими-то условностями и полицейскими запретами. Теперь все смешалось. И это все в стране, претендующей на интеллектуальное владычество в мире? В стране, различные деятели которой поучают человечество культуре «свободного мира»?

— Мне даже неудобно как-то,— сказал Генрих.— Ты увидел все это в концентрированном виде. В Америке есть много настоящих людей. Отличных актеров, писателей, ученых... Есть обыкновенные люди, живущие тихой жизнью, бегущие от всего, что мы повидали с тобой здесь, в Нью-Йорке. Но то, что мы повидали, это существует, и я хотел, чтобы ты увидел все это своими глазами.

— Но это же дико и бессовестно!

— Идет война во Вьетнаме... Она будоражит головы. Толкает людей на демонстрации протеста. Молодежь не хочет умирать. Не хочет исчезнуть, едва появившись на свет. Это все хотя бы какую-то часть отвлекает от главных проблем. Все острее становится расовая проблема. Негры боятся белых. Белые боятся негров. Требуется отвлечение. Поэтому сняты все запреты. А тут уже на первом плане коммерция. Все продается, все покупается. Все бесчеловечные инстинкты получают свободу. Это, конечно, не полное объяснение... Полного объяснения, по-моему, никто здесь дать не сумеет... Но то, что ты видел,— это не макеты, это все существует.

...На другой день мы улетали в Москву. Самолет отправлялся по расписанию в два часа дня. Накануне мы сверились. «Все в порядке, изменений нет». Не торопясь, мы сели в машину, чтобы заехать за одним из друзей и отправиться на аэродром. У нас был запас времени. И тут-то мы узнали, что именно в этот день летнее расписание менялось на зимнее, сдвигалось на один час. Самолет должен был по новому расписанию уйти на час раньше. Вот уж действительно анархия — мать порядка.

— Успокойся,— сказал Боровик, играя желваками,— попробуем поспеть...

Тут я вспомнил отличный фильм американского кинорежиссера Крамера «Безумный, безумный, безумный мир»...

— Лишь бы не задержала полиция,— нервно пробормотал Боровик.

Началась гонка по шоссе к аэродрому... Справа налево. Слева направо. Проскакиваем через малейшую брешь на дороге. Все-таки успели...

Уже позже, в нашем самолете «ТУ-124», я долго гасил нервную дрожь от автомобильной гонки. После посадки в Монреале все в самолете приняло домашний порядок. Вокруг меня оказались люди, часть которых возвращалась домой после посещения родных в США и Канаде, другая часть ехала в гости к родным, живущим в Советском Союзе. Возвращавшиеся были спокойны, отправлявшиеся в гости — взволнованны. И те и другие говорили по-русски...

И особенно запомнилась мне пожилая женщина, сидевшая от меня наискосок. Лицо у нее было простое и строгое. Она была в очках.

— Знаете,— говорила она полной женщине, сидевшей впереди,— я так рада, что возвращаюсь домой... Конечно, в гостях хорошо. Но уж как-то очень не по-нашему... И эти хиппи... Вы видели их? Какие-то несчастные... Так жалко их... Даже удивляешься, почему они такие... Как хорошо, что уже лечу домой... Соскучилась по соседям, по всему нашему...

Когда самолет подлетал к Москве, меня все время подмывало подойти к этой женщине и спросить, кто она такая. Но я постеснялся... И пишу, надеясь, что она прочтет эти строки.

АНТОН РЕФРЕЖЬЕ У НАС В ГОСТЯХ

Совсем недавно редакцию «Огонька» посетил американский художник Антон Рефрежье. Мы напечатали четыре полосы репродукций его картин. Наши читатели тепло приняли эту публикацию.

— Просто хотел познакомиться с вами,— сказал Рефрежье.— Я был очень обрадован, что советский журнал опубликовал мои картины. Я получил десять экземпляров журнала и подарил своим друзьям. Подарил журнал и Рокуэллу Кенту, он мой друг и большой друг советского народа. Репродукции его картин вы также печатали.

Естественно, мы были также рады тому, что большой американский художник по собственной инициативе посетил наш журнал. Он собирался в канун этого года побывать в гостях у Рокуэлла Кента. Мы попросили Антона Рефрежье передать нашему старому другу новогодний привет и поздравления.

Во время беседы я сказал, что совсем недавно побывал в Нью-Йорке.

— Какие впечатления вы вывезли на этот раз? — спросил меня Рефрежье.

Я ответил, что впечатления я «вывез» самые тяжелые.

— Да-а...— задумчиво сказал Рефрежье.— Все это так... Но вы, к сожалению, не повидались с людьми, которые в тяжелых условиях ведут борьбу за то, чтобы оздоровить американское общество. У вас в Америке много настоящих друзей.

— Согласен с вами. Со многими мы знакомы и дружим с ними... И никоим образом не соединяем их со всем, что нещадно позорит Америку. Мы с уважением относимся ко многим и многим американцам. Знаем их нелегкую жизнь. Знаем, как им трудно жить в атмосфере угроз и беззакония... Но от правды никуда не уйдешь. С нового года мы начали печатать в журнале повесть американского писателя Патрика Квентина «Дело по обвинению...». Это не о Бродвее, не о том, что я видел своими глазами, но это нисколько не меньше. Квентин лучше знает общество, в котором он живет. Если хотите, повесть его — своеобразные свидетельские показания... И нам хочется, чтобы наши читатели познакомились с американской действительностью, с «прелестями» «американского образа жизни».

На этом мы расстались с нашим другом, договорившись, что в 1969 году мы опубликуем в журнале его новые произведения.

Сейчас, заканчивая эти записки, я перебираю в памяти недавно виденное мною на экране и в жизни. И все не уходит мысль: каким же должно быть бесчеловечным общество, все те, кто вершит судьбы миллионов людей этого общества, если они, его лидеры, так безжалостно растлевают души юношей и девушек, морально готовя их к заранее спланированному исчезновению с лица земли? К исчезновению любым способом — от пули, полученной на своей или на чужой земле. Пропаганда порнографии, садизма, морального изуверства — все прикрывается пресловутой «свободой печати». Я вспоминаю несчастных, именно несчастных, хиппи на Гринвич-Вилледж, запуганных, затоптанных «американским образом жизни». Вспоминаю и тех, кто покинул американскую армию, не желая ни отдавать бесцельно свою жизнь, ни уничтожать другие жизни ни во Вьетнаме, ни в каких других местах нашей планеты. Да, в Соединенных Штатах есть борцы, есть силы сопротивления, сражающиеся за подлинную Америку, за то, чтобы американцы не опускали стыдливо свой взор, когда люди разных народов гневно говорят о реакционной стране — Соединенных Штатах Америки. Они видят страшные язвы больной Америки. Они стараются делать все возможное, чтобы их родина была другой. Но не надо думать, что все это изменится только от добрых намерений даже самых хороших людей. Самое грязное, самое гнусное — все подбирается в бездонную кошелку антикоммунистической пропаганды.

И все же ход человеческой истории, ее развитие таково, что люди нашей земли все более объединяются для того, чтобы миллионы юношей и девушек в конце концов обрели уверенность в своем будущем.

Человек рождается не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы жить полнокровно, творчески, принося радость и себе и своим друзьям на всей земле.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я открыл дверь квартиры и сразу услышал приглушенные звуки музыки; из гостиной струился свет. Бетси еще не спала. Чувство любви и признательности охватило меня, словно благодаря ей мне только что удалось избежать какой-то опасности и Бетси, а вместе с ней и вся моя новая жизнь должны были исчезнуть, как мираж.

— Бетси! — крикнул я.

— Алло, Биль!

Я поставил сумку, снял пальто и вошел в гостиную. Бетси сидела у камина.

— Бедный мой! Самолет опоздал, да? Вечная история. Должно быть, расписание полетов только для того и составляют, чтобы мучились близкие и родные пассажиров.

От одного взгляда на ее милое, освещенное ласковой улыбкой лицо сразу становилось легко и уютно. Сама она всегда считала себя уродом и говорила, что если и привлечет внимание какого-нибудь мужчины, то только из-за своих денег. Эта мысль особенно не давала ей покоя после нашей женитьбы. «...Вы же знаете, это дочь Ч. Д. Нет, не Дэфни, а старшая, та, что занимается благотворительными делами...» Сейчас, когда она направилась ко мне, приветливая и уверенная в своем счастье, я с радостью подумал, что наш брак оказался удачным и что она помогла мне не меньше, чем я ей.

Я обнял ее и поцеловал. Разумеется, я собирался рассказать ей об Анжелике: никогда и ничего я не скрывал от Бетси. Однако разговор об Анжелике всегда был труден для нас обоих. Я не хотел отравлять первые минуты нашей встречи.

— Как Рикки?

— И не спрашивай! Элин ничего не может с ним поделать. Он хотел дождаться тебя и отказывался лечь спать, если я не спою ему. Новая забава! Пришлось петь. Наверно, это получалось у меня, как у простуженной вороны, а ему нравилось.

— Ты поздно вернулась с Фаулерами от Ч. Д.?

— Мы и не были у него. Отец перенес встречу на завтра.— Бетси обняла меня за шею и ласково провела рукой по моим коротко остриженным на затылке волосам.— Как прошла поездка в Чикаго?

Поездка оказалась трудной. Один из наших крупнейших рекламодателей угрожал порвать с нами и заключить договор с другой журнально-издательской фирмой. В обычное время этим следовало бы заняться моему шефу — вице-президенту нашей фирмы, но поехал я, так как исход поездки имел большое значение для моей карьеры. Ее результаты оказались превосходными. Я сообщил об этом Бетси, и она очень обрадовалась.

— Чудесно! — смеясь, воскликнула она.— Значит, отец завтра будет в хорошем настроении и пожертвует нашей организации, нашему фонду несколько миллионов долларов. Надеюсь, за рюмкой доброго старого портвейна ты замолвишь за нас словечко, а?— И она с некоторой озабоченностью взглянула на меня. Я понимал, почему. Даже через три года после нашей свадьбы она сомневалась, имеет ли право принимать за меня всякого рода приглашения, хотя бы и от членов своей семьи.— Я хочу сказать, ты не откажешься помочь нам, когда мы начнем штурмовать отца?

— Конечно.

— Ты просто ангел. Давай, милый, выпьем чего-нибудь на ночь и просто так посидим у камина.

Бетси налила вина, и мы некоторое время сидели у огня, неторопливо беседуя о фонде жены. До нашего брака «Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией» был для нее самым важным делом в жизни, да и сейчас еще в ее глазах важнее были разве что Рикки и я. Она создала этот фонд после того, как ее мать, которую Бетси боготворила, умерла от белокровия. Бетси с жаром занималась делами фонда, пытаясь забыть свое горе, свою робость перед отцом и свои сомнения в возможности обрести личное счастье. Фонд получил известность во всей стране, а имя Бетси стало синонимом гражданки-патриотки.

От камина струилось тепло, а хорошее вино рождало чувство умиротворенности. Мы заговорили о Рикки. Бетси была обречена на бездетность и всегда думала о Рикки, как о чудесном даре богов. Я по-прежнему считал, что надо бы рассказать ей об Анжелике, но теперь это казалось мне значительно более трудным, чем в такси. Единственное, чего опасалась Бетси, так это Анжелики. Она видела ее несколько раз в Портофино и смертельно боялась ее красоты и того всепоглощающего чувства любви к Анжелике, которое когда-то владело мной. Еще больше она боялась, что Анжелика когда-нибудь вернется и попытается отнять своего ребенка. Узнав, что Анжелика в Нью-Йорке, она будет жить в постоянном страхе.

И вот постепенно, пока мы сидели, держась за руки, будто влюбленные школьники, я почувствовал, как во мне зашевелился соблазн умолчать о встрече с Анжеликой. Да и соблазн ли? Слишком много резонных доводов находилось в пользу такого решения. Бетси думала, что самолет опоздал, и не было никакой необходимости объяснять ей истинные причины моей задержки. В самом деле, к чему без надобности заставлять ее волноваться за Рикки? Встреча с Анжеликой казалась жалкой и бессмысленной. К тому же скорее всего мы никогда с ней больше не увидимся.

Допив вино, мы прошли в детскую. Рикки крепко спал, свернувшись в клубочек и оттопырив губу, словно курил трубку. Сейчас он ничем не напоминал свою мать. Бетси наклонилась над кроваткой, поцеловала ребенка в лоб, и на лице у нее появилось выражение, которое я хотел видеть всегда,— выражение блаженного довольства и безмятежности. Анжелика казалась далекой, как шепот моря в раковине.

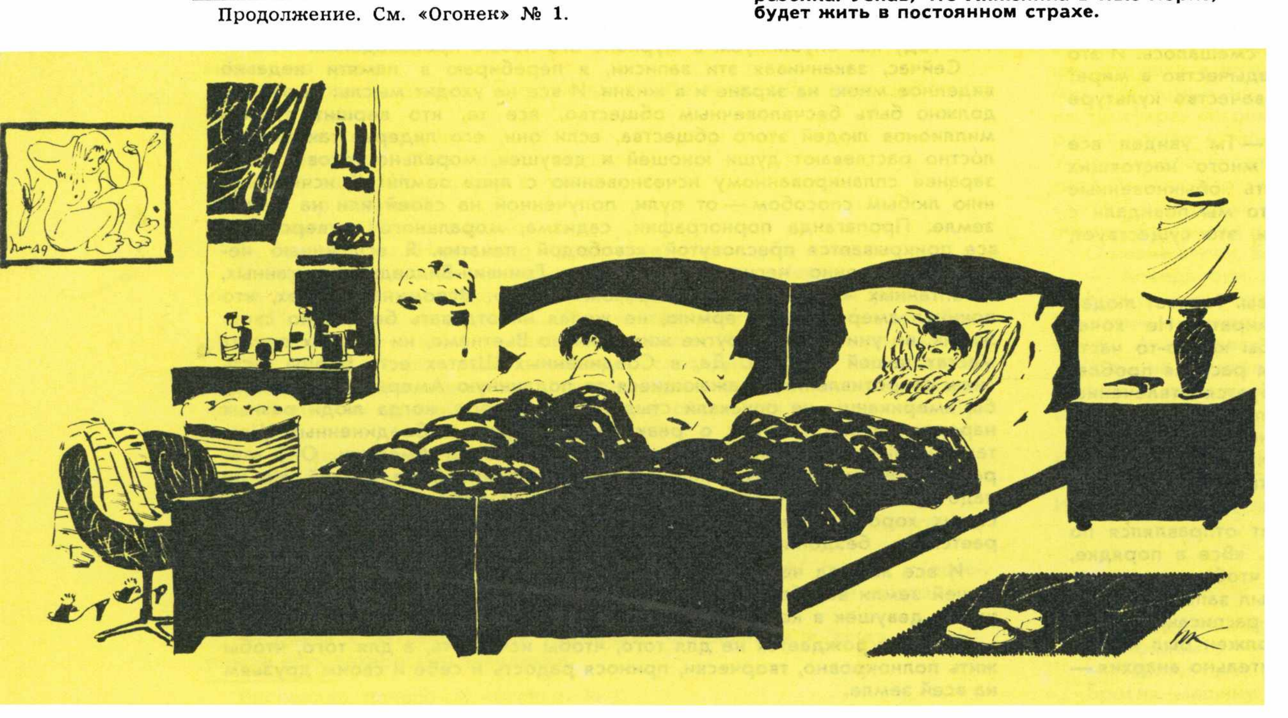
Именно в эту минуту я решил, что во имя здравого смысла, во имя человеколюбия я должен забыть Западную Десятую улицу.

Мы разделись и легли спать. В течение всех трех ночей в Чикаго мне так не хватало привычной близости Бетси. Лежа рядом с ней, я чувствовал, что действительно нахожусь дома, что действительно счастлив. Наши голоса становились все более сонными, и я наконец уснул.

Во сне я видел Анжелику. Она и Джейми мелькали передо мной в каком-то ужасном кошмаре. Я проснулся в страхе, с сильно бьющимся сердцем и не сразу сообразил, где я. Мне показалось, что кольцо с гранатом в виде дельфина на пальце Анжелики висит передо мною в темноте. Рядом слышалось ровное дыхание Бетси. Теперь я знал, где нахожусь, но Анжелика по-прежнему была здесь же. Я отчетливо представлял себе, как она лежит больная в своей жалкой постели с пистолетом под подушками, а в кухне пронзительно дребезжит звонок. Контраст между моим счастьем и ее теперешней жизнью показался мне чудовищным и диким. Как все случилось? Не моя ли тут вина?

Никогда, даже в самые мрачные дни после нашего развода, мне и в голову не приходило осуждать себя больше, чем Анжелику, но сейчас, словно сознание вины все эти годы лишь дремало во мне, я почувствовал себя преступником. Несмотря на все мое сопротивление, воспоминания о совместно прожитых годах вновь потянулись передо мной, как страницы давно прочитанного и забытого романа.

Я увидел Анжелику такой, какой впервые встретил ее в суматошном доме профессора Робертса в Портофино,— девятнадцатилетней изящной девушкой, изо всех сил старающейся играть роль умудренной жизнью, опытной хозяйки для своего отца-вдовца, человека своеобразного и тяжелого. Мне тогда было двадцать четыре года, я только что демобилизовался из морской пехоты. Несмотря на три года службы на Тихоокеанском театре военных действий и длительное пребывание в военно-морском госпитале, я все еще оставался неотесанным деревенским парнем с кукурузных полей Айовы, наделенным непомерной амбицией, наивным преклонением перед культурой и непоколебимой уверенностью, что университетское образование, полученное мною как демобилизованным на государственную стипендию, превратит меня в величайшего писателя второй мировой войны. Я был слишком неопытен, чтобы разглядеть в профессоре Робертсе озлобленного неудачника, прозябающего в захолустном университете. Дом Робертсов со звоном пустых бокалов из-под шерри, поломанной мебелью из прутьев и длинными напыщенными лекциями профессора об европейском искусстве представлялся мне пещерой Просперо[1] в мире студентов, таких же неотесанных деревенских парней, как я. Чары этого дома, казалось мне, исходили и от Анжелики. Я обнаружил, что она не только красива, но и мудра. Она неизбежно стала для меня Мирандой[2], а я со своей раздутой верой в собственный литературный талант превратился для нее в первого открытого ею гения.

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

[1], [2] Просперо и его дочь Миранда — персонажи пьесы У. Шекспира «Буря» (прим. перев.).

Я лежал, боясь шевельнуться и разбудить Бетси, и предавался воспоминаниям. Наши отношения в то время оставались абсолютно невинными. В первые же дни после того, как мы объяснились в любви, Анжелика, то подшучивая, то вполне серьезно, стала настойчиво убеждать меня, что свой военный роман я смогу написать и без университетского диплома. Я приступил к работе и закончил «Полуденный зной» за шесть месяцев. Опьяненные успехом, мы поженились сразу же, как только одно из издательств одобрило и приняло рукопись. Книга встретила бурное одобрение на страницах печати, Голливуд за солидную сумму приобрел у нас право на экранизацию романа, и мы отправились в Европу, покинув профессора Робертса ради тех благодатных краев, где, как он убедил нас, мы сумеем избавиться от провинциализма и найти вечное счастье.

Предаваясь воспоминаниям, я ощутил, что чувство виновности начинает переходить у меня в бесплодную и опасную тоску по тем дням, когда, зачарованные, испытывая благоговейный страх, мы бродили по Франции, Италии и Испании. Располагая деньгами, полученными от Голливуда, я считал себя богатым и знаменитым; Анжелика с ее склонностью к идолопоклонству боготворила меня, и страстная взаимная любовь превратила нашу жизнь в бесконечную рапсодию. Мы чувствовали, что слились в нечто единое, а когда поселились в маленьком, арендованном нами домике в Провансе, вдали от излюбленных туристами мест, нам показалось, что мы нашли свой рай на земле.

Последние годы я почти не вспоминал домик в Провансе, но сейчас живо представил себе все мелочи его обстановки, звуки, запахи краски. Все это связывалось в моем представлении с Анжеликой, с моим постоянным желанием ее, и внезапно, в результате странной игры воображения, я решил, что кровать, в которой я лежу, находится в Провансе и что рядом со мной мирно спит Анжелика.

Я почувствовал ласковое прикосновение чьей-то руки и в течение какого-то мгновения думал, что это рука Анжелики.

— Ты не спишь? — спросила Бетси.
— Нет.
— Бедный, тебя утомила поездка!
— Наверно.

Рука Бетси, такой уверенной, ничего не подозревающей, дружески сжала мои пальцы.

— Попытайся уснуть, милый. Завтра тебе предстоит трудный день.

Чувство виновности с новой силой охватило меня, но, как ни странно, совсем по иной причине.

— Бетси!
— Да, Биль?
— Я рад, что дома.
— Знаю, дорогой, знаю.

Она довольно вздохнула и повернулась на другой бок.

Я продолжал лежать, испытывая отвращение и стыд. Под влиянием нахлынувшей на меня дикой потребности в самобичевании я заставил себя вспомнить то, что произошло позже, в дни мрачной реальности. В течение первого года нашей жизни в Провансе Анжелика подарила мне Рикки, а я написал половину второго романа и уничтожил рукопись. В течение нескольких месяцев я то держался вызывающе, то впадал в мрачное уныние, то переполнялся радужными надеждами, то испытывал страх и подавленность. Я заставлял себя браться за новые опусы и тут же рвал написанное. Постепенно наша жизнь превратилась в кошмар.

Первую и, пожалуй, самую серьезную ошибку сделала Анжелика. На втором году нашей жизни в Провансе она решила, что писателей, а тем более гениальных, нельзя обременять вечно скулящими младенцами, что причина моих неудач она сама и что Рикки вообще не следовало появляться на свет. Решение отделаться от сына мы облекли, как и полагается хорошим родителям, в вполне благопристойную форму. Мы убедили друг друга, что Европа после войны вовсе не представляет собой идеального детского сада для нежного и восприимчивого американского ребенка. Мы привезли Рикки в Штаты и спихнули на воспитание моей сестре Розе в Айове. И только тут я понял, какую ошибку мы допустили.

После этого наша жизнь окончательно пошла кувырком. Снова приехав в Европу, мы уже не вернулись в наш дом в Провансе. Кончались деньги, наша любовь перестала удовлетворять нас, в порывах угасающей страсти мы искали лишь забвения, но теперь уже не могли, как прежде, сливаться воедино. Бесцельно бродили мы с места на место в поисках «стимулов». Все чаще и чаще это были места, где собирались такие же, как мы, американцы-изгои, которые могли польстить мне своими замечаниями, что «слышали» обо мне, а «стимуляторы» все чаще и чаще приобретались за стойками баров. Вечер за вечером я напивался до безобразия, и вечер за вечером Анжелика терпеливо торчала со мною в этих заведениях, из вежливости не выпуская из рук рюмку коньяку. В то лето добрая половина окружавших нас международных подонков пыталась ухаживать за Анжеликой, причем особую настойчивость

проявлял некий Чарльз Мэйтленд — начинающий писатель, еще более самовлюбленный и жаждущий внимания, чем я. Однако Анжелика относилась ко всем с полным безразличием, а если ухаживание этого сброда и льстило ей, она и виду не подавала. Казалось, только на мне была сосредоточена ее жизнь, а поскольку у нее ничего и никого не оставалось, кроме меня, моя любовь была ей необходима, как воздух.

— Биль!

— Да, дорогая?

— В Чикаго все получилось хорошо, правда?

— Разумеется. Все получилось превосходно.

— Значит, все в порядке?

— Все в порядке.

Все в порядке?.. Я вспомнил Джейми, пьяно размахивающего руками в прихожей на Западной Десятой улице. А чем я, собственно, отличался от него, несмотря на все свое ханжество? Разве в свое время я не терзал Анжелику так же, как он сейчас? Я был совершенно невыносим. Да, да, невыносим. У нее имелось больше чем достаточно оснований бросить меня в любое время. Но она почему-то долго не решалась, и теперь я цеплялся за этот факт во имя самооправдания. При всей потребности в самобичевании я не мог видеть в Анжелике великомученицу. Мне оставалось лишь взглянуть на то, что произойдет в конце.

Конец наступил в Портофино. И мы и Чарльз Мэйтленд находились там, когда появился мой друг по совместной службе в морской пехоте Поль Фаулер с женой, преуспевающий и шикарный. Они приехали на яхте Кэллингхемов вместе с Ч. Д., Бетси и ее младшей сестрой. До этого я, в сущности, никогда не встречал понастоящему богатых людей, и непоколебимая самоуверенность Кэллингхемов одновременно восхищала меня и вынуждала еще острее переживать свои неудачи. Неделю спустя мне довелось поужинать на яхте у Кэллингхемов без Анжелики, она предпочла остаться на берегу. Получилось так, что незадолго до этого Ч. Д. случайно наткнулся на мой роман и прочитал его. С бесцеремонностью богача он даже не дал себе труда сообразить, что я являюсь автором романа, и беспощадно его раскритиковал, как типичный образец «неврастенической чепухи, фабрикуемой самовлюбленными и бездарными идиотами». Не знаю почему, но это оказалось последней каплей. Сойдя с яхты, я напился в стельку в небольшом портовом кабачке и приплелся домой мрачнее тучи. Припоминаю, как, поднимаясь по лестнице в нашу комнату, я думал: «Не будь со мной Анжелики, я бы покончил с собой».

Я включил свет в маленькой, почти пустой спальне. Анжелики дома не оказалось, а на столе лежала записка.

«Прости, Биль,— писала она.— Я ушла к Чарльзу. Развод оформляй ты; Ринки возьми себе, я не стану возражать.

Анжелика».

Лежа в постели рядом с Бетси, я заново переживал все муки и горечь той далекой ночи в маленькой душной комнате на набережной Портофино. Анжелика так долго поддерживала меня, своей верой в мой талант так приковала к себе, что и мое самоуважение и мое мужское самолюбие целиком зависели от нее. И вот теперь, подобно «Прекрасной даме»[1] или Лорелее, она бросила меня и своего собственного сына в самое тяжелое и жестокое для меня время, бросила не ради чего-то лучшего, не ради обеспеченной жизни, а ради человека, еще более потрепанного, разложившегося и никудышного, чем я.

И все же мой гнев и горечь были ненастоящими, они были только воспоминанием. Постепенно успокаиваясь, я начал рассматривать прошлое как нечто весьма далекое. С первых дней нашей совместной жизни Анжелике была уготована роль разрушительницы. В ней таилась какая-то скрытая испорченность. Она и бросила ее в объятия Чарльза Мэйтленда, Джейми и еще бог знает кого. Я ни в чем не виноват. У меня нет перед Анжеликой никаких обязательств. Мне нужно благодарить судьбу, что Анжелика покинула меня, а потом произошло чудо, и Кэллингхемы подали мне руку помощи. За свое спасение я должен благодарить Кэллингхемов. Всех — за настойчивые просьбы закончить путешествие на яхте вместе с ними после того, как Поль Фаулер рассказал о моем несчастье, отдельно Ч. Д.— за небрежный взмах магической палочки, принесший мне работу и обеспеченную жизнь; но больше всего я обязан Бетси, такой же одинокой тогда, как я; это одиночество объединило и с избытком вознаградило нас.

Спокойствие окончательно вернулось ко мне, и я получил возможность трезво оценить обстановку. Именно Бетси нуждалась во всей моей нежности и любви. С Анжеликой было покончено.

— Бетси! — прошептал я.

Она .уже спала. Я обнял и поцеловал ее и погрузился в безмятежный сон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Позавтракав вместе с Бетси, с шаловливым и непослушным Ринки и его няней Элин, я часов около десяти приехал на службу. Об Анжелике я не вспоминал, мои мысли были всецело заняты делами издательства «Кэллингхем и К°» и предстоящей беседой с Ч. Д. Позвонив его секретарше, я попросил доложить, что вернулся из Чикаго, а потом занялся почтой, большую часть времени размышляя над тем, о чем и как буду говорить с тестем.

Взаимоотношения с Ч. Д. всегда оставались для меня сложной проблемой, да и само мое положение в журнально-издательской фирме «Кэллингхем» было не из легких. Три года назад, когда Ч. Д. из милости швырнул меня в рекламный отдел трех крикливо оформляемых журналов фирмы «Кэллингхем», мой деловой опыт равнялся нулю. Конечно, сразу же нашлись люди, возненавидевшие меня как любимчика хозяина, причем особенно усердствовал Дэйв Мэннерс — он работал в фирме много лет и слепо верил в священное право старшинства. Передо мной встала тройная задача: учиться делу, ублаготворять своих коллег и оправдывать свое быстрое продвижение по служебной лестнице. К счастью, у меня обнаружилась способность очаровывать руководителей рекламных агентств и коммерческих директоров, а невероятно взбалмошный Ч. Д. вообразил, что мне предстоит блестящее будущее.

И все же, что бы ни думали обо мне сотрудники отдела, брак с Бетси не имел никакого отношения к моей удачной карьере. Больше того, это обстоятельство представляло скорее помеху, ибо Ч. Д. очень раздражали, пусть безотчетно, и независимость Бетси и успехи ее фонда. Ему нравилось, чтобы окружающие его женщины были глупенькими, миленькими, экстравагантными и испорченными, как его младшая дочь Дэфни. Я уважал Ч. Д., иногда он даже нравился мне, если это возможно по отношению к дельцу, у которого богатство вытравило все человеческое, оставив лишь чудовищно раздутое самомнение. Но я не питал никаких иллюзий относительно его привязанности ко мне, своему зятю. Я никогда не сомневался, что стоит мне сделать самую ничтожную ошибку, как он с величественным негодованием набросится на меня: «И подумать только, меня подвел мой собственный зять!»

Однако в то утро я не испытывал особой тревоги. Успешная сделка в Чикаго даст мне серьезные преимущества перед Дэйвом Мэннерсом, когда возникнет вопрос о преемнике нашего теперешнего начальника, если ему придется уйти в отставку по состоянию здоровья. От меня требовалось сформулировать свой отчет о поездке в таких выражениях, в которых сквозил бы намек и на мои личные заслуги и в то же время все лавры приписывались самому Ч. Д. Именно такой порядок был заведен в фирме Кэллингхема, именно так я обычно вел себя, когда удавалось сохранить самообладание.

Секретарша Ч. Д. вызвала меня в одиннадцать тридцать, и наша беседа прошла вполне гладко. Широкоплечий и большеротый, с блестящими выпуклыми глазами, Ч. Д. всегда напоминал мне жабу, коварную, способную усыпить ваше внимание щеголеватую жабу, которая в любой момент может схватить вас, как муху, и сожрать. Он был со мной очень любезен и благодушен; вспомнил, как месяца два назад в Ониде играл в гольф с президентом этого чикагского рекламного агентства.

— Да, да... Я думал тогда, что мы с ним все утрясли. По-моему, это произошло около пятой лунки. Разумеется, мы разговаривали только намеками. Да с этими молодчиками иначе и нельзя. Но я рад, что ты довел дело до конца. Хорошо сработано, мой мальчик! Лэмберт — и тот не сделал бы лучше. (Лэмберт — наш больной вице-президент.)

Ч. Д. одарил меня взглядом, который, по его мнению, и должен приличествовать подлинному королю прессы, потом принялся разыгрывать роль заботливого родителя.

— Кстати, Бетси сказала, что сегодня вечером будет терзать меня с этой проклятой благотворительностью. Надеюсь, ты тоже придешь. Мне нужно чуточку моральной поддержки. Уж эти мне упрямые дамочки! Смертельно их боюсь.

— Я приду, Ч. Д.

— Вот и чудесно, мой мальчик. И, ради бога, попроси женушку не заводить свои речи, пока мы не поужинаем, иначе она испортит мне аппетит. Значит, ровно в семь.

Мы приехали в Ойстер-бей в парадных костюмах ровно в семь, хотя нам пришлось заехать за Полем Фаулером и его женой, так как они отдали свою машину в ремонт.

Я был рад присутствию Поля. Как ни смешно, но Бетси, постоянно добиваясь любви и расположения отца (скорее всего именно поэтому), всегда терялась и робела в его присутствии, а на меня давила крикливая роскошь апартаментов Ч. Д., хотя и не в такой степени, как раньше. Поль же с присущим ему сочетанием цинизма и мальчишеского пыла, что так нравилось мне во время нашей совместной военной службы, играл в этом обществе роль идеального катализатора. Бетси сделала весьма ловкий ход, назначив его административным директором фонда. Ее отец все еще оставался главным жертвователем, и Полю чаще, чем Бетси (он называл ее Эксплуататоршей), удавалось кое-что выколотить из Ч. Д. Уроженец Калифорнии, отпрыск богатой семьи, широко известной задолго до того, как прошел первый слух о Кэллингхемах, Поль был единственным человеком, позволявшим себе подсмеиваться над Ч. Д., и старику это нравилось. Любитель и знаток женского пола, вдовец Ч. Д. питал слабость к Сандре — до приторного красивой, но обезоруживающе пустоголовой жене Поля. Сам Поль всегда называл ее Проп[2].

— Уж тебе-то, Биль, лучшему другу по армии, могу на ушко сообщить, что Проп вовсе не живое создание. Ее вылепили из самой дорогой пластмассы. Кто? Бяки-рекламодатели ваших журналов-бяк. Для чего? Чтобы навешивать на этот дорогой манекен брильянты и норковые манто и фотографировать в «кадиллаках». А я, бедняга, должен добывать брильянты и все такое прочее и обеспечивать соответствующий фон. Подумай только, как истощает это мои духовные силы и мой кошелек! «Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией»!.. Да его следовало бы назвать «Фонд для снабжения Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями»!

Вечер у Ч. Д. был совершенно таким же, как и все другие вечера,— много слуг, много еды, много вина и чересчур много Дэфни. Нельзя сказать, что я питал отвращение к девятнадцатилетней сестре Бетси. Наоборот, она казалась мне милой. Пожалуй, даже ее можно было назвать привлекательной, несмотря на ее постоянную нервозность, копну рыжих волос и огромные голубые, похожие на жабьи глаза (более или менее сносная копия отцовских). Иногда, оставаясь и в таких случаях пустой и несерьезной, она бывала по-своему великодушной, но чаще всего невероятно надоедливой.

Слепо обожавший ее Ч. Д. даже не пытался пресечь легкомысленные выходки дочери, ее необузданное стремление заполучить все, что захочется, ее высокомерную уверенность в том, что каждый мужчина рожден лишь для того, чтобы стать ее рабом. В тот вечер за ужином мы сидели рядом, и она усиленно кокетничала со мной. Впрочем, она всегда — даже слишком старательно — пыталась очаровать меня, и я понимал, что это делается главным образом ради того, чтобы досадить Бетси. Вот эта ее черта особенно мне не нравилась. Дэфни владела навязчивая идея всюду и всегда, как в сказке о Золушке, демонстрировать, что она в семье красавица, а Бетси урод. Я не мог не сердиться хотя бы потому, что эта манера Дэфни постоянно раздражала и смущала Бетси.

Дэфни без конца трещала о быстроходном катере, который к весне обещал подарить ей Ч. Д. Это же будет прямо-таки божественно! Представьте, как она несется по лунной дорожке, пересекающей океан. Она ждет не дождется возможности покататься на катере вдвоем со мной. Ч. Д. любезничал с Проп, но не забывал время от времени бросать на Дэфни ласковый взгляд. Поль тоже, как полагается ловкому политикану, усиленно льстил Дэфни. Все это создавало вокруг Бетси атмосферу отчужденности, она чувствовала себя напряженно и неловко, словно портила всем настроение. Выглядывая из-за украшенной сложными узорами серебряной вазы, стоявшей в центре стола, я ободряюще улыбался ей, и она отвечала мне тем же. Однако я понимал ее настроение.

О фонде никто пока не заикался. Даже после того, как дамы нас покинули и мы остались втроем за бокалами портвейна (по мнению Ч. Д., так полагалось среди аристократов), старик старательно уклонялся от разговора на эту тему. Я еще раньше пообещал Бетси, что сам начну атаку, но Поль взглядом остановил меня. Мне не хотелось пренебрегать его предупреждением, раньше я никогда не участвовал в таких щекотливых делах, как выклянчивание денег, а теперешний случай представлял особую важность. Бетси и Поль начинали ежегодную весеннюю кампанию по сбору средств и надеялись, что Ч. Д. пожертвует больше, чем обычно, и возглавит список жертвователей.

Все произошло после того, как к нам снова присоединились дамы. Поль ухитрился чем-то занять Дэфни в углу огромной гостиной. Я отвлек Проп от Ч. Д. и уселся с ней на псевдостаринную и псевдофранцузскую кушетку в стиле эпохи Людовика XV. Таким образом, Ч. Д. и Бетси остались, хотя и относительно, наедине, но старик и тут всячески пытался затруднить разговор. Когда Бетси наконец заставила себя обратиться к отцу с заранее подготовленной просьбой, он сразу же ее перебил:

— Моя дорогая Бетси! Пожалуйста, избавь меня от разглагольствований. Я ведь знаю, чем вызвано твое появление здесь, а ты, надеюсь, не думаешь, что твой словесный фейерверк хоть чуточку может поколебать мое решение.

Ч. Д., родившийся в трущобах Цинциннати и в свое время занимавшийся самообразованием с такой же яростной настойчивостью, как и обогащением, любил выражаться многословно и велеречиво. Помолчав, он изобразил на своем жабьем лице гримасу, означавшую самодовольную улыбку, сжал в руке пузатый коньячный бокал и елейным голосом, совсем в тоне написанных им передовиц, произнес длиннейшую речь о необходимости «стоять на собственных ногах». С первых дней существования фонда, заявил Ч. Д., он поддерживал его, и было бы правильнее называть этот фонд «Фондом Ч. Д. Кэллингхема». Если Бетси действительно гордится своими делами, ей уже следовало бы понять, что она не может вечно надеяться на щедрость снисходительного папаши...

Чем больше я слушал старика, тем сильнее возмущался. Ч. Д. был не только неправ, но и чудовищно жесток. Бетси создала фонд на средства, оставленные покойной матерью, сама им руководила и лишь иногда обращалась к Ч. Д. за ежегодным пожертвованием и с просьбой напечатать в его журналах кое-какие материалы, популяризирующие деятельность фонда. Ч. Д. хорошо знал все это и тем не менее продолжал свои нудные разглагольствования.

Поль и Дэфни тоже начали прислушиваться к разговору. Я видел, как Поль наклонился к Дэфни и что-то прошептал ей на ухо, и она довольно рассмеялась. Затем они поднялись и подошли к нам. Ч. Д. как раз заканчивал свои нравоучения.

— Итак, моя дорогая Бетси, тщательно все обдумав, я решил предоставить тебе возможность доказать, что ты сумеешь обойтись и без моей помощи.

Лицо Бетси ничего не выразило, но я понимал, каких огромных усилий это от нее потре-

[1] Персонаж из одноименного произведения английского поэта Д. Китса (1795—1821).

[2] Игра слов: «проп» одновременно значит «опора», «подпорка», «собственность», «бутафория», «декорации» (прим. перев.).

бовало; весь разговор был искусно построен так, чтобы причинить ей как можно большую неприятность. Взбешенный, я забыл о всякой стратегии и в слепом негодовании бросился на защиту Бетси. Ч. Д. нахмурился. В самый разгар своей пылкой речи я перехватил умоляющий взгляд Поля, смутился и умолк. Наступила тяжелая пауза. Тишину нарушила Дэфни.

— Следовательно, папа, ты не хочешь сделать пожертвование в фонд Бетси? — громко спросила она.

— Нет, мой поросеночек. Пусть сама позаботится о себе.

— Подумать только, какой ты у меня жадный, старенький денежный мешок! — Дэфни захихикала, как великовозрастная школьница, и, обняв Ч. Д. тоненькими обнаженными руками, уселась к нему на колени.— Никогда в жизни я не испытывала такого огорчения. Моя бедненькая Бетси! Что у нее есть, кроме этого паршивого фонда? Да он же немедленно развалится без твоей помощи! Как ты можешь быть таким невыносимым скупцом?

Дэфни бросила взгляд на Бетси и принялась тянуть отца за ухо. Грубая лесть Дэфни была вызвана, конечно, не столько искренним желанием помочь Бетси, сколько стремлением порисоваться перед нею своей властью над отцом. Меня эта сцена привела в крайнее замешательство, еще более усилившееся, когда по лицу Ч. Д. я увидел, что он начинает сдаваться. Щеки у него порозовели, надулись, губы сжались, он даже начал похихикивать, подражая дочери.

Не прошло и четверти часа, как он забыл свою речь о необходимости «стоять на собственных ногах» и подписал чек — «на этот раз только ради своего поросеночка».

Ч. Д. передал чек Бетси, и только теперь, заметив в его взгляде злорадство, я понял, что и на этот раз, как и во многих таких случаях раньше, он превосходно меня разыграл. Его напыщенная речь и нелепая сцена, когда он изображал глупенького папашу Дэфни,— все это было очередным трюком, отвратительной шуткой богатого человека. Он заранее решил дать деньги, но вначале с помощью Дэфни хотел унизить Бетси.

Вся обстановка в семье Кэллингхемов угнетала и пугала меня, и остаток вечера, во всяком случае, с моей точки зрения, прошел отвратительно, хотя Ч. Д., видимо, получил колоссальное удовольствие. Он настоял, чтобы все мы снова выпили по рюмке коньяку, и удостоил нас воспоминаниями о днях своей юности в Цинциннати, о том, как он начинал свою репортерскую карьеру.

— Да-с, дети мои, это было времечко, когда требовался напор; это было времечко, когда энергичный и живой паренек...

К счастью, старик рано укладывался спать и в десять тридцать соизволил отпустить нас.

Дэфни тоже вышла в вестибюль. Как только я надел пальто, она отвела меня в сторону и, торжествующе улыбаясь, показала монету в двадцать пять центов.

— Поль поспорил со мною на четвертак, что я не сумею уговорить старика! Неплохая работенка, а? — Она нарочно замигала своими выпуклыми глазами.— Завтра я приеду в Нью-Йорк. Я спасла для Бетси этот паршивый фонд, и в знак признательности она, надеюсь, одолжит мне тебя на ленч.

Я взглянул на Дэфни. Ленч с ней обещал оказаться утомительным и затяжным занятием. Но я заставил себя улыбнуться. Не следовало противоречить Дэфни, это могло бы еще больше осложнить взаимоотношения Бетси с семьей. Мне оставалось только ответить согласием.

Я присоединился к остальным, и мы направились к машине. Бетси держалась отлично. Она даже не упомянула о моей злосчастной попытке выручить ее, и никто, глядя на нее, не сказал бы, как ее обидел отец. Но я-то знал, как болезненно она переживает случившееся, хотя из гордости и делает вид, что ничего не произошло. Поль тоже вел себя превосходно и даже не обмолвился об эпизоде с четвертаком, возможно, потому, что считал его обычной деловой операцией.

Чета Фаулеров решила заехать к нам выпить по рюмке вина, и мы почти уже добрались до Бикман-плэйс, когда Проп решила, что у нее болит голова. Она разбаливалась у нее после каждой вечеринки, если Сандра вдруг обнаруживала, что не была там в центре общего внимания. Она не могла придумать другого способа заявить о своей особе. Поль по обыкновению был кроток с ней, как ягненок.

— Моя бедная крошка! — участливо сказал он.— Это от слишком большого ума.

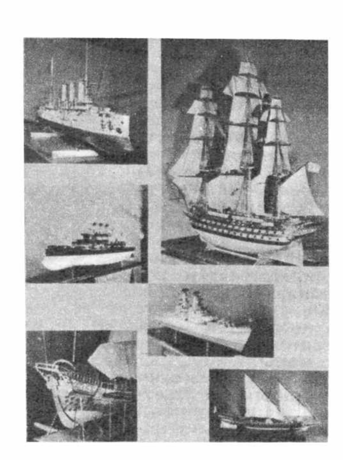
— Нет, Поль, нет! Это от ликеров Ч. Д.

Высадив Бетси на Бикман-плэйс, я отвез Фаулеров к ним на квартиру в Вилледж. Возвращался я далеко не в отличном настроении. Даже после трех лет счастливой семейной жизни у меня бывали периоды, когда я чувствовал себя в западне, мне казалось, что мы с Бетси, несмотря на нашу игру в независимость, всего-навсего чуть лучше обеспеченные рабы в огромной империи Ч. Д. Этот день выдался особенно тяжелым. Обстоятельства вынудили меня льстить Ч. Д. на службе; позже мне пришлось беспомощно наблюдать, как он издевается над моей женой, а потом безропотно подчиниться приказу взбалмошной девятнадцатилетней девчонки явиться на ленч. Наверно, как и жена Поля, я испытывал тщетное желание погромче заявить о своей особе. Как мне хотелось хотя бы на мгновение почувствовать себя полностью независимым и самостоятельным!

Я случайно выглянул из машины и обнаружил, что нахожусь почти напротив квартиры Анжелики.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

ПАРАД КОРАБЛЕЙ

Когда входишь в зал истории русского флота, первый из залов Центрального военно-морского музея в Ленинграде, тебя охватывает мир морской романтики.

Свою историю музей ведет от Модель-камеры, основанной 260 лет назад — 24 января 1709 года — создателем русского регулярного военно-морского флота Петром I. С этого времени фактически начала формироваться самая интересная и ценная из коллекций музея — «эскадра» моделей, ныне насчитывающая более 1 500 кораблей. В 1805 году Модель-камеру преобразовали в Морской музей, и с тех пор здесь стали накапливаться новые экспонаты — мореходные инструменты, предметы морской практики, памятные медали...

На последней странице обложки вы видите модели кораблей самых разных эпох.

Вот крейсер «Аврора». Модель выполнена в 1:50 натуральной величины в модельной мастерской музея. Она создавалась в течение двух лет. Рядом с «Авророй» расправила паруса уникальная модель 84-пушечного линейного корабля «Императрица Александра», который был построен в С.-Петербурге на Новом Адмиралтействе в 1827 году.

Модель эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический», построенного в Николаеве, напоминает о героических революционных традициях русских моряков.

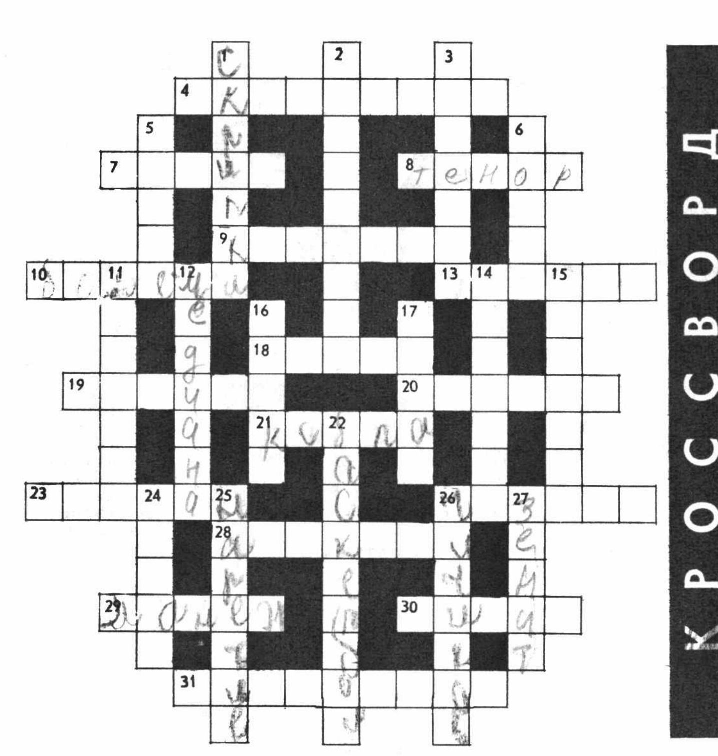
Изображенная на снимке корма — часть одной из старейших моделей мира — французской галеры Людовика XIII. Она сделана приблизительно в двадцатых годах XVII столетия.

Работы мастеров-любителей представляет здесь модель современного крейсера-ракетоносца «Варяг», сделанная бывшим воспитанником судомодельного кружка Ленинградского Дворца пионеров К. Сороколетовым.

На последнем снимке модель галеры скампавеи, одной из семидесяти галер, построенных в С.-Петербурге в 1713—1714 годах. Многие галеры этой серии участвовали в победном морском бою русского флота у полуострова Гангут в 1714 году.

А. Ларионов, начальник реставрационной и модельной мастерской Центрального военно-морского музея

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский писатель. 7. Силикатный расплав. 8. Мужской голос. 9. Река в Южной Америке. 10. Лиственное дерево. 13. Советский конструктор артиллерийского вооружения. 18. Залив Охотского моря. 19. Травянистое и полукустарниковое растение с душистыми цветками. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Очковая змея. 23. Единица измерения углов. 26. Опера П. И. Чайковского. 28. Пустыня в Чили. 29. Арена цирка. 30. Приток Уссури. 31. Ускоритель заряженных частиц.

По вертикали:

1. Музыкальный инструмент. 2. Итальянский дирижер. 3. Зодиакальное созвездие. 5. Планка для рам и карнизов. 6. Рыба семейства карповых. 11. Столица союзной республики. 12. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 14. Популяризация товаров. 15. Французский поэт-песенник. 16. Хлопчатобумажная ткань. 17. Порт на Атлантическом океане. 22. Спортивная игра. 24. Сплав железа с никелем. 25. Часть речи. 26. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 27. Наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

1. Снегурочка. 8. «Костер». 9. Херсон. 12. Нива. 14. Хабаров. 16. Камбала. 17. Магнитогорск. 18. Кибитка. 21. Томский. 24. Граб. 26. Войнич. 27. Ариэль. 28. Тарантелла.

По вертикали:

2. Нейтрино. 3. Георгин. 4. Обухова. 5. Кедровка. 6. «Ворона». 7. Колумб. 10. Глаголица. 11. Галактика. 13. «Верочка». 15. Вента. 16. Клодт. 19. Изотоп. 20. Клоунада. 22. Оригинал. 23. Соболь. 24. Горчица. 25. Бомарше.

На первой странице обложки: Мы — таежники. Фотоэтюд М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

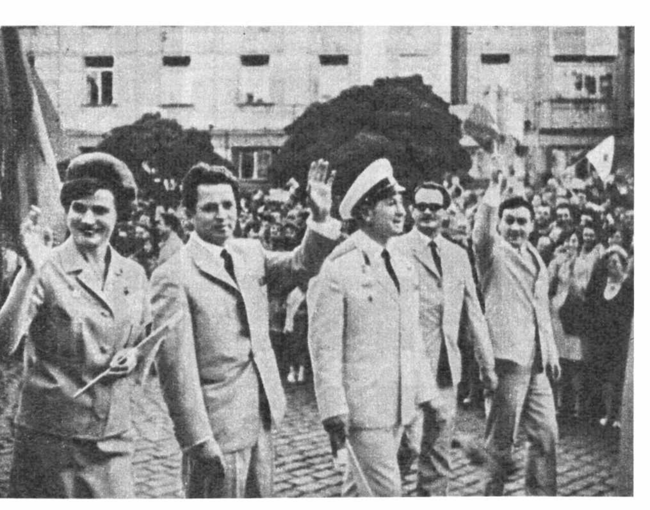
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка— 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 24/XII-68 г. А 00301. Подписано к печ. 7/I-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 16. Заказ № 3585.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Советская делегация на открытии фестиваля.

ФЕСТИВАЛЬ НА ЭКРАНЕ

Всемирные фестивали молодежи и студентов давно стали примечательной чертой современности. Эти праздники дружбы — большой вклад молодого поколения в движение сторонников мира.

Прекрасна эта послевоенная традиция! Но именно в ее традиционности — основная трудность для тех, кто хочет рассказать об очередном фестивале языком документального кино. Ведь уже установился определенный порядок проведения праздников юности: торжественные шествия во время их открытия и закрытия, массовые митинги, дружеские встречи, дискуссии, выступления и конкурсы молодых артистов и участников художественной самодеятельности, спортивные соревнования и т. п. Миллионы людей, в том числе, например, и москвичи в 1957 году, видели своими глазами эти волнующие праздники, а десятки, если не сотни миллионов могли наблюдать за ними на экранах телевизоров и кинотеатров.

И вот фестиваль 1968 года в Софии. И вслед за ним документальный фильм о нем — «Время жить»[1]. Не первый по счету фестивальный фильм, на сей раз — уже о девятом таком празднике.

Первая и главная удача авторов фильма в том, что им удалось по-своему, нетрадиционно рассказать об этом событии. Необычайная сложность современной международной обстановки — вот тот ключ, который они не побоялись взять, разворачивая перед зрителем фестивальную киноленту. Они не ушли от этой сложности в гущу массовых манифестаций и дружеских встреч, а, наоборот, использовали события фестиваля как повод, предлог для рассказа об исканиях молодежи, для рассказа о том, как она выбирает свой путь и определяет свое место в жизни, как она приходит к мысли о необходимости вести борьбу за мир и справедливость.

Такой философский и политический настрой, заданный фильму с первых же его кадров, позволил интересно рассказать о фестивале. Фильм не только красочно повествует, но и заставляет зрителя, особенно молодого, задуматься, ставит перед ним вопросы. И не разжевывает ответы, а подводит к ним, опираясь на фестиваль и связанные с ним события. В этом еще одно достоинство документальной ленты.

Собственно, из двух отмеченных выше достоинств фильма и складывается его успех. Остальные компоненты картины, в основном тоже удачные, подтверждают правильность исходных позиций авторов фильма, их верность своим принципам, хороший вкус и чувство меры.

Об этом говорят кадры, рассказывающие о солидарности с борющимся Вьетнамом, кадры, рисующие неповторимый облик Болгарии. Лаконично, но ярко показана роль советской молодежи на празднике юных. Нельзя не вспомнить и о той части фильма, в которой говорится о врагах фестиваля, говорится убедительно и образно.

По-настоящему юной и задорной, без ненужной парадности и напыщенности показана молодежь. С чисто юношеской непосредственностью она поет и танцует, радуется и возмущается, спорит и кокетничает.

Режиссер, авторы сценария и текста и операторы хорошо понимают и дополняют друг друга в этом фильме. Помимо политической заостренности, их совместную работу отличает по-человечески доброе видение мира и теплый юмор. В этом смысле особенно запоминаются кадры о конкурсе красоты, на котором была определена лучшая из лучших.

В заключение хочется высказать на первый взгляд парадоксальную мысль. Все же в фильме кое-где слишком много фестиваля, то есть того, о чем говорилось в начале нашей рецензии; порой затянута съемка шествий и манифестаций. Уже самими авторами фильма избранный ключ требует сократить такого рода показ и за этот счет расширить и углубить рассказ-размышление, рассказ-призыв, но в целом, повторяем, большая и сложная работа над нелегким фильмом увенчалась успехом. Авторы картины рассказали о фестивале нестандартно, по-своему. Они создали фильм, который звучит, как песня о весне человечества.

В. НИКОЛАЕВ

[1] Авторы сценария и текста Г. Гурков, А. Кривопалов, Л. Махнач. Режиссер Л. Махнач. Главный оператор В. Киселев. Операторы В. Байков, Н. Генералов, А. Кочетков, Г. Серов, В. Усанов.

Счастья тебе, Журавушка!

Опустились журавли на родные поляны. Весна. Стремительно бежит вдогонку за журавлиной стаей длинноногая деревенская девчонка. И сама вдруг становится похожа — со своей отброшенной в сторону, трепещущей косынкой в руке — на гордую, звонкоголосую журавушку. Так ее и стали звать в деревне.

А теперь «Журавушкой» назвали картину, только что выпущенную студией «Мосфильм», по повести Михаила Алексеева «Хлеб — имя существительное».

Режиссер Ник. Москаленко и оператор Ник. Олоновский (сценарист Дм. Василиу) увидели в повести близкую себе, большую нравственно-этическую тему. Увидели нелегкую судьбу и прекрасную душу нашей современницы, женщины-крестьянки. Увидели возможность показать те основы жизни, которыми силен советский, русский человек: его честь и гордость. Верность.

«Журавушка», бесспорно, затронет зрителей за живое. Думается, фильм будут смотреть по-разному, спорить о нем. Так было с «Председателем» и «Бабьим царством»; так было с фильмами «Женщины», «Три тополя на Плющихе»... Все эти картины заставляли людей размышлять об увиденном и у каждого вызывали свое отношение.

В самом деле, тема любви, верности, рождающая и другие сложные жизненные ассоциации, проходит, например, через фильм «Три тополя на Плющихе». Но вспомним картину. Прекрасная женщина (тоже деревенская, тоже красавица и тоже, видно, славный человек, наша современница) всей душой потянулась к другому хорошему, светлому, пусть только что встреченному ею человеку... Татьяна Доронина и Олег Ефремов делают чувство, возникшее с первого взгляда, не то что убедительным, но поразительно глубоким. Однако же любовь «не состоялась», а верность взяла верх. Продав в городе мясо, женщина возвращается к детям и мужу — жадному хищнику; артист В. Шалевич тоже великолепен в этой роли.

Что же дает человеку такая «верность», ставшая ловушкой, капканом для человеческой души? Вырвется ли из капкана героиня Т. Дорониной?.. На эти вопросы фильм не дает ответа.

Верность без всяких кавычек, как принцип жизни, встала во весь рост — мы все это помним — в фильме «Бабье царство»... По сути дела, «Журавушка» раскрывает те же проблемы, отличаясь лишь бо́льшим лиризмом, мягкостью и, я бы сказала, добротой.

Рано овдовела Журавушка. Давно кончилась война, а она все еще ждет домой мужа Петра: мало ли куда могли закинуть его военные бури...

Марфа не замкнулась в своем горе; с верой растит сына Сережку, любит жизнь и людей. Только напрасно было бы принимать жизнестойкость Журавушки за готовность к новой любви.

— Не вдовая я, мужа жду! — кричит Марфа домогающемуся ее Маркелову (Н. Гриценко). Тенью ходит за Журавушкой парторг Стышной, друг ее Петра, вернувшийся с войны (артист Армен Джигарханян); он и понимает ее светлые чувства, и жаль ему любимую им женщину... А она все ищет, все пишет, все спрашивает...

И вот — вся в черном — стоит Марфа возле братской могилы: некого ей больше ждать. А сердце все равно одного любит; нет места другому!..

Яркие краски нашла артистка Людмила Чурсина для своей Марфы. Душа чистая и восторженная, она простосердечна и доверчива. Даже в великом горе своем эта натура не сломлена, не покорна. Поэтому-то непрочным оказывается влияние на Марфу умного попа отца Леонида, как и его «правой руки», кулачки и стяжательницы тетки Глафиры.

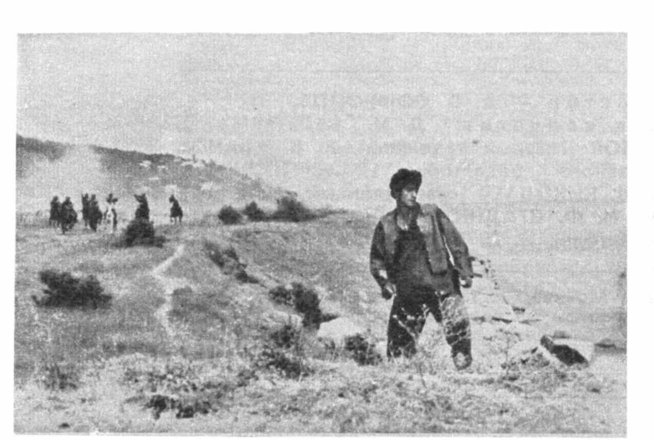
Правда, эти персонажи, сыгранные крупнейшими артистами — Н. Мордюковой и Г. Жженовым,— словно не очень точно вписались в сценарий картины... Есть в нем и другие сюжетные сбои. Но режиссер все время упорно возвращается на главную магистраль, ведя речь о послевоенной деревне, об ее сложностях и трудностях, радостях и надеждах.

Жизнеутверждение и душевная чистота — вот основной тон фильма.

...Постаревшая, но все еще красавица, Марфа сходит с крыльца навстречу мчащейся по деревне русской свадьбе, навстречу новому, молодому счастью. Это Журавушкин сын, Сережка, привез в дом матери юную жену... Полными слез глазами смотрит на них Журавушка. Смотрит, сама не зная того, что совершила подвиг жизни. Не зная и того, что при всей своей «незаметности» подвиг этот велик и заразителен.

Н. ТОЛЧЕНОВА

На снимке: кадр из фильма «Журавушка». В роли Марфы — Людмила Чурсина. ▶

Яшка-цыган в тяжелой ситуации!..

НЕУЛОВИМЫЕ БУДУТ ЖИТЬ!

В сейфе начальника белогвардейской разведки полковника Кудасова запрятаны важнейшие сведения — карта укрепленных районов. Достать эту карту поручено четверке неуловимых, чья экранная жизнь успешно продолжена Э. Кеосаяном и А. Макаровым.

...В центре южного городка, где обосновались белогвардейцы, босоногий парнишка старательно чистит обувь. Это Данька — основное звено в цепи опаснейшей операции. Его неожиданно узнает появившийся в городе атаман Бурнаш. У него с «красными дьяволятами» старые счеты. Данька — в руках врагов, операция под ударом.

Но не дремлет Яшка-цыган.

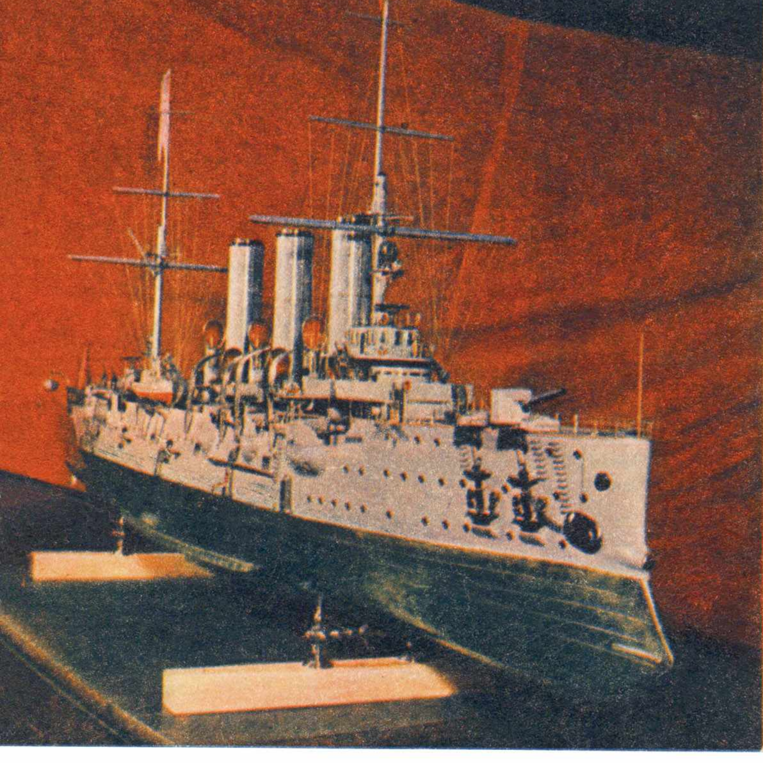
Веселая цыганская свадьба привлекает внимание Данькиных конвоиров. Зазевавшиеся солдаты даже не заметили, как им подменили арестанта! Данькино место безропотно занял... медведь.

Много еще лихих и бесстрашных поступков совершают смельчаки.

Живы неуловимые, живы! И мы ждем от них снова самых невероятных, фантастических, захватывающе-смелых приключений! Ждет детвора, полюбившая эту поистине «великолепную четверку», ждут те, кто своими глазами видел полвека назад таких вот «дьяволят» — живых, невыдуманных, кто с ними вместе отстаивал Родину в битвах с врагами...

Может быть, теперь сценаристы А. Макаров и Э. Кеосаян придумают не только военные, а еще и мирные приключения для Даньки и Ксаны, Валерки и Яшки-цыгана?.. С увлечением играют в фильме артисты В. Косых, В. Васильев, В. Курдюкова, М. Метелкин, Б. Сичкин, Е. Копелян, А. Джигарханян, А. Толбузин... Они создали образы, которым веришь, которые запоминаешь.

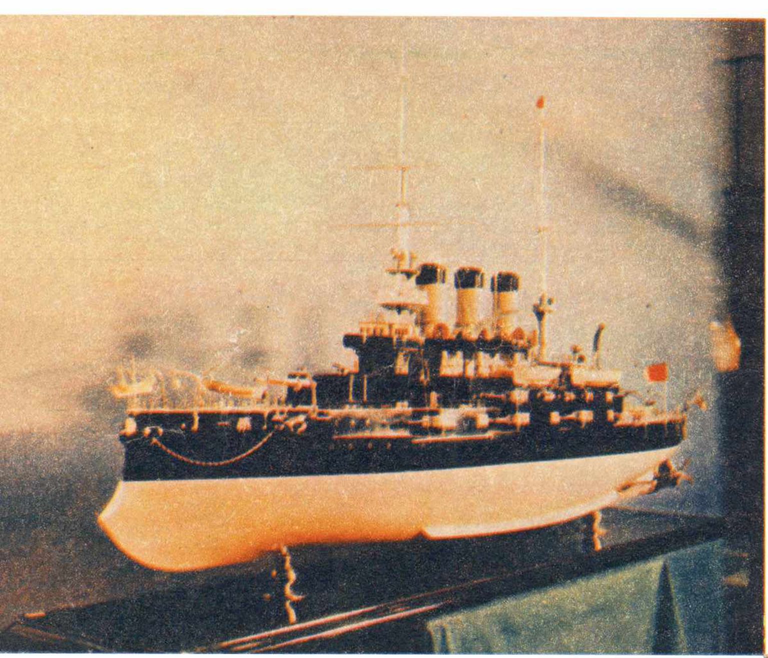
Н. ЗЫБИНА

Крейсер «Аврора».

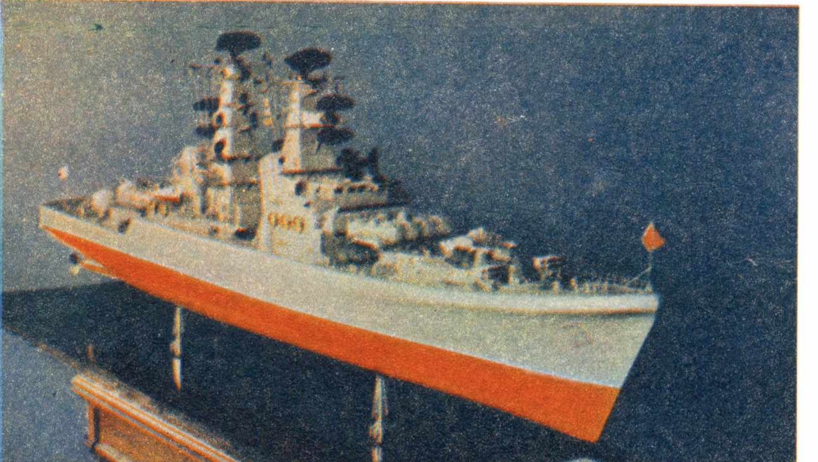
84-пушечный линейный корабль «Императрица Александра».

Эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический».

Корма галеры эпохи Людовика XIII.

Ракетный крейсер «Варяг».

Скампавея — малая галера.

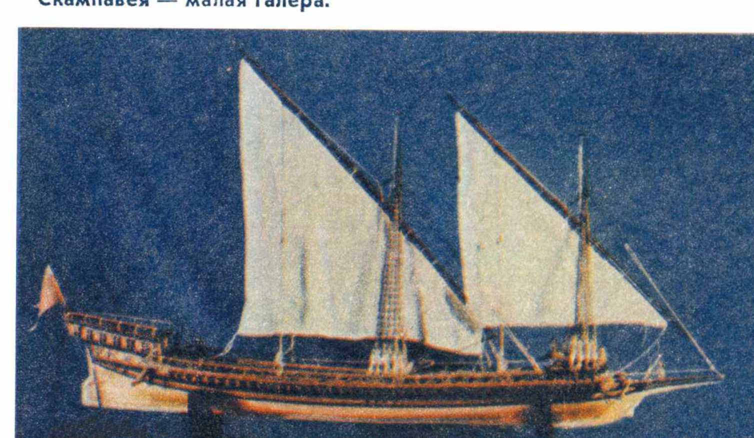

Фото И. БЕЛОВА

См. в номере «Парад кораблей».

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663